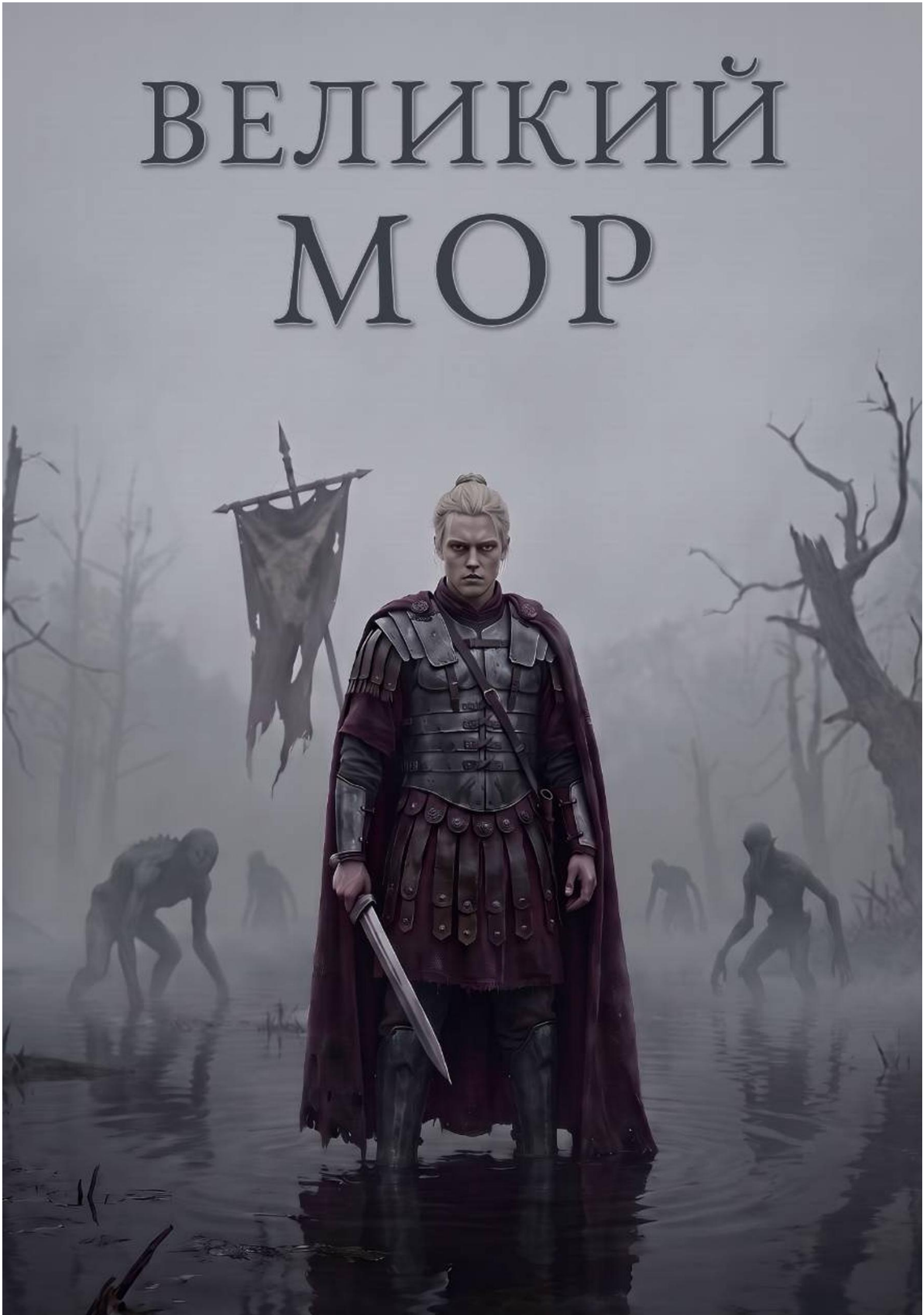
ВЕЛИКИЙ МОР



Булочка с мраком

Великий Мор

«Автор»
2026

с мраком Б.

Великий Мор / Б. с мраком — «Автор», 2026

Война должна была закончиться обычным приказом и возвращением домой.Но короткий путь через Драксильское болото оборачивается для примуса Оберина Эвергардена встречей с противником, которого не должно существовать. Его солдаты заболевают неизвестной болезнью, древние руины хранят следы забытой цивилизации, а сам Оберин начинает замечать в себе изменения, которым не может найти объяснения.Тем временем из далёкого Аэр'Вар в человеческое королевство отправляется дипломатическая миссия. Вместе с ней едет Джулия — молодая Лиаранка и одна из лучших убийц Гильдии. Ей поручено всего лишь передать королю древнюю реликвию.Но тот, кто дал ей этот приказ, преследует совсем другую цель.Две дороги постепенно сходятся, а вместе с ними возвращается то, что много поколений считалось лишь страшной легендой.Великий Мор — мрачное фэнтези о войне, долге, власти, древнем зле и людях, которым приходится принимать решения там, где правильного выбора может не существовать.

© с мраком Б., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава I. Эхо прошлого 5
Глава II. 25
Глава III. После тумана 37
Глава IV. Дорога на запад 67
Глава V. Возвращение 83
Конец ознакомительного фрагмента. 120

Булочка с мраком
Великий Мор

Глава I. Эхо прошлого

Драксильское болото начиналось там, где заканчивались хорошие дороги. На военных картах королевства оно выглядело блеклым серо-зелёным пятном между восточными рубежами и Денеримом. Ни крепостей, ни застав, ни почтовых станций — только несколько старых троп, нанесённых ещё при прадедах нынешнего короля, и приписка мелким почерком: «проход затруднён». Оберин Эвергарден смотрел на неё уже третий раз за утро и всё больше склонялся к мысли, что картограф был либо трусом, либо обладал отвратительным чувством юмора.

— «Проход затруднён», — прочитал через его плечо Хаузер Эйдриан. — Хорошая формулировка. Если утонем, никто потом не скажет, что нас не предупреждали.

Оберин не обернулся. — Обоз проверил?

— Дважды. Воды на девять дней при строгом расходе, сухого пайка — на двенадцать. Если болото согласится кормить нас лягушками, проживём дольше.

— Лошади?

— Двадцать семь оставим у заставы. Внутрь пойдут только вьючные. Разведчики говорят, дальше от верховых больше хлопот, чем пользы.

Теперь Оберин поднял взгляд от карты. Хаузеру было тридцать два. Он был шире в плечах, тяжелее Оберина и носил короткую рыжеватую бороду вопреки легионному уставу, будто заранее проверял, сколько мелких нарушений может позволить себе человек, которого уже утвердили примусом. Под левым глазом тянулся старый шрам, ещё один — белый и тонкий — пересекал подбородок. Оба он получил в разных сражениях и происхождение обоих каждый раз описывал по-новому.

По прибытии в столицу Хаузер должен был официально принять II когорту XII Легиона Пепельного Клинка. Королевская печать на назначении уже стояла. До тех пор он шёл вместе с III когортой: дорога была одна, а они с Оберином за годы войны привыкли считать совместный марш скорее нормой, чем исключением. Хаузер несколько секунд изучал его лицо.

— Ты опять не спал.

— Спал.

— Два часа — не сон. Это обморок с хорошей дисциплиной.

Оберин сложил карту. — Хаузер.

— Молчу, Примус.

Он действительно замолчал. Ровно на три шага. — Но выглядишь ты паршиво.

Оберин сделал вид, что не услышал. — Нам нужен Денерим через две недели. Не через месяц.

Шутка исчезла с лица Хаузера. Три дня назад гонец короля догнал III когорту на восточном фронте. Новости из столицы были хуже одна другой. Несколько влиятельных домов открыто требовали прекратить войну с Варганами, два гарнизона отказались передавать людей королевским сборщикам, а в войсках ходили слухи, что один из легионов готов поддержать переворот, если мятежники выступят первыми. Король стягивал к столице части, которым ещё доверял. XII Легион Пепельного Клинка был одной из них.

Обычная дорога огибала Драксильское болото с юга и отнимала почти месяц до главного тракта. Если пройти напрямую, можно было выйти к Денериму за полторы-две недели, дать людям короткий отдых, пополнить припасы и продолжить путь к столице уже по мощёной

дороге. Риск Оберин понимал. Но если они опоздают, цена могла оказаться выше сотни утопленных сапог.

— Я понимаю, зачем мы туда идём, — сказал Хаузер. — Другого не понимаю.

— Чего именно?

— Почему ты смотришь на это болото так, будто оно тебе задолжало.

Оберин повернулся к открытому пологу походной палатки. За редким лесом поднималась Лысая гора; дальше, за её склоном, начиналась низина, почти полностью скрытая белёсым туманом. Он не сказал Хаузеру всей правды. С тех пор как маршрут впервые лёг перед ним на карте, внутри появилось странное ощущение — слишком смутное, чтобы назвать его мыслью, и слишком настойчивое, чтобы списать на дурное предчувствие. Будто где-то под рёбрами зацепили тонкую нить и время от времени едва заметно тянули её в сторону болота.

Иногда вместе с этим приходил смысл, которому не требовались слова. *Иди туда.* Оберин никогда не слышал голоса. Именно поэтому ощущение раздражало сильнее обычного страха: голос можно было принять за безумие, сон — за сон, а здесь даже спорить было не с чем. Он просто почему-то знал, что за Лысой горой его ждут. И больше всего ненавидел то, что уже принял решение идти.

* * *

К вечеру III когорта поднялась на Лысую гору. С вершины Драксильское болото действительно напоминало море: тёмные кроны, серые протоки и неподвижные полосы тумана тянулись до горизонта. Ни дыма, ни огней, ни птиц. Четыреста девяносто три легионера разбили лагерь на каменистом склоне. Оберин прошёл между кострами без плаща и шлема. Ему было двадцать пять, но большая часть солдат давно перестала видеть в нём юношу. Высокий, сухой, жилисто-сильный, он двигался с привычной экономностью человека, который с детства носил оружие. Светлые волосы были стянуты в тугой узел; почти чёрные глаза у огня казались ещё темнее.

Такие же были у его отца. Говорили, у Эвергарденов они всегда такие. Оберин не любил эти разговоры: фамилия бывшего легата XII Легиона открывала одни двери и заставляла за другими доказывать, что перед людьми не избалованный наследник. Поэтому право командовать он предпочитал подтверждать не родословной, а теми, кого приводил из боя живыми.

Возле костра первой центурии Галан Меррел отчитывал молодого легионера за ослабленный ремень щита. Тот жаловался, что ремень натирает, на что Галан посоветовал рассказывать об этом будущей жене, а не центуриону: в строю щит должен держаться даже с перебитой рукой.

— С перебитой рукой я его не подниму, — возразил юноша.

— Вот завтра и проверим.

Оберин остановился рядом. Легионер тут же вытянулся и представился Лианом Верном из третьей центурии. На вопрос, почему он сидит у костра первой, ответил Галан: Лиан проиграл Тарену сапоги в кости и пришёл отыгрываться.

— Через двенадцать часов мы входим в болото, которого никто из вас не знает, — сказал Оберин. — Если завтра потеряешь щит потому, что всю ночь проигрывал жалованье, назначу тебя знаменосцем обозного мула. Иди спать.

Когда Лиан ушёл, Галан хмыкнул, что примус напугал его сильнее болота. Оберин ответил, что тогда парень хотя бы выспится, и велел присмотреть за ним особенно внимательно. Галан уловил в тоне что-то лишнее и спросил о дурном предчувствии, но Оберин ограничился приказом.

У другого костра Марек Арвис точил наконечник копья. Двенадцать лет службы, сломанный нос и редкая способность молчать даже тогда, когда остальные уже начинали ругаться. Рядом Фенрис Каре учил новобранцев застёгивать поножи и обещал лично выловить и избить каждого, кто утонет из-за расстегнувшейся пряжки. Такие разговоры успокаивали Оберина

сильнее молитв. Перед ним были не пять сотен одинаковых фигур под одинаковыми щитами; он знал слишком много имён, привычек и голосов. Наверное, поэтому командиры спали хуже солдат. Хаузер нашёл его на краю лагеря с двумя котелками и один сразу сунул Оберину.

— Ешь. Это не вопрос.

— Ты пока не примус второй когорты.

— Поэтому тренируюсь на тебе, пока жаловаться некому.

Они сели на камни и некоторое время ели молча, глядя на туман внизу. Оберин первым вспомнил Ершалаимский разлом и сказал, что там было проще. Хаузер едва не подавился: Варганы окружили их, стрелы закончились до полудня, половина третьей линии горела, а Оберин пытался зашить себе бок конской нитью.

— Враг был понятен, — пояснил Оберин. — Здесь я даже не уверен, что он существует.

Шутливость с лица Хаузера исчезла. Оберин наконец признался, что с первого взгляда на маршрут чувствует странное притяжение к болоту. Не голос и не приказ — скорее уверенность, будто кто-то тянет его туда. Иногда то же ощущение приходило во сне.

— И ты рассказываешь мне об этом вечером перед входом? — спросил Хаузер.

— До сегодня я сам не был уверен, что есть что рассказывать.

Хаузер поставил котелок и заговорил уже без обычной насмешки. Если Оберину страшно, это не повод разворачивать пять сотен солдат, но и не причина притворяться, будто страх бесполезен: иногда он замечает засаду раньше разведчика. Если кто-то действительно пытается вести его, поводья отдавать нельзя.

— Ты примус. Ты ведёшь. Не забывай об этом завтра.

Оберин кивнул. Через минуту Хаузер потребовал, чтобы он вслух пообещал: они войдут в болото, пройдут его и выйдут к Денериму. Оберин повторил почти дословно.

— Убедительно, как надгробная речь, — оценил Хаузер.

Оберин усмехнулся и предупредил, что Хаузер всё равно не сможет остановить его, если он решит сделать глупость.

— Смогу. Я сильнее.

Оберин оглядел его живот. — Ты толще.

Хаузер расплылся в улыбке. — Это одно и то же.

* * *

Сон пришёл глубокой ночью. Оберин стоял в огромном каменном зале — не среди болот, а глубоко под землёй. Потолок терялся во мраке, по стенам тянулись незнакомые символы, и хотя ни одного из них он не понимал, от долгого взгляда начинали ныть зубы. В дальнем конце зала возвышались врата. Иного слова для них Оберин не находил. Чёрные, выше городской стены, без замка и видимых петель. По гладкому камню расходились тонкие красные прожилки, слишком похожие на сосуды под кожей. Он подошёл ближе. По ту сторону что-то двигалось.

Сначала Оберин услышал только дыхание: медленный вдох, долгая пауза, такой же неторопливый выдох. Звук был настолько глубоким, что скорее ощущался в груди, чем достигал слуха.

— Кто там?

Ответ пришёл не из-за врат. Он возник прямо в голове. *Наконец.* Оберин отшатнулся. Красные прожилки вспыхнули, и что-то тяжёлое коснулось камня с другой стороны. Первый удар прошёл по залу глухим эхом. Второй заставил дрогнуть пол. После третьего врата начали открываться. Оберин проснулся с мечом в руке. Несколько секунд он не понимал, где находится. Вместо подземного зала — тесная походная палатка, вместо красного света — бледная предрассветная серость, проступавшая через ткань. Хаузер лежал рядом на спине и храпел с такой уверенностью в безопасности мира, что Оберину захотелось ударить его ножнами.

Он удержался. Сел, прислонился спиной к походному сундуку и дождался, пока дыхание станет ровнее. Сон не исчезал, как обычно исчезают сновидения после пробуждения. Наоборот, стоило закрыть глаза, и Оберин снова видел красные прожилки в чёрном камне. А ещё помнил одно слово. *Наконец.* Он тихо вложил меч в ножны и вышел наружу.

Лагерь спал. Догорали костры, караульные менялись у внешнего кольца, над низиной лежал плотный туман. С высоты казалось, будто под горой разлилось неподвижное белое море. Оберин долго смотрел вниз. Болото ещё не проснулось — или никогда не спало.

* * *

На рассвете III когорта построилась на склоне. Четыреста девяносто три человека. Пять центурий, обозные, лекарская группа, знаменосцы и трубачи выстроились ровными линиями. На тёмных щитах серебрился знак XII Легиона Пепельного Клинка; над головами тяжело двигалось на утреннем ветру легионное знамя. Хаузер занял место справа от Оберина, Галан — слева. Остальные центурионы стояли перед своими подразделениями. Оберин надел шлем, но забрало оставил поднятым.

Он не любил длинных речей перед маршем. Люди редко запоминали слова, если через несколько часов им предстояло месить грязь по колено. Но сегодня почти пять сотен пар глаз смотрели на него с одинаковым вопросом, и короткого «выступаем» было недостаточно. Оберин медленно прошёл вдоль первой линии.

— Вчера каждый из вас получил приказ. Нам нужны стены Денерима раньше, чем враги короля поймут, что Пепельный Клинок идёт домой. Южная дорога отнимет почти месяц. Через болото мы выиграем половину этого времени.

Где-то в строю послышалось тихое замечание. Кто-то усмехнулся.

— За короткую дорогу всегда приходится платить, — продолжил Оберин. — Скорее всего, грязью, голодом и сапогами. Если повезёт, ещё и какой-нибудь болотной тварью, которую местные придумали после слишком крепкого пойла.

По строю прокатился смех. Оберин дождался, пока он стихнет.

— А если не повезёт, выяснится, что местные ничего не придумали.

Теперь никто не смеялся.

— Я не обещаю лёгкого марша. Но пока держится строй, никто из вас не останется один. Пока стоит знамя, каждый знает, где его братья. А если первой линии понадобится ещё один меч, мой будет там.

Он обнажил клинок. — Двенадцатый!

Почти пять сотен сапог одновременно ударили в землю. Гул прошёл по каменистому склону. Оберин поднял меч.

— Кто мы после падения?!

Ответ пришёл единым рёвом:

— НЕСУЩИЕ ПЛАМЯ!

— Что остаётся, когда проходит Пепельный Клинок?!

— ПЕПЕЛ ВРАГА!

Щиты трижды ударили о землю. Оберин повернулся к своей когорте.

— Третья! Где ваш рубеж?!

— ТАМ, ГДЕ МЫ СТОИМ!

— И сколько мы стоим?!

— ДО ПОСЛЕДНЕГО!

Он дал им выкрикнуть ответ ещё раз. Не потому, что солдаты забыли слова, а потому, что самому хотелось услышать их перед тем, как туман закроет гору за спиной. Трубач поднял бронзовый рог. Протяжный звук разнёсся над долиной. На несколько мгновений болото внизу действительно перестало казаться огромным. Перед строем была просто ещё одна земля, через которую следовало пройти. Оберин опустил меч.

— Центурии — в походный строй. Щиты на левую. Разведке держаться в двухстах шагах, дальше не уходить. Потеряли товарища из виду — останавливается вся сотня. Никому не геройствовать.

Галан тут же подхватил распоряжения и начал разводить центурии по местам. Хаузер наклонился к Оберину, пока вокруг них двигался строй.

— Хорошая речь.

— Ты удивлён?

— Немного. Ждал, что ты скажешь: «идём, потому что приказ».

— Я сократил эту часть.

— Правильно. Солдатам иногда приятно подозревать у командиров наличие души.

Оберин бросил на него взгляд, но отвечать не стал. Рог прозвучал второй раз. III когорта XII Легиона Пепельного Клинка двинулась вниз. Первым в Драксильское болото ступил Оберин Эвергарден.

* * *

Первые два часа болото издевалось над ними исключительно грязью. Вода чаще доходила до щиколоток, местами поднималась до колен. Старые корни цепляли сапоги, под водой проваливались незаметные ямы, вьючные животные нервничали и несколько раз едва не сорвали поклажу. Тропа то появлялась под ногами, то растворялась в бурой жиже, и тогда передовые разведчики искали остатки старых меток на деревьях. Неприятнее грязи была тишина. В болотах должны были быть насекомые, птицы, лягушки, всплески рыбы, шорох мелкого зверья, но здесь не было ничего. Марек Арвис первым произнёс вслух то, о чём остальные начали думать ещё час назад:

— Ненавижу лес, который даже не пытается меня сожрать.

Шедший рядом Фенрис Каре хмыкнул.

— В Южном лесу ты неделю жаловался, что тебя жрут комары.

— Комаров я понимаю. Они честные.

Лиан шагал позади них, внимательно выбирая место для каждого шага. — А здесь что нечестного?

Марек оглянулся через плечо. — Слишком тихо.

— Может, мы всё распугали?

Фенрис сплюнул в воду. — Пять сотен легионеров могут распугать оленя. Но не весь мир.

Галан услышал последние слова. — Я вам сейчас устрою мир. Глазами работаем, языками отдыхаем.

Лиан сразу замолчал. Марек выдержал примерно минуту.

— Видишь? Даже центурион не любит эту тишину.

— Я всё слышу, Арвис.

— На это и рассчитывал, центурион.

— Тогда заткнись профессионально.

Хаузер, шедший рядом с Оберином, усмехнулся. — Люблю твою когорту.

— Получишь свою — разлюбишь.

— Мои будут воспитаннее.

— Ты собираешься командовать второй. Они уже тебя знают.

Хаузер тяжело вздохнул. — Вот поэтому у них и не осталось надежды.

Оберин собирался ответить, когда почувствовал давление в затылке. Очень слабое. Будто к коже под основанием черепа на мгновение прикоснулся холодный палец. Он остановился. Хаузер мгновенно заметил.

— Что?

Оберин не ответил сразу. Между деревьями слева что-то мелькнуло. Низко над землёй и слишком быстро для человека.

— Передовые, стой! — крикнул Оберин.

Разведчики остановились. Первый дротик появился из тумана почти одновременно с его голосом. Он вошёл одному из разведчиков в шею. Тот рухнул прежде, чем успел закричать. Второй дротик ударил в щит Галана. Третий пробил щёку легионеру из первой центурии.

— Засада! Щиты!

Туман засвистел. С обеих сторон полетели короткие чёрные дротики.

— ЧЕРЕПАХА! ПО ЦЕНТУРИЯМ! ОБОЗ ВНУТРЬ!

Трубач дал три коротких сигнала. Дисциплина сработала быстрее страха. Первая центурия сомкнула щиты спереди и над головами, вторая развернулась вправо, третья — влево. Четвёртая закрыла обоз, пятая сжалась вокруг арьергарда. За считаные секунды пять рассеянных по тропе подразделений превратились в железные короба. Дротики застучали по щитам. Один пробил дерево и остановился в ладони солдата.

— Не вытаскивать! — заорал Орен Тал изнутри строя. — Наконечник не трогать!

Из тумана донёсся визг. На боевой клич это не походило. Скорее так могло кричать голодное животное, внезапно учуявшее добычу. Кусты впереди зашевелились. Первые существа появились почти одновременно с обеих сторон тропы. Низкие, коренастые, с непропорционально длинными руками. Серая кожа была испещрена вздувшимися чёрными венами. Некоторые держали ржавые ножи и обломки копий, несколько бежали на четырёх конечностях, легко перебираясь через корни и воду. В их движениях оставалось что-то разумное. В глазах — ничего. Хаузер вытащил меч.

— Вот тебе и лягушки.

На этот раз Оберин даже не посмотрел в его сторону.

— Первая! Копья через щели! К строю не подпускать!

Галан повторил команду громче: — Щиты не размыкать! Кто полезет геройствовать — сам станет дверью!

Копья ударили из-за щитовой стены. Первую тварь пробило насквозь, но она не остановилась. Существо продолжило ползти по древку, разрывая собственное брюхо, пока державший копьё легионер не вскрикнул и не выпустил оружие. У нескольких солдат вырвались ругательства.

— На них потом удивляться будете! — рявкнул Галан. — Сейчас держать строй!

Следующая тварь прыгнула на верхнюю линию щитов. Когти заскрежетали по железной окантовке; под тяжестью тела один из легионеров просел на колено.

— Верх держать! Вторая линия — ноги!

Короткие мечи заработали снизу. Чёрная кровь плеснула на воду и грязь. Оберин краем глаза заметил, как трава под каплями начала темнеть. Запомнил. Подумать не успел. Правый строй качнулся.

— Вторая просела!

Оберин рванул туда. — Хаузер, первую держи!

— А ты куда?!

— Закрывать дыру!

— Конечно. Я уже испугался, что ты решил сделать что-нибудь разумное.

Между двумя щитами успели пролезть твари. Оберин врезался плечом в строй как раз в тот момент, когда первая бросилась на ближайшего легионера. Меч прошёл снизу вверх через лицо существа. Второе прыгнуло почти сразу. Оберин ушёл в сторону, но не полностью. Коготь полоснул по щеке. Боль оказалась горячей и резкой. Он ответил коротким колющим ударом под подбородок. Клинок вошёл глубоко, однако существо, повиснув на мече, продолжило двигаться. Пальцы вцепились в наруч Оберина. На мгновение их глаза встретились.

Шум боя будто отодвинулся. В пустом взгляде твари мелькнуло то, чего там быть не могло, — узнавание. *Эвергарден.* Слово прозвучало внутри головы — не голосом, а готовым знанием. Оберин замер. Коготь уже тянулся к его горлу, когда чужой меч отсёк руку по локоть.

— После боя поспишь! — рявкнул Хаузер и вторым ударом раскроил существу шею.

Оберин выдернул клинок. — Ты слышал?

Хаузер едва успел отбить следующий удар. — Я слышу, как вокруг нас несколько сотен ублюдков пытаются умереть. Уточни вопрос!

Из-за спины раздался новый крик. Твари появились в воде позади третьей центурии. Оберин мгновенно вернулся к бою.

— Рог! Два коротких! Круг!

Трубач едва не пропустил сигнал, но через секунду над тропой дважды взвыл рог.

— Обоз и раненых внутрь! Первая наружу! Вторая вправо! Третья влево! Четвёртая — копья! Пятая держит зад!

Пять отдельных построений начали складываться в одно. Легионеры двигались по колено в воде, сталкивались плечами и ругались, но продолжали перестроение. Галан орал поверх общего шума, заставляя щиты сходиться край к краю. Через несколько мучительно долгих мгновений круг замкнулся. Внутри оказались обоз, животные, раненые, лекарская группа и лучники. Снаружи — щиты и копья.

— Лучники! Поверх первой линии!

Тетивы запели. Твари врезались в строй всей массой. Передние легионеры отступили на полшага. Оберин почувствовал это всем телом.

— Упереться!

Щиты дрогнули.

— УПЕРЕТЬСЯ!

Ответом стал общий рёв. Легионеры навалились плечами. Копья работали через щели: удар, возврат, снова удар. Чёрная кровь текла по древкам, когти рвали ремни и скользили по металлу. Одна тварь вцепилась зубами в край щита и продолжала грызть дерево, пока Марек не пробил ей глаз. Рядом с ним стоял Лиан. Его первый настоящий бой закончился почти сразу после начала. Всё, чему учили на плацу, сжалось до нескольких действий: держать щит, смотреть в щель, не отпускать строй и бить то, что появляется перед тобой. Меч застрял в рёбрах существа. Лиан дёрнул рукоять один раз, второй — безрезультатно.

— Оружие!

Фенрис сунул ему запасной короткий клинок. — Потеряешь и этот — будешь кусаться!

— Чем?!

— Зубами, красавец!

Тварь прыгнула на Фенриса. Лиан ударил раньше. Клинок вошёл в висок. Когда существо упало, молодой легионер несколько секунд смотрел на собственную руку, будто впервые видел её дрожь. Галан вернул его в происходящее одним окриком:

— Верн! Живой?

— Да!

— Тогда дрожать будешь после команды!

Лиан поднял щит. Бой продолжался.

* * *

Оберин быстро понял, что неподвижный круг долго не выдержит. Твари не берегли себя. Они бросались на копья, лезли по собственным мёртвым, цеплялись за щиты и продолжали драться с ранами, которые должны были мгновенно убить человека. Если позволить им давить строем, рано или поздно передняя линия просто устанет. Хаузер оказался рядом — в грязи, крови и с глубокой вмятиной на щите.

— Ты опять так смотришь.

— Как?

— Как перед плохой идеей.

— Центурионы! По моему сигналу — клин!

Хаузер закрыл глаза на мгновение. — Вот. Именно так.

Оберин показал мечом направление. — Первая и вторая пробивают проход на северо-запад. Двадцать шагов, не больше. Остальные держат круг.

— Ты собираешься атаковать их здесь?

— Собираюсь заставить их перестать атаковать нас.

Хаузер тяжело вздохнул. — Ненавижу твои хорошие планы.

Рог дал один долгий сигнал. Щиты перед Оберином разошлись.

— Вперёд!

Клин ударил в массу существ. Оберин оказался на острие. Щит встретил первое тело, меч прошёл в горло второму. Строй продвинулся на несколько шагов, сохраняя плечо к плечу. Кто-то закричал справа; тварь повисла на шлеме легионера и рвала лицо через глазницы. Хаузер схватил её сзади и швырнул под ноги движущейся линии.

— Не смотреть! Шаг держать!

Легионеры прошли дальше. Десять шагов. Пятнадцать. Оберин уже собирался дать сигнал к остановке, когда туман впереди изменился. Не рассеялся. Будто отступил вместе с теми, кто в нём прятался. Первая тварь развернулась и ушла между деревьев. Затем ещё несколько. Через мгновение побежали все. Слишком одновременно. Оберин поднял меч.

— Стоять! Не преследовать!

Клин остановился. Легионеры тяжело дышали, ещё не веря, что давление исчезло. Твари уходили в туман так же быстро, как появились. На самой границе видимости оставалась одна фигура. Она была выше остальных и сложена иначе — всё ещё худая, но массивнее тех существ, что бросались на строй. На плечах сохранились остатки настоящего доспеха, в руке было длинное копьё. Фигура не бежала. Она смотрела на Оберина. Он почувствовал знакомое давление под основанием черепа. А затем внутри головы снова возникло слово: *Эвергарден.* Существо медленно наклонило голову. И исчезло в тумане. Оберин ещё несколько секунд смотрел туда, где оно стояло. Хаузер подошёл сбоку.

— Только не говори мне, что это был обычный болотный разбойник.

Оберин медленно опустил меч. — Не скажу.

На щеке жгло место, куда пришёлся коготь. Он коснулся раны двумя пальцами и увидел кровь. Совсем немного. Но почему-то именно она тревожила сильнее всего остального.

* * *

После боя нашли девять мёртвых. Ещё семнадцать были ранены дротиками, когтями или чужими клинками. Орен Тал распорядился уложить их отдельно от остальных и почти сразу превратил небольшой участок тропы в полевой лазарет. Раненых осматривали по одному, оружие складывали в стороне, наконечники дротиков лекарь запрещал вытаскивать до тех пор, пока не увидит их сам.

Лиан сидел на толстом корне и наблюдал, как Орен вырезает повреждённую кожу вокруг чёрного наконечника в плече одного из легионеров. Тот держал между зубами свёрнутый ремень и глухо мычал при каждом движении ножа.

— Почему ему не дать маковой настойки? — спросил Лиан.

Марек Арвис, сидевший рядом, пожал плечами. — Потому что Тал экономный скот.

— Потому что у нас две фляги на всю когорту! — рявкнул лекарь, даже не подняв головы. — И если ещё хоть кто-нибудь назовёт меня скотом, следующего зашивать буду без иглы.

Марек впервые после боя усмехнулся. Лиан заметил неглубокую царапину у него на плече.

— Тебя тоже задело.

Марек мельком посмотрел на рану. — Пустяки.

— Покажи Талу.

— Я двенадцать лет служу, мальчик. Разницу между раной и царапиной ещё помню.

Оберин услышал последние слова, проходя мимо. — Арвис.

Марек нехотя поднял голову. — Примус.

— К лекарю.

— Это царапина.

— Я не спрашивал, что это.

Несколько секунд Марек смотрел на него так, будто всерьёз обдумывал возможность поспорить. Затем тихо выругался и поднялся.

— Есть, Примус.

Оберин проводил его взглядом и уже собирался идти дальше, когда Хаузер нагнал его возле края тропы.

— Сам-то врачу покажешься?

— Зачем?

Хаузер указал на его лицо. — Потому что у тебя кровь на щеке.

Оберин коснулся царапины, оставленной когтем. Боль почти прошла; на пальцах осталась тонкая красная полоска.

— Поверхностная.

— Марек только что сказал то же самое.

— И я отправил его к Талу.

— Вот именно. Удивительно, насколько хорошо ты умеешь отдавать приказы, которые сам выполнять не собираешься.

Оберин посмотрел на него. — Ты скоро станешь примусом. Запоминай.

Хаузер покачал головой. — Я рассчитывал учиться на хороших привычках.

— Тогда выбрал не того человека.

— Наконец-то честность.

Оберин всё же отправился к Орену.

* * *

К ночи Марек перестал чувствовать два пальца на левой руке. Утром вокруг царапины появилась тонкая чёрная линия. Первым её заметил Орен. Он позвал Оберина без обычного раздражения в голосе, и уже по одному этому стало ясно: дело хуже, чем кажется. Марек сидел возле повозки, бледный после почти бессонной ночи. Царапина на плече больше не выглядела безобидной. От неё под кожей расходились несколько тёмных прожилок, слишком ровных и слишком чёрных для обычного воспаления. Орен осторожно надавил рядом с одной из них. Марек поморщился.

— Чувствуешь?

— Боль.

— Жжение?

— Иногда.

— Озноб?

— Ночью.

Хаузер стоял рядом, скрестив руки на груди. — У тебя чёрные вены.

Марек медленно повернул к нему голову. — Спасибо, будущий примус. Я как раз боялся, что выгляжу недостаточно паршиво.

Хаузер присел перед ним. — Я пытаюсь заставить тебя ругаться. Пока ругаешься — всё ещё похож на себя.

Улыбка исчезла с лица Марека.

— А потом?

Хаузер не нашёл ответа. Оберин посмотрел на Орена.

— Что это?

— Не знаю.

— Инфекция?

— Возможно. Но обычное заражение так не выглядит.

Орен выпрямился и вытер пальцы тканью. — Пока я бы изолировал всех, кого ранили эти существа. Даже с мелкими повреждениями.

Марек резко поднял голову. — Всех?

— Всех.

— У меня царапина.

Орен встретил его взгляд. — Вчера была царапина.

Этого оказалось достаточно. Оберин приказал выделить раненым отдельное место в колонне и не позволять им пользоваться общей посудой и водой без кипячения. Никто не спорил, но с этого утра в строю появилась новая привычка: легионеры слишком часто смотрели на собственные руки.

* * *

На четвёртый день болото вывело их к руинам. Чёрные стены поднимались из воды неровными рядами, словно рёбра огромного утонувшего зверя. Несколько колонн ещё стояли; на них сохранились знаки, которых не узнавали ни картографы, ни старшие легионеры. Оберин осмотрел возвышенность. Впервые за несколько дней под ногами была почти сухая земля, а уцелевшие стены закрывали часть периметра.

— Здесь ночуем.

Хаузер посмотрел на развалины и тяжело вздохнул. После нападения неизвестных тварей древние руины посреди болота были бы последним местом, которое он выбрал добровольно. Оберин указал на сухую землю и стены; Хаузер — на старшего картографа, который уже двадцать минут изучал резьбу, стараясь не касаться камня.

— Он всегда нервный, — заметил Оберин.

— Обычно только когда видит счёт за вино.

Две центурии отправились проверять постройки. В глубине нашли большой зал с наполовину обрушенным потолком. Корни проросли сквозь кладку, плиты пола ушли под воду, но в центре стоял низкий алтарь из почти чёрного камня — без трещин, мха и следов времени. Галан остановился в нескольких шагах и сказал, что ему это не нравится. Хаузер ответил, что рад наконец встретить ещё одного разумного человека. Оберин почти не слышал их. Под рёбрами снова натянулась знакомая нить, а из-под пола будто шла слабая ровная вибрация. Он сделал шаг к алтарю.

— Не трогай, — предупредил Хаузер.

— Не собираюсь.

— Тогда убери руку.

Оберин опустил взгляд. Пальцы действительно зависли над камнем. Он отдёрнул их, и в ту же секунду по поверхности сама собой прошла тонкая красная линия. Затем разветвилась. Галан тихо приказал отойти. Оберин должен был послушать, но вместо этого коснулся алтаря. Мир исчез.

* * *

Каменный зал был цел — не нынешние руины, а огромное сооружение, залитое белым светом. Вокруг центрального круга стояли десятки, возможно сотни высоких фигур с сероватой кожей и вытянутыми ушами. Они говорили на незнакомом языке, но отдельные смыслы проникали в сознание Оберина без слов: открыть, достичь, узнать. Фигура в центре подняла руки. Белый свет на мгновение стал ослепительно прекрасным, затем покраснел. Пол под кру-

гом пошёл трещинами, кто-то закричал, и нечто невероятно далёкое обратило на них внимание.

У него не было лица или имени, которые Оберин мог бы запомнить. Был только взгляд, пришедший откуда-то за пределами понятного расстояния. В зале началась паника. Одна из древних фигур вдруг повернулась прямо к Оберину. Это было невозможно: он смотрел прошлое, которое давно закончилось. Но существо видело именно его — не место в воспоминании, а его самого, сквозь годы и смерть. На лице появилось изумление. Губы шевельнулись.

— Ты…

* * *

Оберина отбросило от алтаря. Он ударился спиной о камень и несколько мгновений не мог вдохнуть. Хаузер оказался рядом первым, заставил посмотреть на себя и потребовал объяснить, что произошло. Оберин перевёл взгляд на алтарь. Красные линии исчезли, камень снова выглядел мёртвым.

— Не здесь.

— Ты рухнул после того, как потрогал древний камень, который сам начал светиться. «Не здесь» меня не устраивает.

Ответить не успел: в зал вошёл Галан и доложил о движении по всему периметру. Оберин мгновенно вернулся к командованию. Разведку отозвать, раненых — во внутренний двор, первую и вторую центурии — на восточную стену, третью — на западную, остальные закрывают проходы; лучников поднять на уцелевший камень, рог пока не давать. Хаузер пропустил его к выходу, но напомнил, что разговор не закончен.

— Если переживём ночь — продолжим.

— Ненавижу твои условия.

* * *

Ночь пришла вместе с дождём. Твари долго не приближались: мелькали между деревьями и снова исчезали в тумане. Потом справа раздался короткий визг, ему ответили слева и впереди.

— Они переговариваются, — сказал Хаузер.

Оберин успел только кивнуть. Первый дротик ударил в камень между ними, и туман словно ожил.

— Щиты наверх! Лучники — ответный залп по движению!

Сверху кто-то выругался, что не видно ни черта. Оберин приказал стрелять туда, где страшнее всего, и даже Хаузер на секунду рассмеялся. Смех оборвался, когда твари полезли через стены сразу с трёх сторон. Рог дал два коротких сигнала. Легионеры отступили во внутренний двор и сомкнули двойной круг: первая линия опустилась на колено, вторая подняла щиты над головами, третья работала копьями. Галан гонял людей по ротации, не позволяя переднему ряду стоять до полного изнеможения.

Одна тварь перелетела стену и рухнула прямо внутрь строя. Ближе всех оказался Лиан. В первом бою он замер бы; теперь ударил щитом в морду и сразу всадил меч под рёбра. Существо всё равно успело схватить его за плечо. Из карантинной части поднялся Марек.

— Слева, мальчик!

Несмотря на жар и почерневшие вены, он одной рукой поднял копьё и пробил твари шею. Оберин заметил его с другого края круга и приказал вернуться, но Марек только прохрипел, что сначала надо убрать эту дрянь из лагеря. В следующий миг под второй линией провалились старые плиты. Из водостока твари полезли прямо внутрь обороны.

— Дыра во второй! — заорал Варрек.

Оберин повёл туда третью десятку. Пятеро существ уже рубили лежащих и цеплялись за щиты. Одному он перебил позвоночник, второму позволил вогнать тесак в деревянный щит, дёрнул оружие на себя вместе с рукой противника и рассёк горло. Чёрная кровь плеснула на

лицо. Она была горячей, почти как человеческая. В царапине на щеке на мгновение появилось странное тепло — не боль, а словно отклик. Окрик Варрека вернул Оберина к бою. Он приказал разлить масло на северном проходе. Галан предупредил, что загорится часть стены.

— Стена уже мёртвая. Люди — нет.

Факел упал в масло. Пламя перекрыло проход, но первые твари вошли в него, не замедлившись. Они продолжали бежать, пока кожа чернела и лопалась от жара. По строю прошёл испуганный гул.

— Богов потом! Копья! — рявкнул Варрек.

Горящие существа врезались в щиты. Запах палёной плоти смешался с дымом и мокрой землёй. Хаузер вытащил из-под ног строя раненого; на его руке была кровь, но он уверил, что рассёк её собственным щитом. В центре Орен орал на помощников, требуя затянуть турникет выше и напоминая, что он врач, а не кузнец. Круг сжимался. Люди уставали быстрее тварей, щиты трещали, копья ломались. Оберин уже чувствовал, как тяжелеет меч, когда услышал их.

Не ушами. В сознание хлынули голод, боль и ярость — сотни коротких примитивных импульсов, настолько тесных, что на мгновение стало трудно отделить собственный страх от чужого. И над этим хаосом находилась одна воля: холодная, спокойная, наблюдающая. Оберин поднял голову. За стеной огня среди деревьев стояла высокая фигура в рваном доспехе — та же, что смотрела на них после первого боя. Она снова не участвовала. Её внимание коснулось Оберина почти физически. *Достаточно.* Фигура подняла руку.

Бой остановился сразу. Тварь с занесённым клинком замерла; другая отпустила край щита; третья продолжала стоять в огне. Через мгновение все одновременно начали отходить — через стены, водосток, между деревьями. Даже раненые волоклись за остальными. Легионеры не преследовали их и ещё долго не размыкали круг.

— Считаем до ста, — приказал Оберин.

Хаузер, тяжело опираясь на щит, спросил, почему именно до ста. Оберин предложил двести, и тот немедленно признал сто прекрасным числом. Они досчитали. Никто не вернулся. Оберин смотрел на пустой туман и больше не сомневался: твари не были стаей. Ими командовали. А тот, кто отдавал приказы, только что решил прекратить бой.

* * *

Утром Галан принёс список потерь. Оберин сидел на обломке стены и очищал меч от засохшей чёрной крови. После ночного дождя руины казались ещё темнее, а во внутреннем дворе пахло мокрым камнем, дымом и лекарскими настоями. Раненых уже перенесли под сохранившиеся своды, мёртвых складывали отдельно. Галан остановился рядом.

— Сорок три погибших с начала болота. Ещё пятеро пропали этой ночью. Семьдесят два ранены, часть легко.

Оберин перестал водить тканью по клинку. — Карантин?

— Все.

— Даже лёгкие раны?

— Тал сказал изолировать каждого, кого коснулись эти твари. Хоть заноза рядом появилась.

Оберин кивнул. Галан не уходил.

— Марек хуже.

Этого Оберин ожидал ещё до рассвета. Марек лежал возле одной из повозок, запястья и грудь стягивали кожаные ремни. Связать себя он потребовал сам, когда ночью заметил, что пальцы перестают слушаться. Чёрные прожилки уже поднялись от плеча к шее, кожа блестела от жара. В нескольких шагах сидел Лиан.

— Я сказал ему уйти, — хрипло сообщил Марек, едва увидев Оберина.

— А я сказал, что не уйду, — ответил Лиан.

Марек повернул к нему голову. — Мальчик, я теперь могу попробовать тебя съесть.

— Вы двенадцать лет рассказывали, что вторая центурия способна пережевать третью. Решил проверить.

На лице Марека появилась слабая улыбка. Оберин остановился перед ними.

— Верн, в строй.

Лиан поднял глаза. — Примус…

— Сейчас.

Юноша понял, что спорить бесполезно, и неохотно встал.

— Есть.

Марек проводил его взглядом. — Хороший мальчишка.

— Да.

— Не дайте ему привыкнуть к смерти.

Оберин посмотрел на тёмные линии под его кожей. Ещё вчера Марек стоял в строю, ругался с Талом и называл собственную рану царапиной. Теперь ремни на его груди были затянуты так туго, будто перед ними лежал пленник.

— Что чувствуешь?

Марек задумался. — По-разному. То холодно так, что зубы сводит, то жар будто изнутри. Иногда пальцев вообще не чувствую. А иногда кажется, что их слишком много.

— Слышишь что-нибудь?

Марек долго молчал. — Не слова.

Оберин присел рядом. — Тогда что?

Марек нахмурился, пытаясь подобрать объяснение. — Желание. Оно не моё, но я его чувствую.

— Какое?

На этот раз он посмотрел прямо на Оберина.

— Идти к вам.

По спине прошёл холод.

— Ко мне?

— Да.

— Почему?

Марек закрыл глаза. — Не знаю.

Несколько секунд слышалось только тяжёлое дыхание больного и голоса лекарей под сводами. Потом Марек добавил:

— Но они знают, кто вы.

Оберин не спросил, кто именно. После первого боя он уже слышал собственную фамилию там, где никто не должен был её знать.

* * *

В следующие дни заражение проявилось у всех раненых, но с разной скоростью. У одних чёрные прожилки появлялись через несколько часов, другие двое суток выглядели здоровыми, а на третье утро просыпались с жаром и потемневшей кожей вокруг пореза. Кто-то слышал движение в тумане, кто-то просыпался с кровью во рту. Двое ночью попытались уйти из карантина и потом не смогли объяснить, куда собирались.

Орен записывал симптомы, пока не закончился пергамент. Оберин приказал сжигать окровавленные повязки и одежду, кипятить инструменты, не пользоваться общей посудой и не брать воду ниже по течению от мест, где оставались тела тварей. Уже заражённым это не помогало, зато среди тех, кого в боях не ранили, новых случаев не появлялось. Если болезнь передавалась через кровь, когти или укусы, у них хотя бы был способ не потерять всю когорту.

На восьмой день Марек почти не вставал, а у нескольких других началась спутанность сознания. В тот же день Орен снова осмотрел Оберина и долго молчал, глядя на чистую кожу его щеки.

— Здесь должен остаться след.

Оберин провёл пальцем по месту, где коготь рассёк лицо. — Не остался.

— Именно это меня и беспокоит. У остальных даже мелкие раны чернеют. Ваша закрылась быстрее, чем должна у здорового человека.

Хаузер, стоявший рядом, попросил назвать это хорошей новостью. Орен ответил, что не любит врать примусам — даже будущим. Оберин натянул перчатку.

— Об этом никто не узнает. Пока мы не понимаем, что это значит.

Хаузер сразу перестал улыбаться. Он напомнил, что странности с телом Оберина касаются не только его самого: рядом спят, едят и идут в одном строю сотни людей. Если у Марека царапина превращается в чёрные жилы, а у Оберина исчезает без следа, это слишком важно, чтобы скрывать.

— Если появятся жар, линии или голоса, ты узнаешь первым, — сказал Оберин.

— Я хочу знать раньше. Раньше, чем мне придётся решать, друг ты мне ещё или уже нет.

Оберин тихо ответил, что если дойдёт до этого, решать не придётся. Хаузер понял смысл сразу и зло пресёк попытку превратить собственную смерть в очередной приказ.

— Если что-то изменится — скажешь мне сразу. Не после того, как сам всё решишь.

Оберин хотел пошутить, но не смог. — Хорошо.

Исчезнувшая царапина пугала его сильнее чёрных вен. С заражением они хотя бы начинали понимать, чего ждать. С ним происходило что-то другое.

* * *

На одиннадцатый день туман начал редеть. Первой перемену заметили не разведчики, а солдаты из третьей центурии. Над колонной пролетела маленькая серая птица и села на ветку почти у самой тропы. Несколько легионеров остановились. Птица наклонила голову, посмотрела на них и принялась спокойно чистить перья. Лиан вдруг засмеялся. Не нервно, как смеялись после боя, и не от чужой шутки. Просто потому, что впервые за одиннадцать дней увидел в болоте что-то живое, не пытавшееся его убить. Кто-то рассмеялся следом.

Через минуту улыбалась уже половина центурии. Даже Галан не стал возвращать людей в строй окриком. Только посмотрел на птицу, покачал головой и позволил им несколько мгновений этой маленькой роскоши. К вечеру разведчики нашли твёрдую землю. На следующем рассвете — старый тракт. Галан вернулся к основной колонне быстрее обычного. По его лицу Оберин понял новость раньше, чем центурион заговорил.

— Дорога на Денерим. Если обоз не задержит — два дня.

Два дня. После одиннадцати суток грязи, тумана, крови и постоянного ожидания нападения эта цифра прозвучала почти неправдоподобно. Оберин посмотрел вдоль тракта. Дорога уходила на запад между обычными деревьями. Земля под ногами была сухой. В ветвях снова слышались птицы. Где-то впереди находились фермы, сторожевые посты, первые деревни, а затем стены Денерима. Нормальный мир. Он почти позволил себе почувствовать облегчение. Потом повернулся назад. Карантинная часть колонны двигалась отдельно.

После двух боёв Орен насчитал семьдесят два раненых. Некоторые умерли ещё в болоте. Шестьдесят два оставались живы, и у каждого уже проявились признаки заражения: чёрные прожилки, жар, нарушение чувствительности, спутанность сознания или то странное внутреннее влечение, которое Марек однажды попытался описать Оберину. Два дня до города. Слишком близко.

— Остановить когорту, — сказал Оберин.

Галан сразу понял. Он посмотрел на дорогу, затем на карантинную колонну.

— Здесь?

— Здесь.

— До Денерима два дня.

Оберин встретился с ним взглядом. — Именно поэтому здесь.

Галан ничего больше не спросил. Хаузер подошёл через несколько минут. За эти дни они научились понимать некоторые решения друг друга ещё до того, как те произносились вслух.

— Ты уже решил.

Это не было вопросом. Оберин смотрел на дорогу.

— Мы не поведём их в город.

Хаузер медленно выдохнул. — Орен уверен?

— В чём?

— Что никто из них не поправится.

Вот этого вопроса Оберин ждал. И ответа на него у него не было.

— Нет.

Хаузер нахмурился, но не отвёл взгляд. — Тогда скажи вслух, почему мы это делаем.

Оберин помолчал. — Потому что никто из тех, кого ранили твари, не выздоровел. Потому что состояние каждого ухудшается. Потому что двое уже пытались уйти в болото, Марек слышит то, чего не слышим мы, а вчера Севен едва не перегрыз себе язык во сне. И потому что через два дня отсюда стоит город.

Он посмотрел на Хаузера. — Я не знаю, выживет ли хотя бы один из них. Но я знаю, что не имею права проверять это на Денериме.

Хаузер несколько секунд молчал. — Некоторые ещё ходят сами.

— Знаю.

— Некоторые полностью понимают, что происходит.

— Знаю.

Оберин произнёс это тише. Хаузер посмотрел в сторону карантина.

— Если кто-то откажется?

— В город он всё равно не пойдёт.

На лице Хаузера не было ни согласия, ни осуждения. Только усталость.

— Хорошо.

Оберин посмотрел на него. — Это не означает, что тебе нужно участвовать.

— Знаю.

— Хаузер.

— Я сказал, что знаю.

И ушёл к карантинному лагерю.

* * *

Его поставили в стороне от основной колонны, на сухой поляне возле тракта. Палатки уже не разбивали. Развели несколько костров, воткнули щиты в землю, принесли воду. Оружие у заражённых забрали ещё раньше, но сейчас никто не сопротивлялся. Они понимали. Оберин видел это по лицам. Одни сидели возле огня молча. Другие разговаривали с товарищами через расстояние, которое Орен приказал сохранять между карантином и основной когортой. Несколько человек молились. Кто-то ругался на болото, короля, легион и богов по очереди. Один мужчина плакал, не пытаясь скрывать слёз.

Оберин не подходил сразу. Ему хотелось дать им время. И, если быть честным с собой, оттянуть собственную часть происходящего. Сомнения закончились ближе к полудню. Один из заражённых внезапно сорвался с места и побежал в сторону дороги. Первые несколько шагов он двигался нормально. Кто-то крикнул ему остановиться, но мужчина даже не обернулся. Галан уже догонял его, когда тот споткнулся и упал. Оберин сделал шаг вперёд.

— Не подходить!

Поздно. Беглец поднялся. Не на ноги. На четвереньки. Чёрные жилы на шее вздулись настолько сильно, что были видны даже с расстояния. Он повернул голову к когорте и издал низкий хриплый звук, в котором почти ничего не осталось от человеческого голоса. Галан остановился. Всего на мгновение. Затем перехватил копьё обеими руками и ударил. Наконеч-

ник вошёл под подбородок. Мужчина ещё несколько секунд дёргался на древке, затем затих. Никто больше не говорил о дороге на Денерим.

* * *

Оберин собрал центурионов и Хаузера в стороне от карантинного лагеря. Галан пришёл последним, уже очистив копьё от крови беглеца.

— Сделаем сами, — сказал Оберин.

Варрек предложил назначить по нескольку человек от каждой центурии, но Оберин отказался. Он выбрал дорогу через болото, отдал приказ идти дальше после первого нападения и теперь сам принял решение не вести заражённых к Денериму. Последний приказ они должны были получить от него. Хаузер стоял чуть в стороне и, выслушав, спокойно сказал, что будет рядом.

— Это моя когорта.

— А это мой легион. Я видел то же, что и ты. Если потом спросят, кто принял решение, ответ будет один: приказ отдал ты. Но меч держать один ты не будешь.

Оберин спорить не стал. До заката решили дать каждому умереть легионером, а не безымянным заражённым. Каждый мог назвать имя, центурию, когорту и легион, сказать последнее, что хотел, — если ещё мог говорить. К вечеру шестьдесят один человек выстроились настолько ровно, насколько позволяли силы. Одних поддерживали товарищи, нескольких пришлось привязать из-за судорог. Перед строем установили знамя III когорты. Оберин вышел к ним без шлема. Он хотел видеть лица и хотел, чтобы видели его.

— Пепельный Клинок не бросает своих. Сегодня эта клятва означает не то, к чему мы привыкли. Я не знаю, слышат ли нас боги, но одно обещать могу: никто из вас не уйдёт без имени и ни один не станет той дрянью, что преследовала нас в болоте. Последний строй вы встретите людьми и легионерами XII Легиона Пепельного Клинка.

Он обнажил меч. Рядом встали Хаузер и центурионы. Первым вышел Тарен Валь. Чёрные пятна покрывали половину лица, но спину он держал прямо. Назвав себя, первую центурию, III когорту и XII Легион, он на вопрос о последнем слове ответил просто:

— Я держал строй, Примус.

Оберин вспомнил первую засаду и кивнул. — Держал.

Удар был быстрым. Эдрик Сорн попросил сказать жене, что он не бежал. Хаузер пообещал сделать это лично, а Эдрик велел соврать красиво: жена всегда понимала, когда он врал плохо. На этот раз меч держал Хаузер. Дерен Холт из четвёртой центурии дошёл до знамени только упрямством. Последним делом он потребовал не отдавать свои сапоги Ролло, который месяц называл их уродливыми. Из строя донёсся сдавленный голос Ролло: сапоги он всё равно заберёт и будет носить назло. Дерен успел рассмеяться, но смех перешёл в кашель; по подбородку потекла чёрная кровь.

— Давай сейчас, Примус. Пока ещё смешно.

Фенрис Каре даже перед смертью сумел поспорить. Он назвал III когорту лучшей из всех, где служил, и Хаузер напомнил, что другой у него не было.

— Поэтому статистика безупречна, — ответил Фенрис.

Потом сказал Оберину, что Ершалаим был хуже.

— Врёшь.

— Конечно. Просто не хотел умирать человеком, который признал, что ты был прав.

— Не признал.

— Значит, всё правильно.

Борен Касс признался, что не придумал красивых последних слов. Оберин ответил, что красивых никто и не требует. Борен лишь поблагодарил его. Мара Севен попросила сказать отцу, будто погибла от рук Варганов: такую смерть он поймёт. Оберин не нашёл ответа, и Хаузер сказал, что семье сообщат — она погибла в бою. Маре этого оказалось достаточно. Торен

Илл почти ослеп. Двое товарищей подвели его к нужному месту, и после положенных слов он спросил только, где знамя. Оберин повернул его лицом к полотнищу.

— Перед тобой.

Торен всмотрелся в расплывчатое пятно и улыбнулся. — Тогда всё правильно.

Восьмым вышел Кай Рен, совсем молодой, примерно возраста Лиана. Он плакал ещё до того, как покинул строй, но сумел назвать себя и легион. Когда Оберин спросил о последнем слове, Кай несколько раз попытался заговорить и наконец выдохнул:

— Я не хочу.

Строй замер. Кай больше не скрывал слёз. Он понимал, зачем всё происходит, видел Марека и остальных, но всё равно не хотел умирать. Оберин подошёл ближе и сказал правду: он тоже не хочет смерти Кая. Надежда вспыхнула слишком быстро.

— Тогда не надо.

Оберин на мгновение закрыл глаза, потом заставил себя продолжить. Если привести Кая в Денерим и тот превратится в одну из тварей, никто не знает, сколько жителей погибнет прежде, чем его остановят. Проверять возможность выздоровления их жизнями он не имеет права. Кай долго смотрел в землю, затем спросил, будет ли быстро. Оберин поклялся. Молодой легионер вытер лицо и попытался выпрямиться.

— Тогда напомните мне, Примус. Где наш рубеж?

— Там, где мы стоим.

Кай кивнул. — И стоим до последнего.

— До последнего.

Оберин сдержал обещание. После Кая какое-то время никто не выходил. Потом к знамени подвели Марека Арвиса. Двое легионеров поддерживали его под руки; чёрные прожилки покрывали лицо, один глаз уже выглядел чужим, но второй узнал Оберина. Когда примус начал положенную формулу, Марек сумел усмехнуться:

— После одиннадцати дней вы всё ещё спрашиваете моё имя?

— По уставу.

— Тогда записывайте правильно. Марек Арвис, вторая центурия, III когорта, XII Легион Пепельного Клинка. Двенадцать лет службы, три взыскания. Два несправедливые.

Галан отозвался, что справедливы были все три. Марек попросил дать человеку хотя бы перед смертью оставить хорошую версию биографии и затем подозвал Лиана.

— Ремень со щита больше не снимай. Если натирает — значит, живой.

Лиан пообещал. — Врёшь.

— Немного.

Марек удовлетворённо кивнул, но почти сразу изменился. Взгляд ушёл куда-то мимо присутствующих.

— Они всё ещё там. Я чувствую их. За нами не идут. Просто ждут.

Оберин приблизился. — Чего?

Здоровый глаз Марека остановился на нём.

— Вас.

Тело свело судорогой. Легионеры едва удержали его на ногах.

— Сейчас, Примус. Пока я ещё здесь.

Оберин ударил сразу. Лерн Астор, старик с двадцатью тремя годами службы, подошёл сам. Последней просьбой было не скрывать в Денериме настоящих потерь: иначе следующая когорта полезет в болото так же беспечно. Оберин пообещал предупредить остальных.

— Вот теперь хорошая речь, Примус. Что несёт Двенадцатый после падения?

Оберин поднял меч. — Пламя.

— Правильно.

После Лерна Оберин перестал считать. Остальные выходили один за другим, называли себя и оставляли живым то немногое, что ещё могли: просьбу передать письмо, вернуть отцу легионный знак, отдать жалованье семье, не рассказывать матери подробностей. Кто-то молился, кто-то ругался. Один благодарил Оберина, другой сказал, что ненавидит его до последнего вдоха. Оберин не спорил ни с одним. К закату всё закончилось.

Отдельных костров не разводили. Тела уложили рядами на одном большом погребальном костре, сверху сложили заражённые доспехи, окровавленные вещи и сломанные щиты. Оберин держал факел, но не спешил.

— Скажи что-нибудь, — тихо произнёс Хаузер.

— Им я уже сказал достаточно.

— Тогда живым.

Перед Оберином стояли чуть больше трёхсот семидесяти легионеров — грязных, измождённых и непривычно молчаливых. Одиннадцать дней назад они входили в болото под рёв рогов и удары щитов. Оберин поднял факел.

— Третья когорта. Где ваш рубеж?

Ответ родился не сразу, прошёл от одного голоса к другому и только потом стал общим:

— Там, где мы стоим.

— И сколько мы стоим?

— До последнего.

Никто не кричал. Оберин бросил факел. Пламя поднялось по сухому дереву и сломанным щитам. Никто не уходил. Некоторое время они с Хаузером стояли молча. Потом тот сказал, что погибшие, возможно, поняли бы их решение. Оберин ответил: не все. Хаузер не спорил.

— Ты теперь будешь таскать их с собой, да?

Оберин посмотрел на огонь. Он привёл людей в болото, выбрал путь и отдал последний приказ.

— Да, — согласился Хаузер. — А я стоял рядом и держал меч. Галан тоже. Варрек тоже. Потому что в двух днях отсюда город, жители которого эту дорогу не выбирали.

Приказ всё равно оставался приказом Оберина, и Хаузер не пытался снять с него ответственность. Он лишь требовал не превращать её в вечное самонаказание. Никто сейчас не знал, существовал ли способ спасти заражённых; возможно, когда-нибудь выяснится, что они ошиблись, а возможно, Денерим останется цел именно из-за сегодняшнего решения.

— Запомни их, — сказал Хаузер. — Имена, лица, последние слова. Но если каждую смерть будешь использовать как доказательство того, что недостоин командовать, это уже не память. Это гордыня.

Оберин усмехнулся без веселья и сказал, что его отец наверняка знал бы, как поступить. Хаузер тяжело вздохнул. Вот именно в этом и была проблема: Оберин носил фамилию Эвергарден как второй доспех и ждал от себя правильного ответа ещё до того, как возникал вопрос. Его отец был великим легатом, но Оберин — не он. Иногда командир выбирает между двумя плохими решениями, а потом живёт достаточно долго, чтобы узнать цену выбранного.

— Если от каждой ошибки будешь отрезать от себя по куску, к столице от тебя останется один красивый шлем.

Оберин впервые за вечер рассмеялся — коротко и почти болезненно. Хаузер хлопнул его по плечу.

— Вот. Значит, ещё живой.

* * *

Утром III когорта снова построилась. Теперь пустоты в рядах невозможно было не замечать. Некоторые контубернии пришлось объединить, двум центуриям не хватало людей даже для полного первого ряда. Знамя пропахло дымом, доспехи были покрыты засохшей болотной

грязью, а многие щиты уже не подлежали ремонту. Галан подошёл к Оберину с окончательным списком.

— Триста семьдесят три способны идти и держать оружие. Пятеро по-прежнему числятся пропавшими.

Оберин взял лист, хотя цифры уже знал. — Считай погибшими. Имена оставь отдельно, пока не найдём тела или не узнаем другое.

— Уже сделал.

Хаузер рядом затягивал новый ремень на щите. — Если дорогу не размыло, Денерим будет к вечеру завтра.

Оберин посмотрел на небо. — После этого болота я перестал доверять дорогам.

— Не произноси такое вслух. Мир услышит и решит доказать твою правоту.

Оберин вернул список Галану. Перед ним стояли триста семьдесят три человека. Они выглядели совсем не так, как одиннадцать дней назад на Лысой горе. Тогда почти пять сотен щитов ударяли в землю, а крики Пепельного Клинка уходили эхом в долину. Сейчас никому не требовалось напоминать, где проходит их рубеж. Оберин поднял руку.

— Выступаем.

Рог прогремел один раз. Никто не ударил в щиты. Колонна двинулась на запад.

* * *

Денерим показался следующим вечером: башни, стена, дым сотен очагов. После Драксильского болота обычный человеческий город выглядел почти неправдоподобно. Над полями летали птицы, по тракту ехали телеги, у фермы двое детей гоняли деревянный обруч. Лиан замедлил шаг. Марек умер меньше двух дней назад, а здесь дети смеялись. Мир не заметил его смерти. Галан негромко окликнул Верна, и тот вернулся в строй.

У ворот караульные сначала приветствовали знамя XII Легиона, но, рассмотрев грязные доспехи, перевязанные щиты и пустоты в рядах, замолчали. Начальник ворот вышел навстречу.

— Мы ждали почти пять сотен.

— Они и пришли к болоту, — ответил Оберин.

За спиной мужчины шумел рынок и звенел кузнечный молот. Обычная жизнь — та самая, ради которой Оберин принял решение на тракте.

— Закройте внешний двор. Пока моих людей не осмотрят городские лекари, никто из III когорты не войдёт в Денерим.

Начальник ворот возразил, что нужен приказ коменданта. Оберин велел разбудить его и передать дословно: III когорта XII Легиона Пепельного Клинка прошла через Драксильское болото, столкнулась с неизвестным противником и неизвестным заражением и потеряла больше сотни солдат.

— Вы уверены, что это болезнь?

— Нет.

— Тогда что вы привезли к моим воротам?

Оберин вспомнил алтарь, фигуру в тумане и собственную фамилию в чужом сознании. — Это я и собираюсь выяснить.

Караул перекрыл внешний двор и послал гонца к коменданту. Хаузер тут же попросил добавить к срочным нуждам мясо, хлеб, горячую еду и, если найдётся, эль.

— Не можешь хотя бы один разговор закончить нормально? — спросил Оберин.

— Могу. Но тогда ты начнёшь подозревать, что я заразился.

III когорта разместилась во внешнем дворе, не войдя в город. Уже бежали гонцы; к ночи о Драксильском болоте узнает командование. Оберин снял перчатку и коснулся щеки. От царапины почти ничего не осталось. На мгновение под кожей появилось холодное движение и тут же исчезло. Рядом Хаузер спорил с караульным о хлебе, Галан разводил центурии, Орен требовал помещение для осмотра. Никто не смотрел на Оберина. Он опустил руку и ничего не

сказал. Под краем нагрудника, там, куда не доставал его взгляд, вдоль старого шрама медленно проступила тонкая чёрная прожилка — и через несколько мгновений исчезла.

Глава II.
Кровь — самый ценный товар

В Ривейне кровь стоила дешевле вина. Иногда значительно дешевле. Особенно после полуночи.

Джулия висела под каменным карнизом четвёртого этажа, удерживаясь одной рукой, и смотрела в освещённое окно напротив. Под ней лежало почти двадцать локтей пустоты, мощёный двор и два Варгана в тяжёлых нагрудниках. Один зевал, второй рассказывал что-то о проститутке из Южного квартала. Ни один не смотрел вверх.

Горожане вообще редко смотрели вверх. Варганы — ещё реже.

Джулия дождалась, пока караульный у двери отвернётся, подтянулась и бесшумно перевалилась через край балкона. Босые ступни почти не издали звука. Она замерла на несколько ударов сердца, прислушиваясь. Во дворе продолжался разговор, из комнаты доносился пьяный мужской смех. Никто её не заметил.

Капюшон скрывал большую часть лица, но внимательный наблюдатель всё равно узнал бы Лиаранку: светло-зелёные глаза с вертикальными зрачками, чуть более высокие и заострённые уши, слишком точные движения. В Ривейне говорили, что Лиаран способен пройти по натянутой верёвке во время землетрясения и не расплескать кубок вина. Джулия считала это глупостью. Вино она выпила бы заранее.

Она подошла к стеклянной двери.

Внутри сидел Рем Вайр, сборщик налогов Западного округа. Сорок семь лет, жена, двое законных детей, трое незаконных, долги перед торговым домом Карра и дурная привычка избивать слуг. Гильдия знала о нём достаточно, чтобы Джулия ещё до встречи успела составить мнение, хотя для работы оно значения не имело.

Имело значение другое: заказчик требовал естественной смерти.

Убить Вайра было просто. Убедить остальных, что Джулии здесь никогда не было, — уже ремесло.

Дверь оказалась не заперта.

Вайр сидел спиной к балкону перед низким столом и почти допитой бутылкой вина. Рядом стояла молодая служанка. Она увидела Джулию первой и замерла с кувшином в руках.

Джулия приложила палец к губам.

— Наливай, — пробормотал Вайр.

Служанка не шевельнулась.

— Я сказал — наливай.

— Господин...

Он раздражённо повернулся.

Джулия уже стояла рядом.

Вайр успел только открыть рот. Одна ладонь легла ему на лицо, вторая перехватила затылок. Короткое движение — и в тишине хрустнуло слишком громко. Тело обмякло.

Служанка втянула воздух, собираясь закричать. Джулия перехватила её за запястье.

— Тихо.

Девушка задрожала, но послушалась. Совсем молодая. Лет шестнадцать.

— Я ничего не видела.

— Хороший ответ.

Джулия отпустила её. Та не бросилась к двери, не закричала и не попыталась схватить что-нибудь тяжёлое. Тоже разумно.

Служанка посмотрела на обмякшее тело хозяина.

— Он... умер?

— Было бы обидно проделать весь этот путь зря.

Девушка сглотнула.

— Вы из Гильдии?

— Если скажу «нет», тебе станет легче?

Она покачала головой.

— Тогда нет.

Джулия присела рядом с Вайром, взяла его за подбородок и осторожно повернула голову. Почти сразу нахмурилась.

Плохо.

Перелом был слишком чистым и слишком заметным. Для пьяницы, неудачно упавшего ночью, ещё можно было придумать объяснение, но оставлять всё как есть нельзя.

— Что? — прошептала служанка.

— Он умер неправильно.

Девушка моргнула.

— Разве можно умереть неправильно?

Джулия посмотрела на неё.

— Можно всё сделать неправильно.

Она подняла бутылку, плеснула вина на рубаху покойника и ещё раз осмотрела комнату. Стол, кресло, камин. Лестница на нижний этаж.

Подойдёт.

— Помоги мне.

Служанка побледнела ещё сильнее.

— Что?

— Если хочешь дожить до утра, бери за ноги.

Этого объяснения оказалось достаточно.

Через несколько минут Рем Вайр лежал у нижней ступени лестницы. Джулия разбила рядом кубок, сместила тело и убедилась, что рана на затылке выглядит убедительно. Получалась простая история: богатый налоговый сборщик напился, решил спуститься вниз, оступился и свернул шею.

Не безупречно. Но городской страже предстояло расследовать смерть пьяного чиновника ночью, а не преступление против короны. В большинстве случаев этого было достаточно.

Джулия вытерла перчатки о дорогой кафтан покойника.

— Теперь иди спать.

Служанка не двинулась.

— Вы меня не убьёте?

— Зачем?

— Я видела ваше лицо.

— Нет.

— Но я...

Джулия подошла ближе. Девушка умолкла.

— Ты видела фигуру в капюшоне. Среднего роста. Одежда чёрная, голос женский. Возможно, Лиаранка. Возможно, Сайранка. Возможно, человек. Всё остальное ты придумала от страха. Запомнила?

— Да.

— Тогда ты ничего не видела.

Джулия направилась к балкону.

— Госпожа...

Она остановилась и посмотрела через плечо.

— Почему вы его убили?

— Потому что мне заплатили.

— И всё?

— Обычно этого достаточно.

Джулия шагнула в ночь.

* * *

Ривейн никогда не спал полностью — даже во время комендантского часа. Ночью столица Аэр'Вар лишь становилась тише.

Город раскинулся между двумя холмами и огромной рекой, разделявшей его почти пополам. Старые лиаранские кварталы поднимались террасами: белый камень, арки, внутренние сады, красная черепица. Ниже начинались варганские районы — тяжёлые стены, широкие улицы, военные дворы и казармы. Ривейн рассказывал историю Аэр'Вар лучше любой книги: Лиараны его строили, Варганы научились им управлять, Сайраны торговали в нём. Горранов осталось совсем мало.

Людей в столице тоже было немного. Купцы из нейтральных государств жили у Речного рынка по особым грамотам, полезным специалистам выдавали временные жетоны, военнопленных отправляли на казённые стройки и в арсеналы, дипломатов селили у западных ворот. Поэтому человеческое лицо на улице никого не удивляло.

Человек в карете личной гвардии вождя — другое дело.

Джулия двигалась по крышам. Для большинства жителей город состоял из улиц; для неё улицы были пустотами между настоящими дорогами. Карниз, навес, балкон, крыша лавки, узкий переулок внизу. Она перемахнула через него, мягко приземлилась на соседней крыше и уже собиралась идти дальше, когда снизу донёсся топот сапог.

По улице двигался патруль — двенадцать Варганов со щитами и копьями. За ними вели связанных одной верёвкой арестованных: Лиаранов, Сайранов, двоих Варганов и нескольких людей. Старик в середине колонны споткнулся и упал. Стражник ударил его древком копья.

— Вставай, падаль.

Старик попытался подняться, но не смог. Второй Варган пнул его в живот.

Джулия задержалась у края крыши. За последние месяцы подобное стало привычным. Сначала забирали контрабандистов и членов запрещённых союзов. Потом — тех, кто им помогал. Теперь хватали за разговоры в трактире, на рынке или похоронах. Всё чаще в колоннах шли уже не чужеземцы и военнопленные, а жители самого Аэр'Вар. В официальных объявлениях это называли «очищением столицы от преступных элементов». Горожане предпочитали слово короче: зачистки.

— Следующий раз думать будете, прежде чем лаять на вождя! — крикнул один из стражников.

Солдаты засмеялись.

Джулия не вмешалась. Не твой заказ — не твоя проблема. Ещё не следовало работать бесплатно и никогда — убивать детей. Остальные правила она вспоминала по необходимости.

Она уже собиралась уходить, когда в конце улицы показалась карета.

Чёрная, без герба, запряжённая четвёркой лошадей. Рядом шла личная гвардия вождя. Патруль остановился прежде, чем кто-либо успел отдать приказ; притихли даже арестованные.

Карета медленно поравнялась с ними. На мгновение занавес отодвинулся, и Джулия увидела мужчину, выглядевшего человеком. Лет пятидесяти, худого и очень бледного, с длинными тёмными волосами, уже тронутыми сединой.

Он смотрел прямо на неё.

Джулия не шевельнулась. Между ними было больше сотни шагов. Ночь. Она лежала в тени дымовой трубы, и с улицы её не должен был увидеть даже Лиаран с хорошим зрением.

Мужчина всё равно смотрел точно туда, где она пряталась.

Несколько мгновений ничего не происходило. Затем он едва заметно улыбнулся. Занавес опустился, и карета продолжила путь.

Джулия проводила её взглядом.

— Какого...

Договорить она не успела. Стражники снова погнали арестованных вперёд, и улицу заполнил топот сапог.

* * *

Вход в Гильдию находился под похоронной лавкой. Джулия всегда считала это слишком очевидным, но Юстиана утверждала, что очевидное замечают последним.

Она прошла через склад дешёвых гробов и четырежды постучала в заднюю стену. Старый Сайран за прилавком дождался положенного пароля.

— Я пришла заказать венок для любимой тёщи.

Он посмотрел на Джулию.

— У тебя нет тёщи.

— Поэтому и любимой.

Сайран усмехнулся и открыл скрытую дверь.

— Юстиана ждёт.

— Что я опять сделала?

— Зная тебя, проще перечислить, чего ты не сделала.

— Отлично. Значит, настроение у неё хорошее.

Подземная часть Гильдии уходила глубже, чем можно было ожидать от похоронной лавки: коридоры, тренировочные залы, хранилища, архив и комнаты исполнителей. В Ривейне ещё хватало тех, кто считал Гильдию убийц городской легендой. Такие редко занимали важные должности достаточно долго.

Проходя мимо тренировочного зала, Джулия заметила двух молодых учеников с короткими клинками.

— Локоть, — бросила она, не останавливаясь.

Один из них сбился и посмотрел вслед.

— Что?

— Выставляешь локоть.

— И что?

Теперь Джулия остановилась.

— Показать?

Парень кивнул и почти сразу понял, что зря. Джулия оказалась рядом раньше, чем он успел поднять оружие, перехватила его руку и через мгновение уложила на пол. Тренировочный клинок упёрся ему под подбородок.

— Мёртв.

— Ты жульничаешь.

— Это называется победой.

Второй ученик рассмеялся. Джулия, не вставая, направила клинок на него.

— Ты тоже мёртв.

Смех оборвался.

— Почему?

— Потому что смотрел.

Она поднялась, вернула оружие владельцу и пошла дальше.

— Локоть.

— Когда-нибудь тебя кто-нибудь всё-таки прирежет! — донеслось вслед.

Джулия даже не обернулась.

— Тогда скажи Юстиане, что я была права насчёт твоего локтя.

* * *

Юстиана сидела в кабинете, умудряясь одновременно читать донесение, есть сыр и точить один из трёх ножей, лежавших на столе. Рядом стоял кубок вина, две книги были раскрыты одна поверх другой. Джулия остановилась в дверях.

— Ты специально делаешь всё сразу, чтобы все думали, что ты очень занята?

— Да, — не поднимая головы, ответила Юстиана.

— Работает?

— Иногда.

— Со мной?

Теперь она посмотрела на Джулию.

— Ты не в счёт.

Её глаза даже в тусклом свете казались почти серебряными — редкость среди Лиаранов. Когда Джулии было семь, именно эти глаза она увидела над собой в грязном переулке, где трое городских стражников собирались отрубить маленькой воровке руку за украденный хлеб. Юстиана заплатила за хлеб, а потом сломала одному из стражников нос, когда тот назвал её шлюхой. Прошло больше пятнадцати лет, и Джулия до сих пор не решила, какой из двух поступков сильнее изменил её жизнь.

Юстиана отложила точильный камень.

— Ты опоздала на сорок семь минут.

— Ты считала?

— Нет. Приказала считать.

Джулия поморщилась.

— Это ещё хуже.

Юстиана указала на кресло.

— Садись.

— Я предпочту постоять.

— Поэтому я и сказала сесть.

Джулия села.

О заказе Юстиана спросила коротко. Вайр был мёртв, смерть выглядела достаточно естественной, но при ней осталась служанка. На этом месте наставница перестала улыбаться.

— Ей шестнадцать, — сказала Джулия прежде, чем последовал вопрос.

— И?

— И я не убиваю детей.

Юстиана отложила нож.

— Она видела тебя.

— Она видела капюшон.

Несколько секунд наставница просто смотрела на неё, затем откинулась на спинку кресла.

— Тебе двадцать два года. Ты лучший исполнитель, которого я обучала. Возможно, лучший в Ривейне. И при этом иногда у тебя хватает ума ровно настолько, чтобы открыть дверь.

— Но не войти?

— Чтобы удариться лбом о косяк.

Джулия усмехнулась.

— Ты сама ввела правило.

— Я ввела правило не убивать детей. Не правило оставлять свидетелей.

— Тогда нужно было отправить другого.

Юстиана помолчала.

— Возможно.

Улыбка исчезла сама собой. Наставница взяла кубок, налила Джулии вина и некоторое время молчала.

— Всё хуже? — спросила та.

— Да. Сегодня утром забрали ещё двух наших осведомителей. Личная гвардия вождя.

Джулия приняла кубок.

— За что?

— Официально — заговор. Неофициально — за существование.

Юстиана потёрла переносицу. Кварталы чистили один за другим. Сначала брали настоящих противников власти, потом их связных и знакомых. Теперь достаточно было когда-то разговаривать не с тем, с кем следует. По мнению Юстианы, скоро и соседство с неугодным дворцу станет поводом для виселицы.

— Может, раньше, — заметила Джулия.

— Люблю твой оптимизм.

Джулия отпила вина.

— Я сегодня видела колонну на Северной дороге. Около двадцати арестованных.

Юстиана нахмурилась.

— Утром взяли шестьдесят три.

Кубок замер у губ Джулии.

— А остальные?

— Думаю, узнаем завтра.

Обе посмотрели друг на друга. Спрашивать дальше не требовалось: на Восточной площади уже несколько недель каждое утро проверяли и достраивали виселицы.

Джулия поставила кубок.

— Есть ещё кое-что. Я видела дворцовую карету.

Юстиана снова взялась за нож.

— Поразительно. В столице ездят кареты.

— В ней был человек.

Точильный камень остановился. Всего на мгновение, но Джулия заметила.

— Как выглядел?

— Лет пятьдесят. Худой, бледный. Тёмные волосы, седина.

Юстиана медленно отложила нож.

— Он тебя видел?

Вот теперь стало интересно. Джулия прищурилась.

— Почему ты спрашиваешь именно это?

— Ответь.

— Видел. Я лежала на крыше, в тени, больше чем в сотне шагов от него. Он посмотрел прямо на меня.

Юстиана тихо выругалась.

— Ты его знаешь, — сказала Джулия.

— Нет.

— Врёшь.

Наставница посмотрела на неё без всякого смущения.

— Конечно.

— Юстиана.

Та поднялась, закрыла дверь и проверила замок. Только после этого вернулась к столу.

— При дворе его называют Советником.

— Очень изобретательно.

— Другого имени никто не использует.

Джулия подалась чуть вперёд.

— Не знают?

— Возможно.

Она подождала. Юстиана не любила недоговаривать без причины, а значит, причина была.

— Или?

— Или те, кто задаёт о нём слишком много вопросов, в последнее время часто оказываются на Восточной площади.

Джулия усмехнулась.

— Звучит как приглашение.

— Джулия.

На этот раз в голосе Юстианы не было ни тени насмешки.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Юстиана опёрлась ладонями о стол.

— Поэтому и боюсь. Ты хорошо убиваешь. Очень хорошо. Но иногда забываешь, что не всякая проблема решается ножом.

— Большинство решается.

— Нет. Просто те, которые не решаются, обычно убивают тебя раньше, чем ты успеваешь пожаловаться.

Джулия покрутила кубок в пальцах. Одна деталь всё ещё не давала покоя.

— Он человек. При дворе Варганского вождя. Пока Аэр'Вар воюет с человеческим королевством. И никого это не удивляет?

— Удивляет.

Джулия вопросительно посмотрела на наставницу.

— Но?

Юстиана ответила очень спокойно:

— Но вождь слушает его. И этого хватает.

* * *

Джулия вышла из Гильдии почти перед рассветом. Комендантский час ещё не закончился, но на этот раз она пошла не по крышам. Иногда было полезно посмотреть на город снизу.

Ривейн пах дождём, дымом и вчерашней кровью. На Восточной площади уже готовились к утру: плотники проверяли виселицы, стражники выставляли ограждения, у стены стояли восемь закрытых повозок. Джулия задержала на них взгляд. В каждую легко помещалось по десятку заключённых.

— Эй!

Она сделала ещё несколько шагов.

— Я тебе сказал, стой.

Джулия остановилась. К ней направлялся крупный Варган с сединой на висках и сломанным клыком.

— Комендантский час.

— Знаю.

— Тогда какого дьявола ты здесь делаешь?

— Иду домой.

Стражник потребовал документы. Джулия протянула городской жетон, и тот несколько секунд изучал его с таким видом, будто надеялся обнаружить государственную измену между именем и печатью.

— Лиаранский квартал на другом конце города.

— Удивительно. Как же я оказалась здесь?

Варган поднял глаза.

— Умная?

— Иногда.

— Советую сегодня не быть.

Он потянулся к её плечу. Джулия заметила движение раньше, чем рука успела приблизиться, и чуть сместилась. Пальцы поймали воздух.

Стражник нахмурился.

— Я сказал...

— Отпусти её.

Голос прозвучал негромко, но Варган выпрямился мгновенно.

У края площади стояла знакомая чёрная карета. Рядом с ней — тот самый мужчина.

Советник.

Вблизи определить его возраст оказалось ещё сложнее. На вид ему можно было дать около пятидесяти: худое бледное лицо, длинные тёмные волосы с заметной сединой, тонкие морщины. И всё же отдельные черты будто не совпадали друг с другом, оставляя странное ощущение неопределённости. Одет он был просто — длинный чёрный камзол без знаков власти, оружия Джулия тоже не увидела.

Варган отступил.

— Господин советник.

Мужчина даже не повернул головы. Он смотрел только на Джулию.

— Мы уже встречались.

Не вопрос.

Джулия пожала плечами.

— Не припомню.

— На крыше.

Стражник перевёл взгляд с него на Джулию. Внутри неприятно кольнуло. Значит, ночью ей не показалось.

— В Ривейне много крыш.

Советник чуть склонил голову.

— Но не так много глаз, способных разглядеть мою карету с такого расстояния.

— У вас очень заметная карета.

Уголок его губ чуть дрогнул.

— И смелый язык.

— Пока никто не жаловался.

— Для жалоб нужно остаться в живых.

Джулия посмотрела на него внимательнее.

— Поэтому я стараюсь не оставлять недовольных.

Варган рядом явно пожалел, что всё ещё слышит разговор. Советник же тихо усмехнулся.

— Имя?

Джулия не ответила сразу.

— Зачем?

— Любопытство.

— Вредная привычка.

Советник едва заметно кивнул.

— Согласен.

Он сделал шаг ближе. Джулия не отступила.

Сначала она почувствовала запах. Совсем слабый — не духи, не пот, не сырой камень площади. Старая вода. Застоявшаяся сырость из места, куда годами не проникает солнце.

На одно мгновение Ривейн исчез.

Голые деревья. Туман над чёрной водой. Где-то далеко — мужской крик.

Джулия моргнула.

Площадь вернулась так же внезапно. Факелы, виселицы, стражники, мокрый камень. Советник стоял перед ней, но теперь уже не улыбался. В его взгляде появилось что-то новое — сосредоточенное внимание, которого прежде не было.

— Любопытно.

— Что?

Он ещё несколько мгновений всматривался в неё.

— Ничего.

Советник отступил.

— Иди домой.

— Очень щедро.

— Сегодня — да.

Джулия прошла мимо него. Несколько шагов заставляла себя смотреть только вперёд, потом всё-таки обернулась.

Советник больше не следил за ней.

Он стоял возле виселиц и смотрел на закрытые повозки с заключёнными. Спокойно, неподвижно — с терпеливым ожиданием того, для кого всё важное на площади ещё только должно было начаться.

* * *

— Подъём.

Джулия открыла глаза и увидела над собой Юстиану.

— Умри.

— Позже.

Джулия натянула одеяло на голову.

— Я спала.

Юстиана стянула его обратно.

— Именно поэтому я и сказала «подъём». Тебя видели на Восточной площади.

Пришлось сесть.

— Быстро новости ходят.

— Особенно когда мой лучший исполнитель во время комендантского часа беседует с личным Советником вождя.

— Он первым начал.

Юстиана на мгновение закрыла глаза.

— Иногда мне кажется, что пятнадцать лет назад стоило просто купить тебе хлеб и уйти.

— Тебе было бы скучно.

— Я мечтаю о скуке.

Джулия посмотрела на неё.

— Врёшь.

— Да.

В неё полетела рубаха.

— Одевайся. Есть работа.

Джулия поймала одежду одной рукой.

— Я только вернулась.

— Деньги любят бодрых.

Натянув рубаху через голову, Джулия спросила, кого нужно убить. Ответ заставил её остановиться: никого.

— Ты уверена, что это Гильдия?

— Иногда нам платят не только за трупы.

Юстиана бросила на кровать свиток. Печать Джулия узнала сразу — дворцовый герб, голова Варгана над скрещёнными копьями. Заказ оказался неофициальным: через несколько

недель из Ривейна отправлялась дипломатическая миссия в человеческое королевство, и дворцу требовалось дополнительное сопровождение от Гильдии.

Джулия перечитала несколько строк.

— Во время войны.

— Именно во время войны дипломатия обычно особенно нужна.

Она подняла глаза от свитка.

— И где здесь я?

— Поедешь с ними.

Улыбка исчезла.

— Нет.

Юстиана даже не изменилась в лице.

— Я уже согласилась.

— Тогда поезжай сама.

— Мне нельзя покидать Ривейн.

Джулия отбросила свиток на кровать.

— А мне, значит, можно?

— Тебе нужно.

Последние слова прозвучали иначе.

— Почему?

Юстиана ответила не сразу, и этого хватило, чтобы вопрос стал другим.

— Из-за Советника?

— Из-за всего. За последние два месяца исчезли девять наших связных и осведомителей. Двое — только на этой неделе.

Джулия замолчала.

Вчера речь шла только о двух. Остальных Юстиана скрывала намеренно: никто в Гильдии больше не знал полной картины, потому что паника могла разрушить организацию быстрее любого обыска. Объяснение было разумным. Это раздражало ещё сильнее.

— Значит, мне тоже знать было необязательно.

Юстиана выдержала её взгляд.

— До сих пор — да.

Джулия поднялась с кровати.

— А дипломатическая миссия совершенно случайно появилась именно сейчас.

— Я не верю в случайности.

— Я тоже.

Юстиана не отвела взгляда.

— Поэтому ты поедешь.

— Я не сказала, что согласна.

— Я знаю.

Спокойствие наставницы действовало хуже приказа.

— Не командуй мной.

Юстиана помолчала.

— Хорошо. Тогда послушай меня не как руководителя Гильдии. Послушай ту, которая забрала тебя с улицы.

Этого оказалось достаточно.

Юстиана села на край стола. Что-то происходило не только с Гильдией — менялся весь Ривейн. Сначала исчезали настоящие противники вождя, затем их связные, знакомые и случайные свидетели. Теперь жителей хватали за разговоры и соседство, а причины арестов всё меньше походили на причины. Связные Гильдии пропадали один за другим, и рядом с троном всё это время стоял человек, о котором никто толком ничего не знал.

— Думаешь, Советник за этим стоит? — спросила Джулия.

— Думаю, что сам этот вопрос уже лучше задавать за закрытой дверью.

Джулия посмотрела на свиток.

— Поэтому ты отправляешь меня в человеческое королевство. С дипломатами Варганов. Посреди войны.

— Да.

Она снова посмотрела на Юстиану.

— Очень безопасный план.

— Я не сказала, что безопасный. Я сказала, что Ривейн становится опаснее.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Джулия понимала логику наставницы и ненавидела именно это: спорить было почти не с чем.

Она тяжело выдохнула.

— И ты ещё удивляешься, почему я выросла такой.

Юстиана наконец улыбнулась.

— Я каждый день виню себя.

* * *

Вечером начались казни.

Колокола Восточной площади били каждый раз, когда открывался очередной помост, и звук доходил даже до комнаты Джулии. Она лежала на кровати, глядя в потолок. На столе темнел дворцовый свиток: дипломатическая миссия, человеческое королевство, дорога через границу. Странный заказ, который никто у неё толком не спрашивал, хочет ли она принимать.

Колокол ударил снова.

Запястье обожгло болью.

Джулия резко села и задрала рукав. По внутренней стороне руки от основания ладони тянулась тонкая чёрная линия. Слишком ровная для пореза и слишком тёмная для вены — словно под кожу протянули нить.

Она провела по ней пальцем. Ничего. Нажала сильнее и поморщилась.

— Прекрасно.

С площади донёсся новый удар колокола. Под пальцами что-то едва заметно дёрнулось.

Джулия замерла.

Следующий удар — и снова то же ощущение.

Она подошла к окну. Над Восточной площадью горели десятки факелов. Отсюда виселиц не было видно, только оранжевое зарево над крышами и редкое движение огней. Колокол прозвучал ещё раз.

Ещё одна смерть.

Чёрная линия стала длиннее.

Совсем немного — на толщину ногтя, не больше. Но Джулия смотрела прямо на неё и ошибиться не могла.

Она закрыла окно, задёрнула занавес и впервые за много лет проверила, заперта ли дверь.

* * *

Сон пришёл под утро.

Джулия стояла по колено в чёрной воде. Вокруг стелился туман, скрывая всё дальше нескольких шагов. Это был не Ривейн и не знакомая ей река. Где-то впереди раздавались команды, звон металла, тяжёлый грохот сотен движущихся тел.

— ЩИТЫ!

Почти сразу другой голос проревел:

— СОМКНУТЬ СТРОЙ!

Затем кто-то закричал. Уже не в бою — от боли.

Джулия пошла на звук. Вода темнела с каждым шагом, пока под ногой не скользнуло что-то мягкое. Она опустила взгляд и увидела под поверхностью лицо мёртвого мужчины. Его неподвижные глаза казались почти чёрными.

Джулия отшатнулась — и болото изменилось.

Впереди горел огонь. Возле него стояли на коленях человеческие солдаты, измученные, грязные, некоторые перевязанные. Перед ними находился высокий светловолосый мужчина с мечом в руке. Его доспехи были покрыты болотной грязью и засохшей кровью.

Он подходил к каждому по очереди.

Имя. Центурия. Когорта. Легион.

Солдаты отвечали один за другим. Одни твёрдо, другие едва слышно. Потом мужчина переходил к следующему.

Джулия не знала, что именно происходит, но от повторяющегося порядка становилось холоднее, чем от воды вокруг ног.

Светловолосый мужчина вдруг поднял голову.

Почти чёрные глаза остановились прямо на ней.

Он не мог её видеть. Между ними лежали огонь, туман и что-то большее, чему Джулия не находила названия.

Но он увидел.

Шум вокруг словно провалился куда-то в глубину. Остался только его взгляд.

— Кто ты? — прошептала Джулия.

Мужчина сделал шаг в её сторону.

За его спиной в тумане что-то шевельнулось.

Огромное. Настолько большое, что Джулия сперва приняла движение за качнувшиеся деревья. Очертания исчезли раньше, чем она успела рассмотреть их.

Она открыла рот, собираясь крикнуть предупреждение.

Из темноты прозвучал другой голос.

Спокойный. Знакомый.

Голос человека с Восточной площади.

— Нашёл.

Джулия проснулась и так резко села, что ударилась спиной о стену.

Комната. Рассветный свет за занавеской. Ривейн.

Она несколько секунд просто дышала, пока сердце не перестало колотиться где-то у горла. Потом вспомнила о руке.

Чёрная линия дошла почти до середины запястья.

За стеной ударил первый утренний колокол. Через несколько мгновений ему ответил другой — дальше, над просыпающимся городом.

Джулия долго смотрела на ладонь.

— Кто ты такой?

Ответа не было.

Но странное ощущение не исчезало: будто где-то очень далеко тот же вопрос только что задал кто-то ещё.

Глава III. После тумана

Ворота Денерима закрылись за III когортой с тяжёлым грохотом.

Оберин невольно обернулся. Железные створки сошлись, отрезая внешний двор от города. Вокруг были каменные стены человеческой крепости, знакомая кладка, караульные в королевских цветах — ничего общего с болотом. Тело решило иначе. Рука сама легла на рукоять меча.

— Если сейчас из канализации полезут серые ублюдки, — сказал Хаузер рядом, — я официально увольняюсь из армии.

Оберин покосился на него.

— И куда?

— В монастырь.

— Тебя не возьмут. Ты слишком много пьёшь.

Хаузер задумался.

— А я слышал, монахи умеют делать отличное вино.

— Тогда, возможно, ты наконец нашёл своё призвание.

Хаузер усмехнулся, но руку с меча тоже не убрал.

Во внешнем дворе III когорта стояла молча. Триста семьдесят три легионера, способных идти и держать оружие. Оберин знал число точно. Теперь он вообще слишком хорошо знал числа.

Четыреста девяносто три вошли в Драксильское болото. Остальные превратились в список: погибшие, пропавшие, умершие от ран. И шестьдесят один человек, которых они убили сами.

За стенами Денерима кто-то торговался, смеялись горожане, лаяла собака, звенел молот кузнеца. После одиннадцати дней болота обычная жизнь казалась почти неправильной.

Лиан Верн стоял в строю третьей центурии и смотрел на городской колодец. Рядом двое слуг крепости несли корзины с хлебом — свежим, мягким, ещё пахнущим печью. Не сухарями, которые приходилось размачивать в кипятке, чтобы не сломать зубы.

Лиан сглотнул.

— Верн.

Он вздрогнул и выпрямился. В нескольких шагах стоял центурион Галан Меррел.

— Я здесь, центурион.

— Вижу. Поэтому и разговариваю.

Галан проследил за его взглядом.

— Жрать будешь после осмотра.

— Я просто смотрел.

— В болоте ты тоже много смотрел. Один меч там оставил.

Лиан поморщился.

— Его зажало в рёбрах.

— А врагу надо было попросить отпустить?

— Нет, центурион.

— Вот и я так думаю.

Галан уже собирался уйти, но остановился.

— Верн.

— Да?

Теперь в его голосе не было привычного рыка.

— Мы вышли.

Лиан посмотрел на него.

Галан кивнул на стены крепости, двор, корзины с хлебом — на всё сразу.

— Понял?

Лиан ответил не сразу.

— Понял.

— Вот теперь можешь смотреть на хлеб.

* * *

Внешний двор превратили в карантин меньше чем за час. Не без сопротивления.

Начальник ворот сначала заявил, что не имеет права запирать королевскую когорту внутри крепостного двора без распоряжения префекта. Следом начальник городской стражи потребовал объяснить, почему несколько сотен солдат короля должны ночевать будто пленники. Наконец появился старший лекарь Денерима — плотный мужчина с идеально чистым фартуком и таким выражением лица, словно грязь на доспехах III когорты была личным оскорблением.

Он осмотрел троих легионеров подряд и уверенно заключил:

— Болотная горячка. После сырости бывает часто. Отдых, горячее питьё, чистая одежда.

На этом терпение Орена Тала закончилось.

Лекарь III когорты не спал нормально больше недели. Край его плаща был прожжён, под ногтями оставалась кровь, рукава пахли уксусом и дымом. Он подошёл почти вплотную.

— Ещё раз назовёшь это болотной горячкой — дам тебе понюхать повязку человека, у которого перед смертью почернели зубы.

Городской лекарь отступил.

— Я всего лишь сказал...

— Ты сказал, что видел болотную горячку.

— Видел.

Орен скрестил руки на груди.

— У неё чернеют вены?

— При некоторых заражениях...

— Раненые слышат голоса?

Городской лекарь нахмурился.

— Иногда при сильном жаре...

— Через три дня пытаются перегрызть товарищу горло, потому что кто-то внутри зовёт их в лес?

Теперь мужчина замолчал.

Орен ткнул пальцем ему в грудь.

— Вот когда увидишь такое семьдесят раз, тогда и рассказывай мне про горячку.

— Тал, — сказал Оберин.

Орен обернулся.

— Примус.

— Достаточно.

Лекарь коротко рассмеялся без всякого веселья.

— Нет, не достаточно. Они сейчас полезут к нашим своими инструментами, а завтра полгорода начнёт блевать чёрной кровью.

Городской лекарь вспыхнул.

— Наши инструменты чисты.

Орен медленно повернулся к нему.

— Покажи.

— Что?

— Инструменты.

Мужчина прижал к груди кожаный футляр.

— Вы мне не доверяете?

— После этого болота я собственной матери не доверяю. Покажи.

Хаузер, стоявший у стены, наблюдал за разговором с заметным удовольствием.

— Мне нравится Тал.

Оберин покосился на него.

— Вчера он угрожал отрезать тебе руку.

— Именно. Честный человек.

Оберин оставил их спорить об инструментах и повернулся к начальнику ворот.

— Никто из моих людей не покидает двор до полного осмотра. И никто из города не входит сюда без разрешения Тала или моего.

Тот недовольно поджал губы.

— Примус, у меня нет полномочий...

— Тогда найди того, у кого есть.

Начальник ворот помолчал.

— Префект уже едет.

— Хорошо.

Мужчина явно хотел закончить разговор, но всё-таки добавил:

— Он будет недоволен.

Оберин посмотрел на запертые ворота.

— Пусть встанет в очередь.

Хаузер тихо кашлянул, скрывая смех.

Префект Денерима прибыл через четверть часа. Северан Рейд оказался небольшим сухим мужчиной лет пятидесяти с лишним, с коротко остриженными седыми волосами и лицом, словно созданным специально для постоянного недовольства. За ним вошли два трибуна городского гарнизона и писарь.

Северан остановился посреди двора, оглядел закрытые ворота, солдат на стенах и несколько сотен грязных легионеров. Потом заметил Оберина.

— Эвергарден.

Оберин шагнул навстречу.

— Префект.

Северан осмотрел его с головы до ног.

— Последний раз я видел вас три года назад.

— У Северного брода.

— Тогда вы выглядели лучше.

Оберин выдержал его взгляд.

— Вы тоже.

Хаузер поспешно отвернулся к стене.

Префект медленно поднял бровь.

— Всё тот же характер.

— Боюсь, болото не помогло.

Северан перевёл взгляд на строй.

— Мне доложили, что вы требуете карантин.

— Да.

— Причина?

— Неизвестное заражение.

Префект повернулся к нему всем корпусом.

— Насколько заразное?

— Не знаю.

На лице Северана раздражение сменилось вниманием.

— Тогда на каком основании вы закрыли мой внешний двор?

Оберин ответил спокойно:

— На основании шестидесяти одного трупа.

Префект замолчал. Даже Хаузер больше не улыбался.

— Моих людей, — продолжил Оберин. — Раненых в Драксильском болоте. У каждого появились одинаковые симптомы: жар, потеря чувствительности, чёрные вены, изменения поведения. Позже — потеря контроля над собой.

Северан посмотрел на Орена.

— Подтверждаете?

Тот коротко кивнул.

— Каждое слово.

— Передача между людьми?

Орен покачал головой.

— Не наблюдал. Болели только те, кого ранили твари или их оружие. Но я не знаю, достаточно ли этого, чтобы считать остальных безопасными.

Северан снова повернулся к Оберину.

— Где заражённые?

Во дворе будто стало тише.

— Мертвы.

Префект чуть прищурился.

— Все?

— Все.

Несколько мгновений он просто смотрел на Оберина.

— От болезни?

Оберин выдержал его взгляд.

— От нашего оружия.

Один из трибунов едва заметно повернул голову. Писарь перестал писать.

Северан несколько секунд молчал, затем закрыл журнал.

— Утром. Военный зал.

Оберин нахмурился.

— Я готов дать доклад сейчас.

— Я вижу, в каком вы состоянии. Если начнёте сейчас, к середине заснёте стоя, а я ненавижу, когда подчинённые спят во время собственного допроса.

Оберин вскинул бровь.

— Это будет допрос?

— После слов «шестьдесят один убит нашими руками» — обязательно.

Хаузер шагнул вперёд.

— Тогда допрашивать будете и меня.

Северан посмотрел на него внимательнее.

— Хаузер Эйдриан.

— Пока ещё просто Хаузер.

Префект задержал на нём взгляд.

— Королевский приказ о вашем назначении уже прошёл через Денерим.

Хаузер поморщился.

— Значит, последние дни свободы закончились.

— В столице вы официально примете II когорту XII Легиона.

— Если доеду.

Северан перевёл взгляд на перевязанное предплечье Хаузера.

— Именно поэтому вы тоже останетесь в карантине.

Хаузер тяжело вздохнул.

— А я уже мечтал о горячей ванне.

Орен тут же вмешался:

— Ванну получишь после осмотра.

Хаузер посмотрел на него.

— Ты начинаешь злоупотреблять властью.

— Сними повязку.

— Прямо здесь?

Орен потянулся к ножу.

— Хочешь, помогу?

Хаузер повернулся к Оберину.

— Видишь? А ты говорил, мне будет хорошо в монастыре.

* * *

Первую ночь в Денериме никто из III когорты не провёл в городе.

Еду принесли прямо во внешний двор: хлеб, мясо, горячую похлёбку, сыр и разбавленное пиво, которое Хаузер немедленно объявил преступлением против военной традиции.

Сначала легионеры ели молча. Потом кто-то попросил вторую миску. У другого костра начали спорить, кому достался самый жирный кусок мяса. Через полчаса несколько человек уже играли в кости на перевёрнутом щите. Смех звучал осторожно, словно солдаты проверяли, разрешено ли им снова смеяться.

Оберин наблюдал за двором со стены.

— Хороший знак, — сказал Хаузер.

Он подошёл с двумя деревянными мисками и одну протянул другу.

— Ешь.

— Уже ел.

Хаузер посмотрел на него с сомнением.

— Половину куска хлеба я едой не считаю.

— Я не голоден.

— Ты никогда не голоден, пока не падаешь.

Оберин всё-таки взял миску. Только тогда заметил свежую повязку на предплечье Хаузера.

— Что сказал Тал?

— Что если я ещё раз сам перевяжу рану грязной тряпкой, он зашьёт мне задницу.

— Похоже на него.

Хаузер усмехнулся.

— Рана чистая.

Оберин продолжал смотреть на повязку.

— Покажи.

Улыбка исчезла.

— И ты туда же.

— Покажи.

Хаузер несколько мгновений выдерживал его взгляд.

— Оберин.

— Хаузер.

— Ладно, мама.

Он поставил миску и размотал бинт. На наружной стороне левого предплечья тянулась длинная царапина. Кожа вокруг была розовой, края уже стягивались.

Никаких чёрных линий. Никаких пятен.

Напряжение внутри немного отпустило.

Хаузер это заметил.

— Видишь? Обычная рана.

— Пока.

Он замер с бинтом в руках.

— Вот это твоё «пока» однажды сведёт меня с ума.

— Марек тоже сначала сказал, что это царапина.

Руки Хаузера остановились.

Несколько секунд он молчал, потом опустил взгляд на рану.

— Знаю.

Шутливость ушла из его голоса так быстро, словно её и не было.

— Я тоже об этом думаю. Каждый раз, когда рука чешется. Каждый раз, когда мне жарко. Сегодня дважды проверял глаза в воде, как последний идиот.

Оберин поставил миску на парапет.

— Жар есть?

— Нет.

— Онемение?

— Нет.

— Голоса?

Хаузер посмотрел на него.

— Только твой. И поверь, одного достаточно.

Оберин не улыбнулся.

Хаузер тяжело выдохнул.

— Если начнётся — скажу.

— Сразу.

— Сразу.

Оберин не отвёл взгляда.

— Не через час. Не когда увидишь чёрную вену.

— Я понял.

— Хаузер.

— Сразу, — уже без улыбки повторил тот.

Оберин кивнул.

Хаузер начал было снова заматывать руку, но вдруг остановился.

— А теперь моя очередь. Щёку покажи.

— Там ничего нет.

— Именно.

Оберин промолчал.

Хаузер подошёл ближе.

— Тебя эта дрянь полоснула когтем. Я видел кровь.

— Рана была неглубокой.

— Марек говорил то же самое.

Оберин отвёл взгляд.

Хаузер усмехнулся, но веселья в этой усмешке не было.

— Неприятно, когда твои же слова возвращаются?

— Очень.

— Тал тебя смотрел?

— Да.

— И что сказал?

Оберин помедлил.

— Не знает.

Хаузер поднял глаза к небу.

— Прекрасно.

— Хаузер...

— Нет, это замечательно. Я всегда мечтал дружить с человеком, которого не понимает собственный лекарь.

— Ты можешь перестать.

— Дружить?

Оберин наконец посмотрел на него.

— Мечтать.

Хаузер рассмеялся.

Снизу донёсся громкий спор.

— Я сказал, это моя кость!

— Ты проиграл её вчера!

— Вчера мы были в болоте. Болото не считается!

— Тогда мои три серебряника тоже не считаются!

Хаузер перегнулся через парапет.

— Пепельные! Если спор закончится поножовщиной, победитель отдаёт деньги мне!

— Вы ещё не Примус, Хаузер! — крикнул кто-то снизу.

— Вот поэтому пользуйтесь последней возможностью спорить!

Смех прокатился по двору.

Оберин посмотрел на своих людей.

Триста семьдесят три.

Живые.

Хотя бы сегодня.

* * *

Ночью крик поднял половину двора.

Оберин проснулся раньше, чем понял, что именно услышал. Рука уже сжимала меч. Через несколько мгновений он выскочил из караульной комнаты босиком.

— Где?!

— Вторая центурия!

— Лекаря!

Солдаты поднимались почти одновременно. Кто-то натягивал шлем, кто-то хватал щит. После болота тревога больше не требовала рога.

В центре двора стоял Ролло Кейр — тот самый легионер, который обещал забрать сапоги Дерена после его смерти. В правой руке он держал кинжал, прижав лезвие к коже левого предплечья.

В трёх шагах замер Галан.

— Положи нож.

— Не подходите.

— Ролло.

— Я сказал не подходить!

Оберин увидел пятно на его руке.

Тёмное. Почти чёрное.

Сердце ударило сильнее.

— Тал!

— Уже здесь!

Орен протиснулся между легионерами.

Ролло сильнее прижал нож к коже.

— Не трогайте меня.

Лекарь остановился в нескольких шагах.

— Покажи руку.

— Я видел, как начиналось у них.

— Поэтому и покажи.

Ролло покачал головой.

— Нет.

— Ролло, — сказал Оберин.

Легионер посмотрел на него. В глазах был тот же страх, который Оберин видел у Кая.

— Примус...

— Нож вниз.

— Я не пойду туда.

Оберин понял, что тот говорит не о карантине.

— Не придётся.

Ролло судорожно вдохнул.

— Вы не знаете.

— Поэтому Тал посмотрит.

— А если это оно?

Никто не ответил.

Легионер опустил глаза на собственную руку.

— Если это оно, я сам.

— Нет.

Ролло поднял голову.

— Примус...

Оберин сделал шаг вперёд.

— Я сказал нет.

Он двигался медленно, не отрывая взгляда от кинжала.

— Ты солдат третьей когорты. Не вор в переулке. Ты не будешь резать себя посреди ночи, потому что испугался пятна.

— Это не пятно.

Оберин протянул руку.

— Тогда дай посмотреть.

Ролло колебался ещё несколько мгновений. Потом опустил кинжал.

Орен подошёл первым и провёл по пятну влажной тканью.

Чёрный цвет начал исчезать.

Ролло смотрел.

Все смотрели.

Через несколько секунд под грязью показалась обычная кожа с большим багровым кровоподтёком.

Орен поднёс ткань к лицу и понюхал.

— Сажа.

Ролло моргнул.

— Что?

— Сажа, идиот. Ты вчера тащил обгоревший щит.

Кто-то нервно рассмеялся. Следом ещё один.

Ролло медленно опустился на ящик. Кинжал выпал из его руки. Он закрыл лицо ладонями и заплакал.

Смех оборвался.

Галан поднял кинжал с земли.

— Всем спать.

Легионеры начали расходиться. Никто больше не смотрел на Ролло.
Оберин остался.
— Примус...
— Молчи.
— Я...
Оберин сел рядом с ним.
— Просто молчи.
Некоторое время они сидели в тишине.
Ролло первым убрал ладони от лица.
— Я думал, снова оно.
Оберин посмотрел в тёмный двор.
— Я тоже.
Ролло повернул к нему голову.
— Вы?
— Да.
Он явно не ожидал такого ответа.
— Но вы...
— Что?
Ролло замялся, и Оберин всё понял прежде, чем тот договорил.
Но вы Примус.
Будто звание должно было защищать от страха.
— Страх не спрашивает звание, Ролло.
Легионер вытер лицо рукавом.
— Галан говорил, что страх надо держать в строю.
— Галан много говорит.
Из темноты донёсся голос центуриона:
— Я всё слышу, Примус.
Ролло неожиданно рассмеялся.
Оберин тоже.
Совсем немного.
Этого хватило.
* * *
Утром Оберин стоял голым по пояс перед двумя лекарями и ненавидел каждую секунду.
— Повернитесь, — сказал городской лекарь.
Оберин посмотрел на него через плечо.
— Я уже поворачивался.
— Ещё раз.
— Зачем?
— Потому что я хочу увидеть спину.
У окна сидел Орен и наслаждался происходящим слишком открыто.
— Делай, что говорит лекарь.
Оберин повернулся к нему.
— Когда вернёмся в столицу, напомни мне заменить лекаря когорты.
— Кем?
— Кем угодно.
Орен задумался.
— Хаузером?
— Даже им.
— Нет. Тогда половина умрёт от ран, вторая — от похмелья.

Городской лекарь провёл пальцами вдоль старого шрама на спине Оберина.

— Болит?

— Нет.

Он нажал выше.

— Здесь?

— Нет.

Ещё раз — сильнее.

Оберин поморщился.

— Если будете тыкать сильнее, начнёт.

Лекарь отступил.

— Шрам старый.

— Обычно это означает слово «старый».

Орен фыркнул.

Городской лекарь пропустил замечание мимо ушей и закончил осмотр.

— Новых высыпаний нет. Чёрных сосудов нет. Жара тоже.

— Покажи щёку, — сказал Орен.

Оберин повернул голову.

Городской лекарь прищурился.

— Где рана?

— Была здесь.

— Когда?

— В первый день в болоте.

Лекарь ещё раз осмотрел едва заметный след.

— От чего?

Оберин встретился взглядом с Ореном.

— Коготь.

Лекарь коснулся кожи на щеке, провёл пальцем вдоль едва заметной полосы.

— Следа почти нет.

— Я заметил.

— На лице повреждения иногда заживают быстро.

Орен перестал улыбаться.

— Настолько?

Ответа не последовало.

Оберин потянулся за рубахой.

— Закончили?

— Нет.

Он надел её.

— Теперь да.

Городской лекарь нахмурился.

— Примус, я хотел бы наблюдать вас ещё несколько дней.

Оберин застегнул перевязь.

— У нас нет нескольких дней.

— С медицинской точки зрения...

— С военной точки зрения король приказал моей когорте прибыть в столицу как можно быстрее. Я уже украл у него два дня.

Лекарь помедлил, но всё-таки произнёс:

— Вы можете быть угрозой.

Оберин остановился.

У окна Орен тоже перестал улыбаться.

Городской лекарь заметил реакцию обоих, сглотнул, но продолжил:

— Вы сами сказали, что были ранены тем же существом. Если у болезни долгий скрытый период...

— У остальных симптомы начались максимум через три дня, — перебил Орен. — У Примуса с тех пор — ни одного признака.

Лекарь посмотрел на почти исчезнувшую царапину.

— Кроме аномального заживления.

Орен кивнул.

— Кроме этого.

Оберин затянул ремень меча.

— Если у меня появится жар, чёрные вены или желание кого-нибудь укусить, Тал узнает первым.

— Последнюю часть особенно, — сказал Орен.

Оберин вышел.

В коридоре ждал Хаузер.

— Ну?

— Я не умер.

Хаузер окинул его взглядом.

— Я заметил.

Оберин пошёл дальше.

— Это всё.

Хаузер догнал его.

— Они что-нибудь нашли?

— Нет.

— А чего лицо такое?

Оберин не остановился.

— Потому что они ничего не нашли.

Хаузер покачал головой.

— Ты невозможный человек. Если находят — плохо. Не находят — тоже плохо.

Оберин перевёл взгляд на его руку.

— Повязка?

Хаузер демонстративно размотал бинт. Царапина стала светлее, края затянулись обычной розовой полосой.

— Тал сказал, ещё два дня — и бинт не нужен.

Оберин внимательно осмотрел рану.

Хаузер поднял руку выше.

— Можешь понюхать, если хочешь.

— Не хочу.

— Тогда запиши где-нибудь: Хаузер Эйдриан официально признан здоровым, красивым и готовым командовать второй когортой.

Из лекарской комнаты донёсся голос Орена:

— Красивым я тебя не признавал!

Хаузер обернулся к двери.

— Зависть плохо влияет на лекарскую репутацию!

Оберин покачал головой.

Впервые за несколько дней, глядя на чистую рану друга, он позволил себе поверить, что хотя бы с Хаузером всё закончилось.

* * *

Военный зал Денерима находился над северными воротами.

Комната была небольшой. Длинный стол занимал почти всё пространство, а на стене висела карта королевства. Красными метками обозначались человеческие части, чёрными — войска Аэр'Вар. Большинство чёрных стояло вдоль восточной границы.

Префект Северан Рейд сидел во главе стола. Справа от него расположился трибун Кассен Вир, командовавший городским гарнизоном: высокий, гладко выбритый мужчина лет сорока. Оберин встречал таких при штабе отца — достаточно умных, чтобы не говорить раньше времени, и слишком амбициозных, чтобы долго молчать.

Слева сидел начальник лекарской службы. Напротив стояли Оберин, Хаузер, Галан и Орен.

Писарь разложил чистый пергамент.

Северан открыл журнал.

— Начнём сначала. Численность при входе в болото?

— Четыреста девяносто три, — ответил Оберин.

Перо заскрипело.

— Способных держать оружие сейчас?

— Триста семьдесят три.

Северан поднял взгляд.

— Причина потерь?

— Два крупных столкновения с неизвестным противником. Дротики. Клинковое оружие. Когти и зубы. Последующее заражение раненых.

Префект сделал короткую пометку.

— Вид противника?

Оберин посмотрел на Галана.

Центурион ответил без колебаний:

— Низкие. Коренастые. Большая часть примерно по грудь взрослому человеку. Длинные руки. Серая кожа. Чёрные сосуды. Некоторые использовали оружие.

Кассен впервые вмешался:

— Звери?

Галан повернул к нему голову.

— Зверь не делает дротик.

— Обезьяны используют камни.

— Эти ублюдки держали направление атаки и отходили по сигналу.

Трибун чуть подался вперёд.

— Какой сигнал?

— Мы не слышали.

Кассен прищурился.

Оберин добавил:

— Ими командовали.

— Вы видели командира?

— Видел существо, отличавшееся от остальных. Выше. В доспехе. С копьём.

Кассен помедлил.

— Оно говорило?

Оберин не ответил сразу.

Хаузер взглянул на него.

— Ртом — нет.

Трибун медленно положил перо.

— А чем?

Оберин коснулся виска.

— Я дважды услышал собственную фамилию.

В комнате стало тише.

Кассен откинулся на спинку стула.

— Примус Эвергарден, вы понимаете, как звучит ваш доклад?

— Лучше вас.

— Вы утверждаете, что неизвестное существо разговаривало с вами мысленно.

Оберин выдержал его взгляд.

— Я утверждаю, что дважды услышал имя «Эвергарден», когда оно смотрело на меня.

— После нескольких дней без сна?

— В первый раз — в первый день.

Кассен постучал пальцем по столу.

— Во время боя?

— Да.

— После удара?

— Нет.

— После жара?

— Нет.

Трибун выдержал паузу.

— После испуга?

Оберин сжал челюсть.

— Если хотите спросить, сошёл ли я с ума, спросите прямо.

Кассен не отвёл глаз.

— Вы сошли с ума?

Хаузер тихо выдохнул. Галан повернул голову к трибуну.

Оберин ответил спокойно:

— Если бы сошёл, вряд ли смог бы вывести сюда триста семьдесят три человека.

— Иногда безумцы бывают отличными командирами.

— Иногда трибуны задают глупые вопросы.

Северан поднял ладонь.

— Достаточно. Кассен, мы здесь не для состязания в остроумии. Примус, продолжайте.

Оберин рассказал о руинах.

О чёрном алтаре. О видении высоких серокожих фигур. О круге и свете. О чувстве, что далеко за пределами зала нечто обратило внимание на происходящее.

Он намеренно не пытался объяснить увиденное. Просто перечислял факты так же, как описывал бы вражескую позицию.

Когда закончил, Кассен снова взял слово:

— Вы коснулись неизвестного предмета в развалинах после встречи с неизвестным противником?

— Да.

— Почему?

— Не знаю.

Трибун посмотрел на писаря, затем обратно на Оберина.

— Это официальный ответ?

— Да.

Кассен откинулся на спинку кресла.

— Вы командовали почти пятью сотнями людей и просто решили потрогать древний алтарь?

Хаузер усмехнулся.

— Поверьте, я говорил примерно то же самое. Только менее вежливо.

Оберин бросил на него взгляд.

— Я почувствовал необходимость это сделать.

Кассен сразу зацепился за формулировку.

— Голос приказал?

— Нет.

— Тогда что?

Оберин помолчал.

— Тягу.

На лице трибуна появилось выражение человека, получившего подтверждение собственной версии.

— То есть сначала вас тянет в болото. Потом неизвестные существа знают вашу фамилию. Потом древний предмет показывает вам видения. И после всего этого вы хотите убедить нас, что не были целью происходящего?

Вопрос попал точно.

Оберин не ответил сразу.

— Я не знаю, был ли целью.

— Но допускаете?

— Я допускаю всё, что подтверждается увиденным.

Кассен усмехнулся.

— Очень удобно.

— Удобно было бы сказать, что это разбойники и лихорадка. Я этого не говорю.

Северан постучал пальцами по столу.

— Переходим к заражённым.

Орен достал журнал.

— Семьдесят два раненых находились под наблюдением после двух столкновений. У всех, кто получил повреждение непосредственно от существ или их оружия и прожил достаточно долго, появились одинаковые признаки.

Северан посмотрел на него.

— У всех?

— У всех.

— Исключений не было?

Орен замолчал.

Оберин сразу понял причину.

Префект тоже заметил паузу.

— Что?

Лекарь медленно закрыл журнал.

— Среди остальных легионеров — нет.

Северан нахмурился.

— Что значит «среди остальных»?

— Я был ранен, — сказал Оберин.

Хаузер резко повернул голову.

Кассен тоже изменился в лице.

— Тем же существом?

— Когтем.

— И?

— Симптомов нет.

Трибун посмотрел на Орена.

— Совсем?

— Ни одного, — ответил тот.

— Почему?

Оберин чуть пожал плечами.

— Если узнаете, сообщите.

Северан повернулся к лекарю.

— Рана подтверждена?

— Я видел её после боя.

— Сейчас?

— Зажила.

— Полностью?

Орен помедлил.

— Практически.

В комнате снова установилась тишина.

Кассен произнёс медленно:

— Значит, заражались не все.

Оберин сразу понял, куда он ведёт.

— Не начинайте.

Трибун поднял бровь.

— Что?

— Вы знаете что.

Кассен положил ладони на стол.

— Шестьдесят один человек были убиты по вашему приказу. Теперь выясняется, что по крайней мере один раненый не заболел.

Хаузер шагнул вперёд.

— Осторожнее.

Кассен повернулся к нему.

— Это угроза?

— Совет.

— Хаузер, — сказал Оберин.

Тот замолчал, но не отступил.

Кассен снова посмотрел на Оберина.

— Вы дали каждому заболевшему время?

— Не одинаковое. Первых раненых Орен наблюдал почти весь переход. После второго боя времени было меньше.

— Лечение?

— Всё, что было возможно, — ответил Орен.

Трибун перевёл взгляд на него.

— Кто подтвердил, что они неизлечимы?

— Никто.

Кассен прищурился.

— Тогда на каком основании вы решили, что их нельзя вести в Денерим?

Орен поднялся.

— Я держал человека, пока у него из пальцев лезли чёрные вены. Видел другого, который пытался перегрызть собственный язык, потому что «кто-то внутри» заставлял его говорить. Видел Марека Арвиса, который заранее попросил привязать себя, потому что чувствовал, как перестаёт управлять руками.

— Я не мог доказать, что каждый из них умрёт. Но состояние ухудшалось, лечения у нас не было, а вести шестьдесят одного заражённого к городским воротам я считал неприемлемым риском.

— Орен, — сказал Северан.

— Префект.

— Сядьте.

Орен тяжело опустился обратно.

Кассен дождался, пока тот сядет.

— Примус Эвергарден. Кто непосредственно исполнял казни?

Оберин ответил сразу:

— Я.

— Один?

— Нет.

— Кто ещё?

— Хаузер. Центурионы.

Трибун продолжил:

— По вашему приказу?

— По моему.

— Кто предложил решение?

— Я.

— Кто несёт ответственность?

Оберин даже не моргнул.

— Я.

— Нет, — сказал Хаузер.

Оберин повернулся.

— Молчи.

— Не буду.

— Это моя когорта.

Хаузер зло усмехнулся.

— И снова эта песня.

Кассен раздражённо перевёл взгляд с одного на другого.

— Что происходит?

Хаузер повернулся к нему.

— Происходит то, что Примус Эвергарден опять решил забрать себе всю вину, потому что она блестит и хорошо смотрится на его фамилии.

— Хаузер.

— Ты приказал. Я согласился. Галан согласился. Варрек согласился. Тал сказал, что заражённые представляют угрозу. Они сами видели, во что превращаются.

Он повернулся к трибуну.

— Да, мы убили их.

Голос стал жёстче.

— Я лично убил людей, с которыми ел из одного котелка. Если хотите назвать это убийством — называйте. Но сначала скажите, сколько жителей Денерима вы готовы были бы положить, чтобы проверить, ошибались ли мы.

Кассен не ответил.

Хаузер сделал ещё шаг к столу.

— Сто?

— Хаузер, — предупредил Северан.

— Тысячу? Десять тысяч? Где ваша цифра, трибун?

Кассен сжал челюсть.

— Я не обязан отвечать на гипотетические...

— А мы отвечали.

Тишина.

Хаузер выпрямился.

— Вот и разница.

Кассен посмотрел на него холодно.

— Вы говорите так, будто сомнение — преступление.

— Нет. Я говорю так, будто сомневаться легче, когда перед тобой чистый стол, а не шестьдесят один товарищ, которые ещё знают собственные имена и просят не дать им превратиться в зверей.

Северан закрыл журнал.

— Достаточно.

Кассен открыл рот.

— Я сказал достаточно.

Префект поднялся и подошёл к карте. Некоторое время смотрел на серо-зелёное пятно Драксильского болота, затем взял угольный мел и провёл через него толстый крест.

— С этого момента маршрут закрыт для военных и гражданских караванов. Две заставы на южной и восточной дороге. Всем деревням вдоль границы — предупреждение не входить.

Кассен нахмурился.

— На основании одного доклада?

Северан повернулся к нему.

— На основании того, что триста семьдесят три легионера XII Пепельного Клинка выглядят так, будто прошли через пасть преисподней.

Он посмотрел на Оберина.

— Я не знаю, правильно ли вы поступили с заражёнными.

Оберин ничего не ответил.

— Возможно, когда-нибудь кто-то умнее нас решит, что вы могли их спасти.

Префект выдержал паузу.

— Но если бы вы привели шестьдесят одного больного в мой город, не зная, что с ними происходит, я бы собственноручно снял вас с командования.

Кассен выдохнул через нос.

Северан вернулся к столу.

— Ваше решение будет внесено в доклад. Вместе со всеми показаниями.

— Этого я и хочу, — сказал Оберин.

Префект посмотрел на него.

— Вы уверены?

— Да.

— Это может закончить вашу карьеру.

— Тогда закончит.

Хаузер тихо пробормотал:

— Отвратительный ответ.

Оберин покосился на него.

— Что?

— Надо было сказать: «Пусть попробуют».

— Хаузер.

Тот поднял ладони.

— Молчу.

* * *

После совета Северан задержал Оберина и Хаузера.

Карту со стола убрали. На её место легли свежие донесения.

— Теперь о причине, по которой вы вообще полезли через болото, — сказал префект. — О столице.

Оберин сразу собрался.

— Что изменилось?

— Многое.

Северан раскрыл первое письмо.

— Король удерживает дворец. Влиятельные дома пока не выступили против него открыто, но сторонников Короны становится меньше.

— Имена?

Префект назвал их. Оберин запомнил.

— Гарнизон?

— Формально верен.

Оберин нахмурился.

— Формально?

Северан отложил письмо.

— Один из трибунов столичной стены дважды проигнорировал приказ королевского совета. Объяснил задержкой связи.

Хаузер усмехнулся.

— Дважды.

— Именно.

— Второй раз обычно называется выбором стороны.

Северан кивнул.

— Поэтому король и собирает Пепельный Клинок.

Он перевёл взгляд на Хаузера.

— II когорта уже в столице.

Улыбка исчезла с лица Хаузера.

— Полный состав?

— Четыреста восемьдесят семь на последней перекличке. Ваш предшественник получил тяжёлое ранение на западном направлении и сложил полномочия. Королевская печать подтверждает назначение. Как только войдёте в столицу — примете когорту.

Хаузер медленно выдохнул.

— Значит, всё-таки Примус.

Северан наблюдал за ним несколько секунд.

— Боитесь?

— Ужасно.

Префект поднял бровь.

— Серьёзно?

— Конечно. Пять сотен солдат — это пять сотен способов испортить мне жизнь.

Оберин покосился на друга.

— Они уже знают тебя.

— Поэтому боюсь ещё сильнее.

Северан позволил себе едва заметную улыбку, но почти сразу снова посерьёзнел.

— Есть ещё кое-что.

Он подошёл к карте на стене и указал на восточную границу. Несколько чёрных меток лежали перевёрнутыми.

Оберин подошёл ближе.

— Варганы?

— Отходят.

— Куда?

— В том и дело. Не бегут и не перебрасываются к другому фронту. Просто снимают давление.

Хаузер нахмурился.

— После трёх месяцев наступления?

— Да.

Оберин провёл взглядом линию границы.

— Потери?

— Не настолько большие, чтобы объяснить отход.

— Может, готовят удар в другом месте.

— Возможно.

Оберин посмотрел на префекта.

— Разведка?

— Ничего.

Хаузер скрестил руки на груди.

— Тогда это хуже.

Северан кивнул.

— Есть слухи, что при дворе Аэр'Вар обсуждают переговоры.

Оберин поднял глаза.

— Переговоры?

— Не мир. Возможно, временное перемирие. Возможно, обмен пленными. Пока это только слух.

Хаузер рассмеялся.

— Варганы месяц назад сжигали пограничные деревни, а теперь хотят пить с нами вино?

— Политика.

— Я предпочитаю болото.

Оберин посмотрел на него.

— Нет.

Хаузер подумал и кивнул.

— Да. Погорячился.

Северан продолжил:

— Король уже уведомлён. Если посольство действительно отправится, пропускать его будут по отдельной грамоте. Официальных дат пока нет.

Оберин снова посмотрел на карту.

Варганы отступают. Столица близка к мятежу. Неизвестная тварь в болоте знает фамилию Эвергарден. И теперь враг вдруг хочет говорить.

Слишком много совпадений.

Но между ними не было нити. Только ощущение.

А Оберин уже слишком сильно устал доверять ощущениям.

* * *

Второй день в Денериме оказался хуже первого.

Не потому, что кто-то заболел.

Никто не заболел.

Именно поэтому солдатам наконец позволили немного расслабиться. По десять человек выпускали во внутренние казарменные дворы, но в сам город Оберин всё ещё никого не отпускал. Это вызвало почти бунт.

Центурион Варрек Дорн застал его во дворе.

— Примус, третья центурия просит разрешение посетить бани.

— Нет.

Варрек тяжело вздохнул.

— Они пахнут так, что стража просит усилить стену с подветренной стороны.

— Пусть моются здесь.

— Говорят, вода холодная.

Оберин посмотрел на него.

— Они одиннадцать дней шли по болоту.

— Я им сказал то же самое.

— И?

Варрек почесал остаток левого уха.

— Назвали меня старым ублюдком.

Оберин усмехнулся.

— Значит, дисциплина восстанавливается.

— Тоже так подумал.

— До вечера никто не выходит в город. Если Тал подтвердит отсутствие симптомов — завтра выступаем.

— Есть.

Варрек не уходил.

Оберин заметил это почти сразу.

— Ещё что-то?

Центурион помял подбородок.

— Люди странные.

Улыбка исчезла.

— Насколько?

— Не в том смысле.

Варрек кивнул в сторону казарм.

— Спят плохо. Просыпаются от каждого шороха. Вторая десятка пятой центурии вообще отказалась ночевать внутри.

— Почему?

— Потолок.

Оберин нахмурился.

— Что с ним?

— Есть.

Несколько секунд Оберин просто смотрел на него.

Варрек пояснил:

— Говорят, под крышей не видно неба. После руин им кажется, что сверху снова камень.

Оберин перевёл взгляд во двор.

У стены действительно лежали семеро легионеров. Плащи под головами, щиты рядом. Над ними — чистое синее небо.

— Не заставляй.

Варрек помедлил.

— Устав...

— Переживёт одну ночь.

Центурион кивнул.

— Есть.

Он уже собирался уйти, когда Оберин окликнул:

— Варрек.

— Да?

— А ты спал?

Тот ухмыльнулся.

— Я старый ублюдок. Мы не спим. Мы ждём, когда молодые ошибутся.

— Иди.

— Есть, Примус.

У другой стены Лиан Верн чистил щит.

Оберин заметил его случайно. Прошёл мимо, потом остановился и вернулся.

Лиан сидел на перевёрнутом ведре. Щит лежал на коленях, дерево было вымыто почти добела.

— Верн.

Тот вскочил.

— Примус.

Оберин посмотрел на щит.

— Ты решил протереть в нём дыру?

Лиан опустил глаза.

— Нет.

— Тогда почему он скоро станет тоньше твоей рубахи?

— Кровь не отходит.

На внутренней стороне возле ремня осталась маленькая чёрная точка.

Засохшая кровь твари.

Совсем немного.

Лиан снова провёл по ней песком.

— Возьми другой щит.

Рука остановилась.

— Не хочу.

— Почему?

Лиан пожал плечами.

— Этот Марек починил.

Оберин замолчал.

Лиан коснулся пальцами ремня.

— Перед болотом.

Вот оно.

Тот самый ремень, за который Галан обещал его задушить.

— Я помню.

— Если выброшу... не знаю.

Лиан осёкся.

Оберин понял и без продолжения.

— Не хочешь выбрасывать память?

— Наверное.

Лиан снова посмотрел на чёрное пятно.

— Но эту кровь я тоже не хочу оставлять.

Оберин протянул руку.

— Нож.

— Что?

— Дай нож.

Лиан подал его.

Оберин аккуратно вырезал небольшой кусок дерева вокруг пятна. Щепка с чёрной кровью упала в жаровню и почти сразу почернела в огне.

— Всё.

Лиан провёл пальцем по оставшейся выемке.

— Теперь щит испорчен.

— Теперь у него история.

Лиан посмотрел на него и усмехнулся.

— Это прозвучало почти мудро.

— Никому не рассказывай.

— Есть, Примус.

Оберин поднялся.

— И Верн.

Лиан насторожился.

— Да?

— Марек был бы зол, если бы узнал, что ты три часа чистил щит вместо тренировки.

— Знаю.

— Тогда завтра полоса препятствий в полной броне.

Лиан открыл рот.

— Примус...

Оберин уже уходил.

За спиной донеслось:

— Вот теперь точно Марек бы одобрил.

* * *

К полудню Орен закончил повторный осмотр и пришёл к Оберину с таблицей, исписанной мелким почерком.

— Чисто.

Оберин поднял глаза.

— Уверен?

— Нет.

Тот несколько секунд смотрел на него.

Орен пожал плечами.

— Ты спросил не того человека. После болота я больше ни в чём не уверен.

— Симптомы?

Лекарь опустил взгляд в таблицу.

— Ни у кого.

— Раны?

— Обычные. Нагноение у троих, растяжения, переломы, две плохо зашитые щеки. Всё скучное, привычное и прекрасное.

Оберин невольно выдохнул.

— Хаузер?

Орен перелистнул страницу.

— Его царапина заживает как нормальная человеческая рана. Может перестать изображать смертельно больного.

— Я ничего не изображаю, — донёсся голос из-за двери.

Оберин закрыл глаза.

— Ты подслушивал?

Хаузер вошёл с таким видом, будто вопрос его оскорбил.

— Я ждал подходящего момента, чтобы войти эффектно.

Орен ткнул пальцем в его руку.

— Завтра можешь снять повязку.

Хаузер расплылся в улыбке.

— Слышал? Я выжил.

— К сожалению, — сказал Орен.

— Зависть.

Оберин смотрел на светлую линию царапины.

Никакой черноты. Никакого жара. Никаких голосов.

На этот раз напряжение отпустило окончательно.

Хаузер заметил.

— Что?

— Ничего.

— Врёшь.

Оберин помедлил.

— Рад, что ты здоров.

Хаузер замер.

Орен тоже поднял бровь.

— Что? — спросил Оберин.

— Нет-нет, — сказал Хаузер. — Продолжай. Я хочу услышать, как ты выражаешь чувства. Такое случается реже солнечного затмения.

Оберин указал на дверь.

— Уходи.

Хаузер довольно кивнул.

— Вот. Всё вернулось на место.

* * *

К вечеру писарь принёс Оберину список погибших и положил свитки на стол.

— Я могу закончить чистовую копию к утру, Примус.

— Не нужно.

Писарь посмотрел на толщину стопки.

— Здесь больше сотни записей. У вас ещё доклады.

Оберин поднял глаза.

— Я знаю.

Писарь понял.

— Есть, Примус.

Когда дверь закрылась, Оберин остался один. Перед ним лежали имена.

Он взял перо.

Первая центурия. Тарен Валь.

«Я держал строй».

Оберин написал напротив имени: «Погиб при исполнении приказа». Посмотрел на строчку и зачеркнул. Написал: «Погиб после заражения, полученного в бою». Снова зачеркнул.

Слова были правильными и совершенно недостаточными.

Эдрик Сорн. Мара Севен. Торен Илл. Кай Рен. Марек Арвис. Фенрис Каре. Лерн Астор. Шестьдесят один заражённый, затем боевые потери и пропавшие.

Оберин писал несколько часов. Не потому, что писарь справился бы хуже. Лерн попросил не прятать потери, и каждое имя должно было дойти до столицы. Каждая семья должна была получить письмо, и ни в одном из них не должно было появиться слов «умер от болотной горячки». Это было бы слишком легко. Слишком удобно.

В дверь постучали.

— Занят.

Она всё равно открылась. Хаузер вошёл с двумя кружками и поставил одну возле свитков.

— Я сказал «занят».

— А я услышал «принеси эля».

Он сел напротив.

— Сколько осталось?

— Двадцать семь.

— Дай половину.

— Нет.

Хаузер посмотрел на него с оскорблённым достоинством.

— Я умею писать.

— Сомневаюсь.

— У меня прекрасный почерк.

Оберин продолжал выводить очередное имя.

— Твои буквы похожи на следы пьяной курицы.

— Но очень образованной.

Ответа не последовало. Хаузер посмотрел на список, и улыбка постепенно исчезла.

— Марек?

— Да.

Он провёл взглядом ниже.

— Я обещал Эдрику поговорить с женой.

Оберин остановил перо.

— Помню.

— Если доберёмся до столицы раньше письма, сделаю лично.

— Хорошо.

Несколько секунд слышно было только скрип пера. Хаузер отпил из кружки.

— Ты всё-таки собираешься написать семьям, что мы их казнили?

Перо остановилось.

— Да.

— Полностью?

Оберин посмотрел на него.

— Полностью.

Хаузер медленно поставил кружку.

— Тебя возненавидят.

— Имеют право.

— Некоторые потребуют суда.

— Имеют право.

Хаузер помолчал.

— Некоторые скажут, что ты убил их из страха.

Оберин выдержал его взгляд.

— А это неправда?

На этот раз Хаузер ответил не сразу.

— Нет. Мы действительно боялись. И правильно делали.

Он откинулся на спинку стула.

— Храбрость — не когда тебе не страшно. Это когда страх сообщает полезные сведения, а ты не позволяешь ему отдавать приказ.

Оберин прищурился.

— Где ты это услышал?

— Сам придумал.

— Не верю.

Хаузер взял кружку.

— Тогда в борделе.

— Вот теперь верю.

Некоторое время оба молчали. Потом Хаузер снова посмотрел на список.

— Через несколько дней у меня будет своя когорта.

— Да.

— Странно.

Оберин отложил перо.

— Ты хотел этого.

— Хотел.

— Передумал?

Хаузер покрутил кружку в ладонях.

— Нет. Просто раньше представлял всё иначе.

— Как?

— Красивый двор. Чистая броня. Пять сотен легионеров стоят и думают: «Кто этот великолепный человек с прекрасной бородой?»

Оберин хмыкнул.

— Скорее: «Почему новый Примус не соблюдает устав о растительности на лице?»

— Завистники.

Улыбка Хаузера быстро исчезла.

— А теперь я думаю о том, что через неделю могу отправить их туда, откуда часть не вернётся.

Оберин снова посмотрел на имена перед собой.

— Это и есть командование.

— Отвратительная работа.

— Ты ещё можешь отказаться.

Хаузер посмотрел на него как на идиота.

— И дать кому-нибудь другому испортить вторую когорту? Ни за что.

Оберин взял перо.

— Из тебя получится хороший Примус.

Хаузер замолчал.

Оберин поднял глаза.

— Что?

— Повтори.

— Нет.

— Я хочу запомнить этот день.

— Убирайся.

Улыбка вернулась.

— Ты только что признал моё превосходство.

— Я сказал «хороший».

— От тебя это почти коронация.

Оберин бросил в него скомканным листом. Хаузер поймал его одной рукой.

— А вот и насилие против будущего командного состава. Запишу в жалобу.

Он поднялся, но у двери остановился.

— Оберин.

— Что?

Хаузер больше не улыбался.

— Ты ведь понимаешь, что в столице всё будет иначе?

Оберин отложил перо.

— В каком смысле?

— Здесь мы пришли как выжившие. Там придём как проблема.

— Объясни.

Хаузер прислонился плечом к косяку.

— Двору нужны простые ответы. Мятежникам — простые виноватые. А мы привезём историю про чудовищ, голоса и шестьдесят одного казнённого легионера.

— Правда не обязана быть простой.

— Политика обязана.

Оберин поморщился.

— Поэтому я её ненавижу.

Хаузер усмехнулся.

— Нет. Ты ненавидишь её потому, что мечом нельзя заставить аргумент перестать быть идиотским.

Оберин всё-таки улыбнулся.

Хаузер взялся за дверь.

— Если начнут давить — не делай из себя мученика.

— Я не делаю.

— Делай вид убедительнее.

Дверь закрылась.

Оберин снова остался с именами. За окном Денерим продолжал жить.

Тарен Валь, Эдрик Сорн, Мара Севен.

Мир действительно не остановился. Значит, и он не имел права.

* * *

Последнюю ночь в Денериме Оберин решил провести без сна. Решение продержалось примерно час.

Он сидел у окна с картой дороги до столицы и перечитывал один и тот же участок, пока буквы не начали сливаться. В конце концов лёг. Настоящая кровать, чистая простыня, каменные стены, закрытая дверь — ещё несколько дней назад всё это казалось бы роскошью.

За окном шумел город. В болоте мешала тишина, здесь мешала жизнь: смех из таверны за стеной, колёса поздней телеги, шаги караульного, чей-то кашель.

Оберин закрыл глаза.

И услышал рог.

Он вскочил прежде, чем успел подумать, рука уже сжимала меч.

Тишина.

Никакого рога. Только далёкий звон кузницы.

Оберин сел обратно и провёл ладонью по лицу.

Прекрасно. Теперь он тоже слышит то, чего нет.

Меч он всё равно положил рядом.

Через несколько минут послышались шаги. Слишком далёкие, чтобы различить их из комнаты, но ритм был знакомым — лошадь. Потом возник звон сбруи, и только после этого на стене крикнул караульный:

— Всадник на северной дороге!

Оберин медленно поднялся.

Он услышал лошадь раньше дозорного на башне.

Нет. Ветер. Камень хорошо проводит звук. Ночная тишина.

Объяснение было. Он ухватился за него и начал натягивать сапоги.

Через несколько минут во дворе уже слышались голоса. Гонец.

Северан спускался по лестнице, на ходу застёгивая плащ. Из соседнего коридора появился Хаузер.

— Хорошая новость? — спросил он.

Префект даже не замедлил шага.

— Когда гонец приезжает после полуночи, хорошая новость обычно в отпуске.

Всадника привели во двор. Конь был в пене, на плаще гонца виднелся королевский знак. Он протянул Северану запечатанный свиток.

— Для префекта Денерима. Срочное.

Северан сломал печать и начал читать. Лицо почти не изменилось, но Оберин заметил, как его рука остановилась на одной из строк.

— Что?

Префект дочитал письмо до конца.

— Король подтверждает ваш немедленный выход утром.

Оберин нахмурился.

— Это мы и собирались делать.

— Есть дополнение.

Хаузер зевнул.

— Конечно есть.

Северан поднял глаза от письма.

— Двор Аэр'Вар официально запросил безопасный проход для дипломатической миссии.

Хаузер перестал зевать.

— Уже не слух.

— Нет.

Оберин протянул руку.

— Дайте.

Северан передал ему свиток.

Внизу стояла подпись королевского канцлера. Официальная печать. Аэр'Вар действительно отправлял посольство.

— Цель?

— Временное прекращение боевых действий, обмен пленными, обсуждение границ.

Оберин ещё раз пробежал письмо глазами.

— Когда?

— По расчётам, делегация пересечёт границу через несколько дней. Если дороги будут хорошими, в столицу они прибудут вскоре после вас.

Хаузер тихо присвистнул.

— Вот это будет пир.

Оберин поднял на него глаза.

— Почему обязательно пир?

— Дипломаты всегда едят. Это единственное, что у них получается лучше, чем врать.

Северан сухо посмотрел на него.

— Вы скоро станете Примусом. Постарайтесь научиться говорить так, чтобы это не слышали послы.

Хаузер пожал плечами.

— Зачем? Пусть знают, что мы их понимаем.

Оберин вернулся к письму.

Варганы отходят. Оппозиция давит на короля. Теперь посольство.

Связи он всё ещё не видел, но ощущение неправильности не уходило.

Хаузер заметил, как долго он смотрит на свиток.

— Оберин.

— Что?

— Не смотри на бумагу так, будто собираешься её допросить.

— Что-то не сходится.

— В мире многое не сходится.

— Слишком удобное время.

Хаузер помолчал.

— Может, они тоже устали от войны.

Оберин посмотрел на него.

— Варганы?

— Иногда даже волк устаёт кусать, если зубы болят.

Северан забрал письмо обратно.

— Утром выступаете. Отдельный доклад о болоте отправлю в столицу вместе с вашими показаниями. И совет: не рассказывайте обо всём этом на каждом постоялом дворе.

— Я не собирался.

— Солдаты расскажут.

Оберин посмотрел на тёмный двор.

— Не остановлю.

Префект нахмурился.

— Почему?

Он вспомнил последнюю просьбу Лерна Астора.

— Потому что молчание убьёт следующую когорту.

Северан несколько секунд смотрел на него.

— Тогда готовьтесь к тому, что в столице эту историю расскажут вместо вас. И совсем не так, как было.

Оберин вернул ему свиток.

— Пусть попробуют.

Хаузер расплылся в улыбке.

— Вот. Наконец-то нормальный ответ.

* * *

На рассвете III когорта построилась во внешнем дворе.

Триста семьдесят три легионера. Уже не пять центурий в полном составе, как на Лысой горе: некоторые десятки пришлось объединить, и пустые места в строю невозможно было спрятать. На щитах остались зарубки, знамя всё ещё пахло дымом. Но броню очистили, оружие заточили, ремни подтянули.

Галан прошёл перед строем.

— Внимание, пепельные! До столицы нормальная дорога. Кто умудрится утонуть на ней — лично вернусь в болото и найду вам достойную замену!

По строю прошёл смех.

— Первая центурия — впереди! Вторая — правый край! Третья держит обоз! Не растягиваться! Мы всё ещё легион, а не колонна беженцев!

Лиан поправил ремень на щите. На внутренней стороне осталась небольшая выемка там, где Оберин вырезал чёрную кровь.

Ролло стоял рядом.

— Нервничаешь?

— Нет.

Тот посмотрел на него.

— Врёшь.

Лиан помолчал.

— Да.

Ролло кивнул.

— Нормально.

У ворот Орен в последний раз поймал Хаузера.

— Сними бинт.

Хаузер посмотрел на него с подозрением.

— Ты влюбился в мою руку.

— Сними.

Спорить он всё-таки не стал. Размотал ткань и протянул предплечье. Царапина превратилась в тонкую розовую полоску.

Орен надавил пальцем.

— Больно?

— Только когда ты давишь.

— Жар?

— Нет.

Лекарь провёл пальцами вдоль раны.

— Онемение? Чёрные пятна?

— Нет. Но если найдёшь — дам серебряник.

Орен осмотрел руку ещё раз и кивнул.

— Чисто. Бинт больше не нужен.

Хаузер торжественно поднял предплечье.

— Слышали? Я официально бессмертен.

— Я сказал, что бинт не нужен.

— Не порть красивую формулировку.

Оберин стоял рядом и смотрел на светлую кожу. Ни пятен, ни почерневших сосудов.

Чисто.

Хаузер заметил его взгляд.

— Доволен?

— Да.

Тот прищурился.

— Это уже второй раз за два дня, когда ты признаёшь что-то приятное. Денерим плохо на тебя влияет.

— В столице исправлюсь.

— Надеюсь.

Рог дал первый сигнал.

Ворота начали открываться. За ними лежала сухая, твёрдая, совершенно обычная дорога.

У стен уже собирались горожане. Кто-то пришёл посмотреть на знаменитый XII Легион, кто-то — на солдат, прошедших через Драксильское болото. Слухи действительно оказались быстрее приказов.

Оберин надел шлем.

Хаузер встал рядом.

— Знаешь, о чём я думаю?

— Боюсь спрашивать.

— Через несколько дней я приму вторую когорту.

Оберин покосился на него.

— Ты говорил об этом всю ночь.

— А ты через несколько дней объяснишь королю, почему привёз ему на сто двадцать легионеров меньше, чем забрал.

— Спасибо.

— Для этого и нужны друзья. Напоминать о хорошем.

Рог дал второй сигнал.

Оберин вышел перед строем.

Речь он не готовил. После болота любые красивые слова казались лишними.

— Третья когорта!

Сотни лиц поднялись к нему.

— Столица ждёт.

Он обвёл взглядом строй.

— Домой.

Галан поднял меч.

— В походный строй!

Щиты пришли в движение. Никто не кричал девиз и не бил клинком по железу. Им уже не требовалось доказывать друг другу, что они Пепельный Клинок.

III когорта вышла из Денерима.

Хаузер шёл рядом с Оберином. Над крепостными стенами поднималось солнце.

— Всё-таки странно, — сказал он.

— Что?

— Мы вошли туда почти пятью сотнями, вышли тремя сотнями и всё равно умудрились опоздать на дипломатический праздник.

Оберин посмотрел на него.

— Ты уже думаешь о еде?

— Я думаю о мире между народами.

— Врёшь.

— Конечно. Я думаю, какое вино привезут Аэр'Вар.

Оберин покачал головой.

— Однажды твоё брюхо тебя погубит.

Хаузер похлопал себя по животу.

— Моё брюхо пережило Ершалаим, две осады, три отравления и твоё командование. Оно практически часть легиона.

Оберин рассмеялся.

Впервые смех не болел.

Дорога уходила на запад, к столице. Там ждали король и мятежники, II когорта, которой предстояло получить нового Примуса, и посольство Аэр'Вар, нёсшее мир после долгих лет войны.

По крайней мере, так было написано в королевском письме.

Оберин оглянулся на стены Денерима. На мгновение ему показалось, что далеко над восточным горизонтом всё ещё лежит серый туман.

Но ветер был чистым.

Он отвернулся и повёл своих людей дальше.

Глава IV. Дорога на запад

Джулия проснулась ещё до того, как поняла, что больше не находится в болотном тумане.

Несколько мгновений она сидела на кровати и слушала собственное дыхание. Комната над похоронной лавкой была прежней: низкий потолок, серый предрассветный свет за окном, куртка на спинке стула, нож на тумбе там, где она оставила его вечером. Никакого мокрого леса, запаха гари и легионеров, по одному выходящих из строя навстречу смерти.

И всё же руки помнили сон лучше головы. Джулия разжала пальцы и увидела на ладони полумесяцы от ногтей. Под левым рукавом тянула кожу тонкая чёрная линия, появившаяся несколько дней назад. После каждого странного сна она будто становилась на волос длиннее. Врач Гильдии ничего объяснить не смог, Юстиана велела следить за температурой и не лезть в неприятности. Выполнимой Джулия считала только первую половину совета.

Она подошла к окну. Ривейн просыпался: по мокрой мостовой протащилась телега с рыбой, внизу ругались грузчики, на крыше напротив Сайран в ночном колпаке вытряхивал коврик и одновременно торговался с молочницей. Мир выглядел слишком обыкновенно для того, что она видела несколько минут назад.

На этот раз сон не оборвался в тумане. Светловолосый мужчина стоял перед шеренгой заражённых солдат. Почти чёрные глаза, меч в руке, короткие вопросы — имя, центурия, когорта, легион. После каждого ответа следовал удар.

Не палач, решила Джулия. Командир. Палачи не смотрят на солдат так, будто стараются запомнить каждого.

Она села за стол, достала лист и взяла уголь.

— Замечательно. Теперь я ещё и рисую мужчин из снов.

Сначала появились глаза, потом скулы, линия носа, волосы, собранные на затылке. Первое лицо вышло слишком грубым. Второе — слишком взрослым. Третья попытка оказалась достаточно близкой, чтобы раздражать.

— Если ты уже разговариваешь с рисунком, мне стоит начать искать нового лучшего убийцу.

Джулия не вздрогнула только потому, что слишком давно жила с Юстианой.

— А если ты ещё раз войдёшь без стука, мне придётся искать новую наставницу.

Юстиана остановилась в дверях. Серебристые глаза быстро прошлись по комнате и задержались на листе.

— Мужчина. Я знала, что этот день когда-нибудь наступит.

— Не начинай.

— Я ещё ничего не сказала.

— В этом и проблема.

Джулия перевернула рисунок лицом вниз.

— Это тот, кого я видела во сне.

Насмешка исчезла. Юстиана вошла и закрыла дверь.

— Снова болото?

Джулия кивнула и рассказала остальное без подробностей, которые не имели значения: заражённые солдаты, построение, молодой командир, казнь. В этот раз она видела достаточно, чтобы понять — он убивал своих не из ярости и не по приказу кого-то другого. Это было его решение, и каждый удар давался ему всё тяжелее. В конце он посмотрел прямо на неё, будто на мгновение увидел сквозь сон.

Потом прозвучал другой голос.

— Советник, — сказала Джулия. — Я уверена. Он произнёс одно слово: «Нашёл».

Юстиана некоторое время молчала, затем перевернула рисунок и внимательно изучила лицо.

— Ты уверена, что этот мужчина существует?

— Нет. Но почему-то уверена, что существовал хотя бы в тот момент, который я видела. Сон мог быть вчера, месяц назад или вообще не здесь.

— Удобная вещь, сны.

— Особенно когда в них кто-то тебя замечает.

Юстиана ещё несколько секунд смотрела на рисунок.

— Молодой.

— Немного старше меня, думаю.

— И запоминающийся.

Джулия протянула руку.

— Не начинай снова.

— Я всего лишь оцениваю угрозу.

— Тогда оценивай молча.

Она забрала лист и убрала его в ящик. Только теперь заметила, что Юстиана так и не вернулась к привычной улыбке.

— Что случилось?

— Дерс должен был выйти на связь вчера вечером. Опаздывает уже на четырнадцать часов. Шесть часов назад Мирал пошёл проверить его дом и тоже исчез.

Джулия медленно закрыла ящик.

— Дом проверяли?

— Только снаружи. Я не собиралась посылать туда третьего агента, пока не вернёшься ты.

Джулия уже натягивала куртку.

— Я проверю сама.

— Знаю.

— Ты со мной?

Юстиана покачала головой.

— Я останусь здесь и начну готовить архив к переносу. Если эти исчезновения связаны, кто-то должен удерживать Гильдию целиком в поле зрения.

Джулия затянула пояс с ножнами.

— Значит, ты тоже думаешь, что добрались до нас.

— Я думаю, что двух исчезнувших агентов достаточно, чтобы перестать надеяться на совпадение.

У двери Джулия остановилась.

— Если к полудню не вернусь, закрывай нижний вход и переноси архив.

Юстиана посмотрела на неё поверх стола.

— Именно это я собиралась приказать.

— Значит, всё-таки хорошо учишь.

— Иногда пугающе хорошо.

* * *

Безопасный дом Гильдии находился в нижнем Лиаранском квартале под вывеской переплётчика. В обычное время здесь пахло клеем, кожей и старой бумагой. Сегодня к запахам добавилось что-то ещё — пустота.

Джулия задержалась у двери. Замок был цел, на косяке ни царапины. В грязи возле порога отпечатались следы трёх разных пар сапог, но после ночного дождя определить их давность было невозможно. Звать Дерса она не стала. Если он был жив и прятался, то знал условный сигнал; если нет — отвечать всё равно некому.

Она постучала костяшками: два коротких удара, пауза, один длинный.

Тишина.

Джулия вошла.

Нижний этаж выглядел нетронутым. На прилавке лежала раскрытая книга заказов, в жаровне серел холодный уголь, на полке стояли четыре кружки, хотя Дерс жил один. Джулия проверила заднюю дверь, ставни, лестницу и поднялась наверх.

В спальне было слишком аккуратно: застеленная кровать, сложенная одежда, нож на тумбе.

Вот это уже было неправильно.

Дерс мог забыть деньги, письмо или собственные штаны — однажды он вылез через крышу, увидев в окне знакомого сборщика долгов. Оружие он не оставлял никогда.

Джулия присела возле тумбы. На полу лежала крошечная щепка тёмного воска. Не красного гильдейского и не синего, которым пользовалась городская стража.

Чёрного.

Она завернула находку в ткань.

За спиной скрипнула доска.

Джулия развернулась одновременно с ножом.

— Я знал, что ты мне обрадуешься, — сказал Кайлен Ресс, замерший в дверях с поднятыми руками. — Но обычно ты хотя бы сначала здороваешься.

Сайрану было чуть за двадцать, и с таким располагающим лицом половина его работы сводилась к тому, чтобы улыбаться, пока собеседник забывал следить за кошельком. Сегодня улыбка держалась хуже обычного.

Джулия убрала нож.

— Юстиана отправила тебя?

— Сказала, что если ты всё-таки решишь идти одна, кому-то потом придётся искать тело.

— Заботливо.

— У неё своеобразные материнские методы.

Джулия указала на тумбу.

— Дерс ушёл без ножа. Следов борьбы нет, замок не вскрывали. Значит, либо сам впустил знакомого, либо у вошедшего был ключ.

Кайлен перестал улыбаться.

— Мирал?

— Пока ничего. Если пришёл сюда после исчезновения Дерса, либо успел уйти, либо его забрали уже в другом месте.

Они обыскали дом вдвоём. За книжным шкафом обнаружилась ниша со списками информаторов. Теперь она была пуста; на полу остались бумажная пыль и прямоугольный след от металлической шкатулки.

— Архив, — сказал Кайлен.

— Часть. Дерс не хранил здесь имена, только коды и точки встреч. Но тому, кто знает систему, хватит и этого.

На внутренней стороне входной двери Джулия заметила три короткие вертикальные насечки.

Она присела.

— Дворцовая служба внутреннего порядка.

Кайлен опустился рядом.

— Уверена?

— Такими насечками они помечали проверенные помещения во время прошлогодних беспорядков.

Кайлен невесело усмехнулся.

— Значит, государство наконец занялось нашей безопасностью. Жаль, защищает Ривейн от нас самих.

— Для чиновника самый удобный преступник — тот, кого не надо искать.

Джулия поднялась.

— Сколько точек Гильдии перестали отвечать за последние две недели?

Кайлен отвёл взгляд.

Она подождала.

— Семь. Пятеро наших исчезли, две точки закрылись после арестов.

Джулия несколько секунд смотрела на него.

— И Юстиана решила, что мне необязательно знать о семи потерянных точках.

— Она не скрывала всё. Не хотела вываливать на тебя каждое исчезновение, пока не поймёт, связаны ли они. Она тебя бережёт.

— Когда из-за этого я работаю вслепую, забота перестаёт быть комплиментом.

Кайлен посмотрел на пустую нишу.

— Ладно. Дворцовая метка, пропавший архив, Дерс и Мирал. Что дальше?

— Не будем изображать героев вдвоём. Вернёшься через северный рынок. По дороге проверишь только две точки: сапожника Ивенса и старую баню на Канатной. Увидишь метку службы — не входи. Запомни всё вокруг и уходи.

Кайлен посмотрел на неё.

— А остальные проверишь одна.

Это был не вопрос.

— Я быстрее и лучше замечаю хвост. Юстиана велела тебе помочь мне, а не умереть рядом из солидарности.

Он вздохнул.

— Знаешь, когда-то я хотел повышения.

— Поздравляю. Теперь ты достаточно опытен, чтобы понимать, почему это была ошибка.

Кайлен усмехнулся, но у двери всё-таки остановился.

— Если за этим действительно дворец, мы не можем воевать с ним как с обычной гильдией.

Джулия посмотрела на три насечки.

— Я и не собираюсь воевать. Пока хочу понять, кто отдал приказ.

* * *

К полудню Джулия поняла две вещи.

Гильдию действительно разбирали по частям. И делали это слишком аккуратно для обычной городской чистки.

У сапожника Ивенса висела печать городской стражи, хотя соседка видела, как его увозили незнакомцы в серых плащах без знаков. В чайной у Северного канала исчез хозяин, а в подсобке кто-то тщательно вымыл пол. На складе у старой гавани Джулия нашла под бочкой листок с условным знаком «уходить», выцарапанным так поспешно, что нож прорвал бумагу.

Ни тел, ни показательных арестов. Жители просто исчезали.

К Восточной площади Джулия вышла ближе к полудню. У человеческого квартала стоял новый пост. Свободных людей в Ривейне и прежде было немного: торговцы из нейтральных земель, переводчики, лекари, редкие ремесленники, дипломатические служащие. После обострения войны каждого переписали и обязали отмечаться у стражи, а ночью ворота квартала запирали.

Военнопленным было хуже. Их отправляли на склады, военные стройки и в мастерские. Варганские чиновники называли это службой в счёт содержания. Лиаранские дома предпочитали не замечать. Сайранские купцы, как обычно, умудрялись находить прибыль даже там, где остальные старались не смотреть.

Сегодня колонну задержанных вели через площадь открыто: два Варгана, три Лиарана, Сайран, старый Горран с перевязанной головой и человек в железном ошейнике военнопленного. Толпа расступалась без вопросов.

У доски объявлений женщина-Лиаранка спорила с писарем.

— Моего мужа забрали вчера из Академического квартала. Он преподаватель истории, а не заговорщик. Я хочу знать, где его держат.

Писарь продолжал перебирать бумаги.

— Если его задержала служба внутреннего порядка, семье сообщат после первичного дознания.

— Когда?

— Когда закончится дознание.

— Это может занять недели.

— Тогда вам придётся ждать.

Женщина сжала бумагу в руке.

— У нас двое детей.

Писарь наконец посмотрел на неё. Лицо было усталым — не жестоким, не злым, просто усталым. От этого разговор становился только хуже.

— Госпожа, я не принимал решение об аресте. Хотите помочь мужу — не заставляйте меня записывать ещё и ваше имя.

Женщина ушла.

Джулия смотрела ей вслед.

— Не надо.

Рядом появился Кайлен и протянул ей бумажный пакет с жареными каштанами.

— Чего?

— Делать это лицо. После него обычно кто-нибудь падает с крыши, а все потом уверяют, что произошёл несчастный случай.

Джулия взяла каштан.

— Я думаю.

— Ещё хуже.

— Что по твоим точкам?

Улыбка исчезла.

— Ивенс арестован. В старой бане пусто, но метка службы есть. Внутрь не заходил.

— Хорошо.

Кайлен поднял брови.

— Не привыкай. Просто впервые выполнил приказ буквально.

Он хмыкнул.

Через площадь провели задержанных. Человек в ошейнике споткнулся, и стражник толкнул его древком копья между лопаток.

Кайлен проводил колонну взглядом.

— Думаешь, всё это из-за Гильдии?

— Нет. Целей слишком много. Нас просто добавили к остальным.

— Тогда почему сейчас? Мы десятилетиями раздражали дворец, и нас терпели.

Джулия посмотрела на закрытые лавки, свежие объявления и патруль у человеческого квартала.

— Потому что когда власть начинает бояться, она ищет врагов. Потом входит во вкус.

Кайлен покосился на неё.

— Звучишь как Юстиана.

— Расскажешь ей — буду отрицать.

— А потом убьёшь свидетеля?

Джулия доела каштан.

— Вижу, ты тоже хорошо учишься.

— Вот теперь мне спокойнее.

* * *

Советника Джулия увидела у фонтана.

При дневном свете он выглядел почти обыкновенно — человеком лет пятидесяти, худым, бледным, с длинными тёмными волосами и заметной сединой. Именно эта обыкновенность раздражала сильнее всего.

Рядом стояли два Варганских офицера. Один держал шлем под мышкой, другой показывал Советнику бумаги. Тот прочитал несколько строк, указал пальцем на одну из них и что-то тихо сказал. Оба Варгана сразу выпрямились. Старший убрал документы и поклонился.

Не вежливо склонил голову.

Поклонился.

Джулия задержалась у лавки с тканями.

— Этот цвет вам не пойдёт, госпожа, — тут же сообщил продавец-Сайран. — Зато у меня есть ткань вдвое дороже, которая чудесным образом решает проблему.

— Спасибо. Вы только что сэкономили мне деньги.

— Но я ещё не назвал цену.

— Именно поэтому.

Продавец оскорблённо отвернулся.

Когда Джулия снова посмотрела на площадь, Советник уже шёл к ней.

— Госпожа Джулия.

Он остановился на уважительном расстоянии.

— Ривейн настойчиво сталкивает нас друг с другом.

— Я бы скорее заподозрила вас, чем город.

Советник едва заметно улыбнулся.

Джулия кивнула в сторону Варганских офицеров.

— Мне всегда было интересно, что должен сделать придворный при дворе Аэр'Вар, чтобы Варганский командир кланялся ему посреди площади.

— Быть полезным достаточно долго.

— И всё?

— Обычно этого достаточно.

Джулия посмотрела вслед офицерам.

— В Лиаранских домах ваше положение описывают иначе.

— Лиаранские дома много говорят о чужом влиянии.

Ответ был слишком спокойным, чтобы понять, задела ли она его вообще.

— А вы предпочитаете слушать.

На этот раз Советник посмотрел внимательнее.

— Это полезнее.

— Особенно когда разговор предназначен не для вас?

— Особенно тогда.

Джулия скрестила руки на груди.

— Значит, о Гильдии вы тоже слышите достаточно.

— О Гильдии говорят давно.

— И что из этого правда?

— Меньше, чем думают её враги. Больше, чем хотелось бы её друзьям.

Это прозвучало почти небрежно.

Джулия перестала улыбаться.

— Вы пытаетесь меня предупредить?

— Нет.

— Тогда что?

Советник перевёл взгляд на башенные часы.

— Напомнить, что Ривейн меняется быстрее, чем кажется.

— Очень содержательно.

— Вы ведь не любите, когда за вас делают выводы.

Он снова посмотрел на неё.

— Поэтому оставлю эту часть вам.

Джулия почувствовала знакомое раздражение: он опять говорил так, будто разговор начался задолго до её появления.

— И всё же вы подошли не ради рассуждений о городе.

— Верно.

Пауза была короткой.

— Думаю, новая работа вам подойдёт.

Джулия не изменилась в лице.

— Какая работа?

Советник посмотрел на неё ещё несколько секунд.

— Наслаждайтесь Ривейном, пока можете.

Вот теперь стало интересно.

— Вы говорите так, будто уже видели мой маршрут.

— Возможно.

— Не похоже, что вы полагаетесь на случайности.

Уголок его рта едва заметно дрогнул.

— Хорошего дня, госпожа Джулия.

Он слегка склонил голову и повернулся к ждавшим офицерам.

Джулия смотрела ему вслед.

Он знал что-то о её ближайшем будущем и специально дал ей это понять.

Хуже было другое.

Ему не требовалось объяснять, откуда.

* * *

Ответ ждал её в Гильдии.

На столе Юстианы лежал свиток с тёмно-красной печатью канцелярии вождя. Рядом стояла уже открытая бутылка вина.

Джулия закрыла за собой дверь.

— Если ты пьёшь до заката, новости либо очень хорошие, либо очень плохие.

Юстиана придвинула свиток.

— Читай.

Джулия узнала содержание первых строк сразу: дипломатическая миссия в Арделон, переговоры, сопровождение. Только теперь рядом с прежним заказом Гильдии стояла государственная печать.

Она дочитала до собственного имени и вернулась на строку выше.

— «Представитель Лиаранской стороны при дворе Аэр'Вар».

— Формулировка достаточно расплывчатая, чтобы ты могла лезть почти куда угодно и утверждать, что выполняешь обязанности.

— Значит, дворец всё-таки умеет делать подарки.

Джулия продолжила читать. Через двенадцать дней миссия должна была выйти из Ривейна северо-западным трактом. Дальше — граница Арделона, смена охраны и дорога к столице. В приложениях перечислялись дипломаты, писари, переводчики, Варганская охрана, представители Лиаранских домов и Сайранские советники.

Ничего неожиданного.

Кроме одного.

— Здесь моё имя уже внесено в окончательный список.

Юстиана взяла бокал, но не отпила.

— Да.

Джулия положила свиток на стол.

— В прошлый раз ты сказала, что дворцу нужно сопровождение от Гильдии.

— Так и было.

— А теперь я не сопровождение. Я официальный представитель.

— Теперь — да.

— Кто предложил?

Юстиана молчала слишком долго.

— Вот из-за этого вино?

— В том числе.

Она достала из стопки бумаг небольшую записку.

— Я пыталась проследить список назад. Канцелярия вождя получила его уже с твоим именем. До этого документ проходил через несколько рук. Последняя дверь, за которой все внезапно перестали помнить подробности, принадлежит канцелярии Советника.

Джулия откинулась на спинку кресла.

Утренний разговор у фонтана сразу встал на место.

«Наслаждайтесь Ривейном, пока можете».

— Он знал.

Юстиана подняла глаза.

— Что?

— Я встретила его сегодня на площади. Он сказал, что мне подойдёт новая работа. До того, как я увидела этот приказ.

Джулия коротко пересказала встречу: Варганские офицеры, поклон, намёк на дорогу. Без попыток объяснять то, чего сама не понимала.

— Он хотел, чтобы я сначала услышала это от него, — закончила она. — А потом нашла своё имя здесь.

Юстиана посмотрела на свиток.

— Похоже на него.

— Ты говоришь так, будто давно привыкла.

— Я привыкла к тем, кто считает чужие решения своей собственностью.

Джулия чуть прищурилась.

— Но всё равно хочешь, чтобы я поехала.

Юстиана не стала отрицать.

— Хочу.

— После семи потерянных точек. После Дерса и Мирала. После того как выяснилось, что моё имя лично протащили через дворец.

— Именно поэтому.

Джулия встала и прошлась до окна.

— Объясни.

— Гильдии становится тесно в Ривейне. Наших становится меньше. Служба внутреннего порядка подходит всё ближе. Если ты уедешь официально, несколько недель проведёшь вне города, под дипломатической защитой и среди тех, кого дворец не сможет просто убрать ночью.

Джулия обернулась.

— А ты останешься здесь.

— Я руководитель Гильдии.

— Это не защита.

— Как и твой нож.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

— Ты хочешь использовать приказ Советника, чтобы убрать меня подальше от Советника.

Юстиана устало усмехнулась.

— Когда произносишь вслух, план действительно теряет часть очарования.

— Он и до этого был отвратительным.

— Хороших у нас больше нет.

Джулия замолчала.

Юстиана редко говорила так. Даже после проваленных заказов, смертей или арестов у неё всегда находилась следующая дверь, новый связной, запасной маршрут. Сейчас впервые казалось, что вариантов осталось меньше, чем она готова признать.

Джулия снова взяла приказ.

— Кто возглавляет миссию?

Юстиана назвала посла и коротко перечислила ключевых участников. Джулия запомнила имена, маршрут и состав охраны.

— Значит, начну с них. Потом проверю повозки, размещение и порядок смен.

— Вот теперь узнаю тебя.

Джулия свернула документ.

У двери она остановилась.

— И ещё одно. Больше не скрывай от меня исчезновения.

Юстиана открыла рот, но Джулия покачала головой.

— Я понимаю, зачем ты это делала. Всё равно не надо.

На этот раз наставница не спорила.

— Хорошо.

Джулия задержалась ещё на мгновение.

Это было единственное слово за весь разговор, которое не требовало проверки.

* * *

Подготовка дипломатической миссии быстро убедила Джулию, что война устроена значительно проще мира.

На войне достаточно знать, кто враг, где он находится и насколько далеко можно метнуть нож. Для мира требовались списки даров, четыре вида печатей, разрешения на оружие, реестры пленных для возможного обмена и три дня споров о том, какое вино не оскорбит короля Эдрика IV Рейвенара.

На дворцовом складе двое Сайранов как раз ругались над бочкой.

— Если повезём красное, арделонцы решат, что мы не знаем их обычая подавать его к мясу.

— Мы везём мясо.

— Солонину. Это военная необходимость, а не мясо.

— Арделонцы сами едят солонину.

— Поэтому и воюют столько лет. Характер портится.

Джулия прошла мимо.

Распорядитель, сухой Лиаран с чернильными пальцами, догнал её у ряда запечатанных ящиков.

— Госпожа Джулия, мне сообщили, что вы намерены проверить все дары перед отправкой.

— Намерена.

— Некоторые уже опечатаны дворцом.

— Значит, распечатаем.

Он заметно побледнел.

— Не все можно.

Джулия остановилась.

— Тогда перечислите исключения сейчас.

Распорядитель поспешно заглянул в список.

— Личные письма вождя. Два церемониальных клинка. И главный дар королю Эдрику.

Он указал на небольшой ларец, стоявший отдельно от остальных грузов. Чёрное дерево, узкая серебряная отделка, ни железных скоб, ни дорожных меток. На крышке лежала чёрная восковая печать со знаком вождя.

Джулия подошла ближе.

— Что внутри?

— Реликвия из государственной сокровищницы. Мне сообщили только, что она имеет историческое и священное значение.

— Кто проверял содержимое?

— Представитель вождя и Советник.

— Посол?

Распорядитель помедлил.

— Не знаю.

Вот это Джулии не понравилось.

Она обошла ларец. Замки выглядели надёжными, печать — целой. Судя по тому, как двое грузчиков до этого переставляли его, весил он немного.

Один из них взялся за боковые ручки, собираясь перенести ларец к остальным дарам.

Под левым рукавом Джулии мгновенно потянуло кожу.

Она замерла.

Чёрная линия отозвалась короткой, горячей болью — слабее, чем после сна, но достаточно ясно, чтобы спутать её с обычным покалыванием было невозможно.

— Стойте.

Грузчик остановился.

Боль исчезла почти сразу.

Джулия медленно подошла к ларцу. Никакого нового приступа. Только знакомое неприятное ощущение под кожей и вдруг почудившийся запах мокрого камня.

Как в болотном сне.

Она не прикоснулась к ларцу.

— Что-то не так? — спросил распорядитель.

Джулия ещё несколько секунд смотрела на чёрную печать.

— Пока не знаю.

Она повернулась к нему.

— В дороге этот груз будет под отдельной охраной. Не меньше двоих постоянно. Смена каждые четыре часа. Любое повреждение печати, попытка открыть ларец или изменить его положение без моего ведома — сразу ко мне.

— Это действительно необходимо?

— Нет. Я просто люблю создавать работу другим.

Распорядитель не понял, шутит она или нет.

И правильно сделал.

* * *

За три дня до отъезда Юстиана заставила Джулию примерить официальный дорожный костюм.

Слово «заставила» Джулия считала точным.

— Я могу ехать в своей одежде.

— Можешь. Если хочешь, чтобы на первой же официальной встрече тебя приняли за телохранителя и попросили постоять у двери.

— Иногда у двери полезнее.

Юстиана разложила на кровати тёмно-зелёный лиаранский костюм: высокий ворот, приталенная куртка, серебряная вышивка вдоль рукавов, длинные полы с разрезами, не мешавшими двигаться.

Джулия посмотрела на него с подозрением.

— Ножи?

— Четыре.

— Тогда беру обратно половину возражений.

Через несколько минут она стояла перед зеркалом и чувствовала себя так, будто примерила не одежду, а чужую жизнь.

Дорогая ткань скрывала сухую мускулатуру и привычные ремни. Тёмные волосы Юстиана распустила до плеч вместо обычного тугого узла. На фоне зелёной ткани глаза казались светлее, вертикальные зрачки — заметнее, а высокие скулы и чуть заострённые уши сразу выдавали Лиаранку, сколько бы дворцовые портные ни пытались превратить её в часть церемонии.

Джулия повернулась боком.

— Если мне придётся бежать, эта штука переживёт?

— Если придётся бежать с первого приёма, одежда будет последней нашей проблемой.

Юстиана подошла сзади и поправила воротник, который совершенно не нуждался в поправке.

Джулия поймала её взгляд в зеркале.

— Ты нервничаешь.

— Я проверяю посадку.

— Уже третий раз.

— Значит, портной плохо работает.

— Врёшь.

Юстиана вздохнула и опустила руки.

— Да.

Некоторое время они молчали.

До отъезда оставалось три дня. Потом Джулия должна была покинуть Ривейн вместе с дипломатической миссией, числиться официальным представителем, охранять ларец, рядом с которым отзывалась болью чёрная линия под кожей, и ехать туда, где её ждал король, никогда о ней не слышавший.

На фоне всего этого вопрос, который пришёл ей в голову, показался почти простым.

— Почему ты тогда меня забрала?

Юстиана нахмурилась.

— Тогда?

— С улицы.

Она поняла сразу.

— Сейчас решила спросить?

— Через три дня я уеду в Арделон по приказу тех, кому не доверяю. Если существует хорошее время для старых вопросов, то я его не вижу.

Юстиана села на край кровати.

— Тебе было семь.

— Я помню.

— Не всё.

Джулия прислонилась к столу.

Юстиана несколько секунд смотрела на собственные руки.

— Ты украла хлеб. Стражники собирались наказать тебя так, чтобы больше не захотелось воровать.

Джулия помнила обрывками: рыночную грязь под коленями, чужую ладонь на затылке, вкус крови во рту. И женщину с серебристыми глазами, которая вдруг оказалась между ней и стражей.

— Ты заплатила за хлеб.

— И за разбитый тобой кувшин.

— Его разбил стражник.

— Ты в него этим кувшином бросила.

Джулия задумалась.

— Тогда да. Возможно.

Юстиана усмехнулась.

— Потом я попыталась увести тебя оттуда, а ты меня укусила.

— Этого не помню.

— Я помню прекрасно.

— Значит, заслужила.

— Несомненно.

Улыбка исчезла так же тихо, как появилась.

— Я собиралась просто накормить тебя и найти место, где можно переночевать. Потом увидела, что ты всё время следишь за моими руками. За дверями. За окнами. За каждым, кто подходит слишком близко. Семилетний ребёнок не должен так смотреть на улицу.

Джулия опустила глаза.

— И ты решила сделать из меня убийцу.

— Нет.

Ответ прозвучал сразу.

Джулия снова посмотрела на неё.

— Я решила, что сначала тебе нужно перестать быть голодной. Всё остальное ты усложнила сама.

Это было настолько похоже на Юстиану, что Джулия невольно улыбнулась.

— Значит, жалеешь?

— Постоянно.

— Но не выгнала.

— Я пыталась.

— Один раз.

— Три.

— Первые два не считаются. Я не поняла, что это серьёзно.

Юстиана покачала головой.

— Именно поэтому и не выгнала.

Джулия смотрела на неё через зеркало. За шутками осталось что-то ещё, о чём обе предпочитали не говорить прямо.

Юстиана первой отвернулась и снова взялась за воротник.

— Я поэтому хочу, чтобы ты уехала.

Джулия сразу поняла, о чём она.

— Из-за Гильдии.

— Из-за Ривейна. Из-за Советника. Из-за того, что вокруг тебя слишком много вещей, которых я не понимаю и не могу остановить.

— А сама останешься здесь.

— Да.

— Удобно.

— Ненавижу удобные решения.

Джулия повернулась к ней.

— Я вернусь.

Юстиана посмотрела жёстко.

— Не обещай того, чем не управляешь.

Джулия замолчала.

Этому правилу Юстиана действительно научила её давно.

— Хорошо. Я сделаю всё, чтобы вернуться.

— Уже лучше.

Юстиана неожиданно обняла её.

Коротко и неловко, будто обе не вполне понимали, что с этим делать.

Джулия всё-таки обняла её в ответ.

— Если кому-нибудь расскажешь, я буду отрицать.

— Я глава Гильдии. Мне положено хранить постыдные тайны подчинённых.

— Я не твоя подчинённая.

— Конечно.

Юстиана отступила и окинула её костюм последним взглядом.

— А теперь спрячь ножи. Все четыре. Посмотрим, насколько хорошо поработал портной.

— Вот это уже разговор.

* * *

Утро отъезда выдалось ясным и прохладным. Западные ворота Ривейна украсили знамёнами Аэр'Вар, площадь перед ними заполнили провожающие, а вдоль стены вытянулась дипломатическая миссия — около восьмидесяти участников. Варганская охрана держалась отдельными группами возле повозок; ближе к началу колонны собрались послы, Лиаранские советники и писцы, Сайранские дипломаты и переводчики.

Джулию больше интересовал конец обоза.

Третью повозку от конца охраняли четверо Варганов. Под её полотняным верхом находился ларец из чёрного дерева с серебряной отделкой. Печать Джулия проверила ещё до рассвета и с тех пор успела проверить снова.

Цела.

Она как раз собиралась вернуться к своему месту, когда Кайлен протянул ей бумажный пакет.

— Каштаны.

Джулия посмотрела на него с седла.

— Через четыре дня они станут оружием.

— Тем лучше. Дипломатия может не сработать.

Она убрала пакет в сумку.

— Спасибо.

Кайлен улыбнулся, но ненадолго.

— Вернись, ладно?

Джулия хотела ответить привычной колкостью и не стала.

— Постараюсь.

— Юстиана вчера трижды проверяла задний вход. Она так делает только перед твоими опасными заданиями.

— Я еду говорить о мире.

— Вот поэтому и тревожно.

У ворот протрубили рога.

На возвышение поднялся вождь Аэр'Вар. Даже в церемониальном доспехе он выглядел так, будто собирался не провожать посольство, а вести его на штурм. Советник занял место справа, на полшага позади — достаточно близко, чтобы все видели его рядом с властью, и достаточно далеко, чтобы формально оставаться лишь советником.

Вождь говорил недолго. О войне, которая слишком долго решала споры вместо правителей; о пленных, торговых путях и пограничных землях; о том, что предложение переговоров не означает слабости. Толпа особенно хорошо приняла последнюю часть.

Джулия слушала вполуха.

Советник почти всё время смотрел не на вождя.

На обоз.

Точнее — туда, где стояла третья повозка от конца.

Когда речь закончилась, площадь ответила криками. Рога загудели снова, лошади задвигались, распорядители побежали вдоль строя, проверяя порядок выхода.

Джулия коротко кивнула Кайлену и взялась за поводья.

— Госпожа Джулия.

Советник стоял неподалёку.

Она спешилась.

— Сейчас?

— Сейчас удобнее всего.

Он отвёл её к внутренней стороне ворот, где шум площади заглушал разговор.

— Я хотел уточнить одну обязанность, которой нет в вашем назначении.

— Уже звучит обнадёживающе.

Советник кивнул в сторону обоза.

— Ларец предназначен королю Эдрику IV. На официальной аудиенции вы передадите его лично.

Джулия несколько секунд смотрела на него.

— Для этого существует глава миссии.

— В этот раз сделаете вы.

— Почему?

— Потому что я так распорядился.

Ответ оказался настолько прямым, что на мгновение выбил её из привычного ритма.

— Тогда попробуем ещё раз. Почему именно я?

— Это сейчас не имеет значения.

— Для меня имеет.

— Вам достаточно знать условие: артефакт должен попасть в руки короля. Не к камергеру, не к охране и не в королевскую сокровищницу до аудиенции.

Джулия почувствовала, как раздражение становится холоднее.

— А если я откажусь?

Советник посмотрел на площадь.

— У Гильдии сейчас трудное время.

— Не надо.

Он перевёл взгляд на неё.

— Несколько ваших точек закрыты. Агенты исчезают. Служба внутреннего порядка продолжает проверки.

— Я сказала: не надо.

— Тогда вы уже поняли.

Джулия приблизилась на полшага.

— Юстиана здесь ни при чём.

— Юстиана — глава организации, которой заинтересовался дворец. Она имеет отношение ко всему, что с этой организацией происходит.

Рука Джулии сама сместилась к поясу.

Советник заметил.

— Оставьте нож.

— Не произносите её имя как часть угрозы.

— Тогда не заставляйте меня объяснять очевидное.

Никакой улыбки. Ни удовольствия, ни злости.

Только спокойствие.

Это раздражало сильнее угрозы.

— Что в ларце?

— Священная реликвия.

— Я уже слышала.

— Значит, повторять не требуется.

Третий сигнал рога прокатился над площадью.

Советник повернулся к колонне.

— Доедете до Арделона, сохраните печать и передадите ларец Эдрику. Лично. На этом наши интересы совпадают.

— Нет. Просто пока ведут в одну сторону.

Джулия развернулась.

Он поймал её за левое запястье.

Боль вспыхнула мгновенно.

Не от пальцев.

Чёрная линия под рукавом обожгла руку от кисти вверх, будто под кожу протянули раскалённую проволоку. Джулия резко вдохнула и рванулась, но хватка не ослабла.

Советник смотрел на её рукав.

Большой палец лежал точно над чёрной нитью.

— Так вот где она остановилась.

Джулия перестала вырываться.

Стало страшно.

— Откуда вы знаете?

Он поднял глаза.

— Отпустите меня.

Советник разжал пальцы.

Джулия сразу отступила и прижала руку к груди. Боль быстро уходила, оставляя горячее покалывание.

— Что это?

— Вы задаёте правильные вопросы.

— Ответьте.

— Нет.

— Это вы со мной сделали?

Короткая пауза.

— Нет.

В этот раз она поверила ему ещё меньше, чем если бы он солгал.

— Тогда откуда вы знаете о линии?

Советник поправил манжету.

— Доедьте до Арделона.

— Я выясню сама.

— Возможно.

Джулия смотрела на него, пытаясь понять, что именно скрывается за этим спокойствием.

— Если с Юстианой или кем-то из Гильдии что-нибудь случится из-за вас...

— Тогда ваше решение в Арделоне станет особенно важным.

Вот и всё.

Ни угрозы, ни обещания. Только смысл, который невозможно было истолковать иначе.

Джулия почувствовала, как снова хочется достать нож.

Не стала.

— Однажды вы не сможете контролировать всё.

— Я и не пытаюсь.

На площади снова затрубили.

Советник отступил, освобождая ей дорогу.

— Передайте артефакт королю, Джулия.

Она прошла мимо.

— И помните: я буду знать, если вы этого не сделаете.

Юстиана ждала за ограждением среди провожающих. Её взгляд сразу скользнул к левой руке Джулии.

Та едва заметно покачала головой.

Не здесь.

Юстиана не стала задавать вопросов.

Джулия села в седло и заняла своё место. Впереди уже двигались посольские всадники, за ними одна за другой трогались повозки. Третья от конца покатилась под арку ворот вместе со всеми, ничем не выделяясь среди остального обоза.

Джулия всё равно следила именно за ней.

За несколько последних недель слишком многое оказалось связано одной дорогой: Советник, исчезновения в Ривейне, чёрная линия под кожей, запечатанный ларец и неизвестный светловолосый командир из болотных снов.

Она пока не понимала, что объединяет эти вещи.

Но все они вели на запад.

Джулия проехала под воротами и один раз обернулась.

Юстиана всё ещё стояла у ограждения. Кайлен рядом что-то говорил ей, но она, похоже, не слушала.

Чуть дальше, возле опустевшего возвышения, оставался Советник.

Он смотрел вслед колонне.

И когда Джулия нашла его среди толпы, поняла, что взгляд направлен именно на неё.

Она отвернулась первой.

Впереди лежала дорога в Арделон.

Глава V. Возвращение

Столица показалась ещё до полудня.

Сначала над дальними холмами возникли самые высокие башни, затем — тёмная линия стены, а через несколько миль из утренней дымки начали проступать крыши, шпили и дворцовый холм. Город растянулся вдоль широкой реки настолько далеко, что восточные кварталы уже были хорошо различимы, тогда как западная стена всё ещё терялась за изгибом берега. Над центральной частью возвышался королевский дворец — светлый камень, многочисленные башни и красно-чёрные знамёна Рейвенаров.

III когорта остановилась на вершине последнего холма перед столицей.

Триста семьдесят три человека.

Пять когортных знамён всё ещё были с ними. Ткань на некоторых пришлось зашивать, древки покрывали царапины и следы огня, однако перед последним переходом знаменосцы привели их в тот вид, в какой только смогли. Доспехи тоже очистили ещё накануне. Невозможно было убрать вмятины, зарубки и наскоро заменённые ремни, но грязь дороги исчезла, оружие блестело после заточки, а щиты снова несли знаки XII Легиона.

Оберин долго смотрел на город. После Драксильского болота, Денерима и недель дороги столица казалась почти неправдоподобно большой. За этими стенами десятки тысяч жителей утром просыпались, открывали лавки, ругались с соседями и понятия не имели, сколько солдат не дошли до этих ворот.

Хаузер остановился рядом и тоже некоторое время молчал, что само по себе было достаточно необычно.

— Я вижу крыши, — произнёс он наконец. — Настоящие. Каменные. И где-то под одной из них есть горячая вода.

Оберин не отводил взгляда от столицы.

— Поразительное достижение цивилизации.

— Ты смеёшься, потому что не умеешь ценить важное. Горячая вода, нормальное мясо, кровать, которая не пытается утопить тебя ночью...

— Болото ни разу не пыталось утопить твою кровать.

— Потому что боялось.

Оберин посмотрел на него. Хаузер удовлетворённо кивнул, словно только что выиграл спор, который никто, кроме него, не начинал.

За их спинами III когорта постепенно подтягивалась на вершину. Центурионы выравнивали строй, обоз отводили в сторону, раненым давали несколько минут передохнуть перед последним переходом. Никто уже не выглядел так, как в тот день, когда они вошли в болото, но впервые после выхода из Денерима в солдатах снова появилось что-то от прежней III когорты.

Лиан Верн достал из сумки маленькое металлическое зеркало и быстро провёл ладонью по волосам. Хаузер заметил это мгновенно.

— Верн! Если за стенами тебя ждёт женщина, предупреждаю: после болота лицо уже не исправить.

По ближайшим рядам прошёл смех. Лиан покраснел и начал что-то объяснять про пыль, на что Хаузер с совершенно серьёзным видом заявил, что прекрасно понимает необходимость проверки боевой готовности причёски.

Оберин вмешался прежде, чем молодой легионер окончательно потерял способность говорить.

— Оставь его. Скоро у тебя будет собственная когорта. Там и воспитывай людей.

— Наконец-то ты начал уважать моё повышение.

— Оно ещё не вступило в силу.

— Мелочи.

Оберин надел шлем и посмотрел на строящихся солдат. Шутки закончились сами собой.

Через несколько минут перед ним стояли все пять центурионов. Оберин коротко объяснил порядок входа в город: никакого растянутого походного строя, обоз после основных подразделений, интервалы сократить, знамёна вперёд. До самого расположения XII Легиона никто не покидает строй независимо от того, кто встретит их на улицах.

Галан Меррел понял первым.

— Парадный шаг?

— Полный.

Центурион посмотрел на потрёпанные ряды.

— Люди устали.

— Знаю.

Оберин обвёл взглядом остальных.

— В столицу войдёт не отряд выживших, который чудом выбрался из болота. В столицу войдёт III когорта XII Легиона Пепельного Клинка. Остальное оставьте за воротами.

Никто не возразил.

Команды пошли по строю. Расстояния между рядами сократились, знаменосцы заняли места впереди, щиты поднялись. Почти одновременно сотни солдат выпрямились, словно одно возвращение к знакомому порядку заставило тела вспомнить, кем они были до тумана, грязи и чёрных вен.

Хаузер встал справа от Оберина и негромко заметил, что речь получилась красивой. Оберин велел ему не начинать, но Эйдриан лишь улыбнулся и сообщил, что фиксирует редкий случай.

Первый удар пришёлся щитом о нагрудник. Тяжёлый, глухой. Следом второй, третий — и сотни рук подхватили единый ритм.

Тук. Тук. Тук.

Оберин поднял руку.

— III когорта! Вперёд!

Сотни сапог одновременно ударили по дороге, и Пепельный Клинок пошёл домой.

* * *

Столица услышала их раньше, чем увидела.

Тяжёлый ритм шагов прокатывался по каменной дороге, отражался от внешних построек и становился громче с каждой сотней шагов. У первых пригородных домов жители начали выходить на улицу. Потом появились дети, затем торговцы, ремесленники и рабочие с ближайших складов.

Кто-то первым различил знамёна.

— XII Легион!

Крик прошёл вдоль дороги.

— Пепельный Клинок возвращается!

У самых ворот народу было уже столько, что городской страже пришлось выстраивать живой коридор. Но Оберин почти сразу заметил другое.

Стражи здесь было больше, чем он помнил. Над воротами стояли дополнительные караульные, а у прохода вместе с городскими стражниками дежурили легионеры в полевой броне. Не почётный караул — обычные вооружённые солдаты, готовые закрыть ворота по команде. У бокового проезда проверяли каждую въезжавшую повозку, хотя прежде этим занимались только ночью и во время тревоги.

Оберин ничего не сказал. Просто запомнил.

Когда III когорта подошла ближе, тяжёлые створки раскрылись полностью. На внутренней стороне ворот их ждал уже настоящий почётный караул. Прогремели трубы, ответили барабаны.

Вот этого Оберин не ожидал. Хаузер тоже, судя по тому, как на мгновение исчезла его улыбка.

Горожане стояли за линией стражи в несколько рядов. Кто-то держал флаги Арделона, женщины бросали цветы на дорогу, но никто не пытался прорваться к строю. III когорта шла сквозь шум города, не нарушая шага.

Тук. Тук. Тук.

Где-то ребёнок восторженно закричал, что идёт Пепельный Клинок. Легионеры не повернули голов. Оберин видел лица лишь краем глаза: радость, любопытство, восхищение. А затем горожане начинали считать ряды, и выражения менялись.

Шёпот сопровождал когорту дальше: их мало; где остальные; говорят, они шли через Драксильское болото; там была болезнь. Кто-то уже пересказывал слух, будто своих пришлось убивать самим.

Оберин смотрел только вперёд. Слухи действительно добрались раньше них.

У следующего крупного перекрёстка он заметил ещё один пост регулярных войск. Десяток легионеров контролировал дорогу к дворцовому холму, хотя раньше здесь хватало городской стражи. Дальше, возле административного квартала, мелькнул ещё один незнакомый штандарт.

Оберин знал столицу достаточно хорошо, чтобы понимать: столько армейских частей внутри стен одновременно здесь не держали без причины.

Но лавки были открыты. На улицах торговались, спорили, тащили корзины, ругались с возницами. Город жил так, словно ничего не произошло.

III когорта продолжала марш.

У старой казарменной площади их ждали ветераны XII Легиона. Некоторые давно не носили доспехов, у других не хватало руки или ноги, но символ Пепельного Клинка оставался на плащах и поясах.

Один из ветеранов поднял кулак.

— Кто мы после падения?!

Строй ответил мгновенно:

— НЕСУЩИЕ ПЛАМЯ!

Крик ударил по стенам.

Ветеран поднял руку снова.

— Что остаётся, когда проходит Пепельный Клинок?!

Триста семьдесят три голоса слились в один:

— ПЕПЕЛ ВРАГА!

Толпа взорвалась криками. Даже Хаузер перестал шутить.

Оберин почувствовал, как что-то тяжёлое сжимает грудь. Почти гордость — только слишком близко к ней лежала память о тех, кто должен был сейчас идти рядом.

Военный квартал встретил их иначе. Перед расположением XII Легиона стояли другие когорты — полными рядами, со знамёнами и командирами впереди. За ними Оберин видел ещё несколько подразделений, размещённых плотнее обычного: оружие при них, обозы собраны, часть солдат явно находилась в готовности выйти по первому приказу.

Никаких криков.

Когда III когорта приблизилась, тишина стала почти абсолютной. Солдаты Пепельного Клинка лучше горожан понимали, что означают укороченные ряды. Они знали, сколько должно быть в когорте, и видели, сколько вернулось.

Триста семьдесят три пары сапог одновременно пересекли ворота расположения.

Последняя команда прозвучала на главном плацу, и грохот стих одним ударом.

Хаузер медленно выдохнул. Несколько секунд он смотрел на знакомые стены, затем наклонился к Оберину и признался, что всю дорогу придумывал умную фразу для этого момента, но теперь забыл.

— И что осталось? — спросил Оберин.

Хаузер пожал плечами.

— Мы дома.

Этого оказалось достаточно.

И на несколько коротких минут Оберин позволил себе поверить, что Хаузер прав.

* * *

После официального приветствия строй удерживали ещё несколько минут. Командиры других когорт прошли перед знаменами III, легат XII Легиона принял доклад о возвращении, а писари уже начали собирать первые ведомости. Только когда церемониальная часть закончилась, Оберин вышел перед своими людьми в последний раз за этот день.

Триста семьдесят три человека смотрели на него. Некоторые едва держались на ногах.

Оберин распорядился оставить центурионов, отправить раненых в лазарет и проводить остальных на медицинский осмотр. Затем выдержал короткую паузу и сказал то, чего люди ждали сильнее любого приказа:

— Остальным — идите к своим.

Строй рассыпался, и только тогда III когорта окончательно перестала быть единым телом.

Люди побежали к ожидавшим родственникам и друзьям. Кто-то ещё пытался сохранять достоинство, кто-то бросал сумку прямо на камни. По плацу прокатились крики имён, смех и плач.

Лиан Верн успел сделать всего несколько шагов, когда к нему подлетела молодая женщина. Первое, что она сделала, — ударила его по лицу.

Хаузер остановился и с удовлетворением заметил, что предупреждал. Лиан даже не успел возмутиться: девушка тут же обхватила его за шею и прижалась так крепко, словно боялась, что если отпустит, он снова исчезнет. Между объятиями она успела обвинить его в двух письмах за три месяца и спросить, не отвалились ли у него руки.

Хаузер серьёзно назвал её прекрасной женщиной. Оберин запретил ему вмешиваться, а Эйдриан заявил, что лишь оценивает боевой дух.

Рядом происходили встречи другого рода. Пожилой легионер II когорты поймал за плечо одного из вернувшихся ветеранов и что-то спросил. Оберин не услышал имени. Не требовалось. По тому, как медленно человек III когорты покачал головой, всё стало понятно. Старик постоял несколько секунд, затем отпустил его и ушёл.

Хаузер перестал улыбаться.

— Сто двадцать человек, — тихо произнёс он. — У каждого кто-то ждал.

Оберин ничего не ответил.

На другом краю плаца раздался резкий металлический грохот: кто-то из оружейников уронил связку наконечников и инструменты на камень.

Ролло мгновенно развернулся. Меч вышел из ножен почти на треть.

Солдат застыл. Перед ним не было тварей, только испуганный молодой оружейник и рассыпавшееся железо.

Оберин оказался рядом раньше, чем сам успел об этом подумать.

— Ролло.

Легионер тяжело дышал и будто не слышал с первого раза.

Оберин не повышал голоса. Он дождался, пока взгляд Ролло остановится на нём, и только тогда приказал убрать меч. Солдат посмотрел на собственную руку так, словно не понимал, когда успел взяться за оружие, и медленно вернул клинок в ножны.

— Я думал... — начал он.

— Знаю. И знаю, что ты не хотел.

Несколько солдат уже смотрели в их сторону. Оберин повернулся к ближайшему десятнику и приказал отвести Ролло к Орену.

— Примус, я в порядке, — попытался возразить тот.

— Нет. Ты едва не вытащил меч из-за упавшего железа. Я не собираюсь тебя за это наказывать, но и делать вид, будто ничего не заметил, тоже не стану. Иди к Орену.

На этот раз Ролло не спорил.

Когда он ушёл, Хаузер подошёл ближе и негромко заметил, что одного лекаря им может не хватить. Оберин посмотрел на людей III когорты, которые только теперь позволяли себе перестать держать строй, и велел передать будущим командирам II то же правило, которое уже собирался ввести у себя: если кто-то из вернувшихся не спит, дёргается от шума или отказывается идти в тёмное помещение, никаких насмешек и дисциплинарных взысканий.

Хаузер кивнул.

— Уже думал об этом.

— Хорошо.

— Иногда и у меня бывают умные мысли.

— Не привыкай.

* * *

Штаб XII Легиона находился в старом каменном корпусе у северной стены расположения.

Легат ждал их в кабинете. Седые волосы, тяжёлые плечи, лицо человека, который прослужил достаточно долго, чтобы перестать повышать голос без необходимости. Он служил в Пепельном Клинке ещё под командованием отца Оберина и относился к младшему Эвергардену с той смесью требовательности и почти семейного раздражения, которую никто из них никогда не пытался назвать вслух.

Оберин и Хаузер остановились перед столом. Легат не предложил сесть.

— По походной ведомости в Драксильское болото вошли четыреста девяносто три человека III когорты. Сегодня в расположение вернулись триста семьдесят три. Гонец прибыл раньше вас. Донесение я уже прочёл. Теперь хочу услышать, что произошло между этими числами от вас.

Доклад занял почти час.

Оберин рассказывал без украшений: первые нападения, неизвестные существа, раненые, руины, заражение. Хаузер добавлял подробности только там, где видел происходящее с другой позиции.

Когда разговор дошёл до шестидесяти одного, легат долго молчал. Затем спросил, кто принял решение. Оберин ответил сразу — он. Кто исполнял — он, Хаузер и центурионы.

Командующий перевёл взгляд на Эйдриана.

— Вас вынудили участвовать?

Хаузер даже нахмурился.

— Нет.

— Вам был отдан отдельный приказ?

— Нет. Я сделал это сам.

Легат медленно откинулся в кресле и напомнил обоим, что на момент казни уверенность в неизлечимости этих людей оставалась предположением. Оберин не стал спорить: теоретически они могли ошибаться. На вопрос, считает ли он приказ правильным теперь, Примус ответил, что при тех сведениях, которые у него были тогда, — да.

Легат долго смотрел на него, после чего заметил, что отец Оберина отвечал точно так же, когда особенно сильно его раздражал. Хаузер едва заметно улыбнулся. Оберин — нет.

Дальше говорили о вернувшихся. Ни одного нового случая после выхода из болота, два дня наблюдения в Денериме, дорога до столицы, повторные осмотры.

— Можете гарантировать, что среди трёхсот семидесяти трёх нет заражённых? — спросил легат.

— Нет. Мы не понимаем болезнь достаточно хорошо, чтобы давать абсолютные гарантии. Но у всех известных заболевших симптомы начинались намного раньше. За время после последнего случая никто из здоровых не заболел.

Легат кивнул. III когорта оставалась в своём секторе расположения, выход в город — только после осмотра Орена и обычного разрешения. Не потому, что он считал солдат заражёнными, а потому, что к утру половина столицы будет рассказывать, будто Эвергарден привёл из болота пять сотен чудовищ.

Хаузер кашлянул и поправил:

— Триста семьдесят три.

— Если продолжите, к полудню будут говорить, что остальных сто двадцать съел сам Примус.

Хаузер оценил Оберина взглядом.

— Не похоже. Слишком худой.

— Эйдриан.

— Молчу, легат.

Оберин вспомнил ворота, легионеров рядом с городской стражей и пост на дороге к дворцовому холму.

— У столицы стало больше войск.

Легат посмотрел на него.

— Наконец заметили.

— У ворот регулярные части. В городе дополнительные посты. В расположении теснее, чем я помню.

— Потому вас и торопили.

Оберин помолчал.

— Мы опоздали?

— Нет.

Ответ прозвучал сразу.

Легат положил ладони на стол.

— И это одна из немногих хороших новостей. Когда Пепельный Клинок и другие надёжные части начали подходить к столице, желающих выяснить, насколько далеко готов зайти король, стало заметно меньше. Никто не выступил.

Хаузер нахмурился.

— Значит, закончилось?

— Если бы закончилось, эти части уже возвращались бы туда, откуда их сняли.

В кабинете ненадолго стало тихо.

Оберин посмотрел на легата.

— Значит, спешка была нужна.

— Была. — Старший командир выдержал его взгляд. — Драксильское болото от этого безопаснее не стало.

Оберин кивнул.

Разговор вернулся к руинам. Оберин рассказал о камне, символах и существе в доспехе, но оставил при себе одну вещь: ощущение, что тварь узнала его. Пока этого не понимал даже он.

Легат выслушал и сказал, что Эдрик захочет услышать всё лично. Хаузер довольно напомнил, что говорил именно это, после чего командующий просто указал ему на дверь.

Когда Эйдриан вышел, легат подождал несколько секунд и сообщил, что Орен прислал отдельную записку. Оберин понял сразу — речь о его ране, которая должна была оставить шрам, но исчезла за несколько дней.

— Он не знает почему, — сказал легат.

— Я тоже.

— Ваш отец очень любил этот ответ.

Оберин поднял глаза.

— При чём здесь отец?

Старший командир некоторое время смотрел на него, затем покачал головой.

— Ни при чём. Возможно. Пройдите у Орена повторный осмотр. И если что-то изменится — даже мелочь — я хочу знать.

Оберин кивнул и уже собирался уходить, когда легат остановил его. На мгновение с лица старого командира исчезла привычная жёсткость.

— Хорошо, что вы вернулись, Эвергарден.

Оберин ответил не сразу.

— Благодарю.

* * *

В лазарете Орен сначала занялся Хаузером.

Старая царапина на предплечье почти полностью затянулась. Обычная розовая полоса здоровой кожи, никакого жара, воспаления или онемения. Врач надавил пальцем на край рубца и спросил, больно ли. Хаузер ответил, что только когда в него тыкают.

— Значит, нормально, — заключил Орен.

Эйдриан торжественно повернулся к Оберину.

— Слышал? Официально нормальный.

Орен даже не поднял глаз.

— Рана нормальная. По поводу всего остального заключения не давал.

Когда Хаузера выгнали, врач переключился на Оберина. Осмотр продолжался значительно дольше. Кожа на месте царапины была почти совершенно чистой.

— Так не должно быть, — в очередной раз сказал Орен.

— Ты уже говорил.

— И буду говорить, пока происходящее не станет нормальным или пока я не пойму причину.

Он проверил глаза, пульс, температуру, заставил Оберина несколько раз сжать пальцы, а затем спросил о снах, слухе и запахах — не стало ли что-нибудь ярче, не слышит ли Примус того, чего не замечают остальные.

Оберин вспомнил Денерим и лошадь гонца, которую услышал раньше дозорного.

— Ничего, что я могу уверенно назвать симптомом.

Орен нахмурился.

— Мне не нравится слово «уверенно».

— Другого ответа нет.

Врач потребовал явиться сразу, если появится хоть что-то необычное: не через день, не после совещания и не после того, как Эвергарден лично проверит половину столицы. Оберин слишком легко согласился, и Орен тут же заподозрил неладное.

— Не привыкай, — ответил Примус.

Вечером Оберин впервые за долгое время остался один в собственной комнате.

Здесь почти ничего не изменилось. Те же карты на стене, старый сундук у кровати, несколько книг, которые он бросил перед походом, даже перо на столе лежало там, где его оставили недели назад. Только сам Оберин почему-то не вписывался в эту привычную комнату так легко, как прежде.

Тишина оказалась самой непривычной. За последние недели рядом постоянно находились люди: караульные сменяли друг друга, за тонкой стенкой палатки кто-нибудь ворочался во сне, Хаузер ругался, Орен требовал показать очередную рану. Теперь из-за окна доносилась только далёкая жизнь столицы — колёса поздней повозки, чей-то смех, звон закрывающейся лавки. Ничего опасного. Ничего, к чему следовало прислушиваться.

И всё же Оберин прислушивался.

Несколько раз ловил себя на ожидании плеска воды или шороха за окном, хотя прекрасно понимал, что до ближайшего болота отсюда многие мили. Ложась, он по старой привычке оставил меч так, чтобы рукоять находилась на расстоянии одного движения руки. Заметил это уже в постели, но переставлять оружие не стал.

* * *

Утро следующего дня началось для Оберина с барабанов.

Не тревога и не общий сбор. Ровный церемониальный бой разнёсся над расположением XII Легиона вскоре после восхода, когда первые лучи только начинали прогревать камень главного плаца. Звук был неторопливым и тяжёлым, предназначенным не для того, чтобы поднять солдат с постелей, а чтобы напомнить каждому находившемуся в казармах: сегодня в Пепельном Клинке происходит событие.

Оберин уже не спал. За короткое время после возвращения привычка просыпаться до рассвета никуда не исчезла. Он успел просмотреть часть донесений центурионов и снова вернулся к спискам погибших, когда в дверь постучал посыльный.

— Примус Эвергарден, через час состоится построение II когорты. Легат просил вас присутствовать при передаче командования.

Оберин поднял глаза от бумаг.

— Просил?

Молодой легионер на мгновение задумался, насколько буквально следует понимать вопрос старшего по званию.

— Именно так было сказано, Примус.

— Значит, приказал вежливо. Передай, что буду.

Когда дверь закрылась, Оберин ещё несколько секунд смотрел на лежавший перед ним список. За вчерашний вечер он прошёл меньше трети имён. Возле некоторых уже стояли пометки о родственниках, другие пока оставались лишь строками — имя, центурия, дата смерти.

Он перевернул лист лицевой стороной вниз.

Сегодня хотя бы один человек, прошедший вместе с ним Драксильское болото, должен был получить не очередное напоминание о погибших, а что-то хорошее.

* * *

Парадные доспехи Оберин не надевал с начала последней кампании.

Они ждали его в оружейной комнате такими же, какими он их оставил: тёмная сталь, тщательно отполированная до холодного блеска, серебряная окантовка пластин, тонкая гравировка вдоль наплечников и нагрудника. На груди — знак XII Легиона: клинок, проходящий через стилизованное пламя. Ни золота, ни излишних драгоценностей. Пепельный Клинок никогда не славился любовью к показной роскоши, но парадная броня должна была напоминать, что перед строем стоит не просто человек с мечом, а командир когорты одного из старейших легионов Арделона.

Поверх брони Оберин закрепил тёмно-красный плащ, собранный на правом плече тяжёлой серебряной фибулой. Его высокий продольный гребень был выполнен из почти чёрного конского волоса, а по бокам шли узкие серебряные полосы с выгравированным знаком III когорты. Подобные шлемы редко использовали в настоящем бою: слишком заметны, слишком

богато отделаны и слишком хорошо указывали противнику, кого следует убить первым. На церемонии именно в этом и заключался смысл.

Когда Оберин посмотрел на себя в металлическое зеркало, отражение показалось ему почти чужим. Ещё вчера на его доспехах оставались следы дороги и болота. Сегодня перед зеркалом стоял Примус III когорты XII Легиона Пепельного Клинка — молодой командир в полном церемониальном облачении, с длинными светлыми волосами, туго собранными назад, и почти чёрными глазами, резко выделявшимися на бледном лице.

Шрамы никуда не исчезли. Парадная броня просто заставляла их выглядеть старше.

Оберин надел шлем, взял меч и вышел.

Главный плац XII Легиона преобразился. По периметру были выставлены знамёна всех когорт, древки украшены лентами цветов Арделона и Пепельного Клинка. У штабного корпуса стояли трубачи в церемониальных плащах, рядом — барабанщики. На камне солнечными бликами вспыхивали нагрудники почётного караула.

II когорта занимала всю западную часть плаца — пять центурий, почти пять сотен человек. Они стояли плотными прямоугольниками, словно вырезанными одним движением. Парадные щиты были начищены до зеркального блеска, копья подняты под одинаковым углом, на шлемах командного состава колыхались плюмажи. У легионеров они были небольшими и тёмными, у центурионов — более высокими, с поперечными гребнями, позволявшими сразу находить командира даже в плотном строю.

Полный состав выглядел для Оберина почти непривычно. После нескольких недель среди поредевших рядов III когорты глаз сам искал пустые места и не находил. Так должна была выглядеть когорта — без сведённых между собой десятков, без случайно увеличенных интервалов, без людей, несущих щит погибшего товарища просто потому, что больше некому.

Оберин занял место среди командиров у восточного края плаца. На нём была та же парадная броня, что когда-то носил его отец на легионных церемониях, хотя часть пластин после смерти старшего Эвергардена переделали под нового владельца. Знак III когорты выделялся на нагруднике серебряным ободом, а чёрный плюмаж шлема делал Оберина ещё выше.

Рядом остановился Галан Меррел. Он тоже был в полном парадном облачении, хотя, судя по лицу, чувствовал себя в нём примерно так же удобно, как в цепях.

— Ненавижу эти шлемы, — негромко произнёс центурион, не меняя строевой стойки. — Если поверну голову слишком быстро, этим гребнем убью кого-нибудь из штаба.

Оберин едва заметно усмехнулся.

— Тогда хотя бы церемония запомнится.

— Вот за это я и ценю командование. Всегда найдёт практическое применение парадной форме.

Оберин перевёл взгляд на противоположную сторону площади и только тогда увидел Хаузера.

Сегодня его действительно было сложно узнать. Парадный доспех сидел на нём почти идеально: тёмные металлические пластины с бронзовой гравировкой по краям, широкий пояс, новый плащ глубокого красного цвета. На груди уже сиял знак II когорты, хотя формально Хаузер пока ещё не имел права носить его как Примус. Шлем он держал под мышкой. Его плюмаж был тёмно-бордовым, длиннее центурионских и заметно пышнее того, который носил Оберин.

Оберин несколько секунд рассматривал его, после чего совершенно серьёзно сказал Галану:

— Слишком большой.

Центурион проследил за его взглядом.

— Хаузер?

— Плюмаж.

— Возможно, компенсирует что-нибудь.

Оберин повернул к нему голову. Галан сохранял совершенно невозмутимое лицо.

— Я этого не слышал.

— Разумеется, Примус.

Хаузер, словно почувствовав, что обсуждают именно его, посмотрел в их сторону. Увидев выражение лица Оберина, сразу понял достаточно. Он медленно указал глазами на собственный плюмаж, затем беззвучно произнёс одними губами: «Ни слова».

Оберин лишь слегка поднял бровь. Жаль. Сказать хотелось многое.

Барабаны изменили ритм. На плац вышел легат XII Легиона, и разговоры исчезли мгновенно.

Командующий тоже был в полном церемониальном облачении. Его доспех отличался от когортных: поверх тёмной стали шли широкие серебряные пластины, а на шлеме вместо обычного продольного плюмажа стоял высокий поперечный гребень цвета тлеющего угля. За ним следовали два штабных писаря и знаменосец легиона с главным штандартом Пепельного Клинка.

Один из писарей нёс длинный футляр из чёрного дерева. Второй — свиток с красной королевской печатью Рейвенаров.

Хаузер выпрямился, и вот теперь Оберин заметил то, чего почти никогда не видел. Эйдриан волновался. Он видел его перед штурмами, когда вокруг свистели стрелы; видел раненым, пьяным, злым, смеющимся; видел в ту ночь, когда они вместе стояли перед шестьюдесятью одним заражённым легионером. Но никогда не видел, чтобы тот несколько раз подряд сжимал и разжимал пальцы правой руки, словно пытался избавиться от лишнего напряжения.

Оберин решил запомнить. Разумеется, исключительно ради будущего шантажа.

Легат остановился перед строем и громко объявил, что по воле Эдрика IV Рейвенара и в соответствии с представлением командования XII Легиона Хаузеру Эйдриану передаётся должность Примуса II когорты.

Писарь развернул свиток. Королевская канцелярия, как обычно, сумела превратить простое назначение в текст такой длины, будто Хаузеру одновременно передавали половину государства. Перечислялись кампании, годы службы, благодарности, ранения и участие в пограничных сражениях. На словах о «выдающейся рассудительности в условиях боевого соприкосновения» Хаузер едва заметно скривился, а Галан рядом с Оберином напряг губы, стараясь не улыбнуться.

Наконец писарь дошёл до заключительных строк: Хаузер Эйдриан назначался Примусом II когорты XII Легиона Пепельного Клинка с принятием всей полноты командования, ответственности за личный состав, имущество, боевую подготовку и исполнение приказов Короны. Указ вступал в силу с момента оглашения перед строем.

Над плацем остался только шелест знамён.

Легат вызвал Хаузера вперёд. Эйдриан надел шлем, высокий бордовый плюмаж качнулся при первом шаге, и Оберин с огромным трудом сохранил серьёзное лицо.

— Принимаете командование II когортой XII Легиона? — спросил легат.

— Принимаю.

— Понимаете ответственность, которую сегодня получаете вместе с этой должностью?

Оберин ожидал обычной шутки. Она не последовала.

Хаузер несколько мгновений посмотрел на строй за спиной легата и ответил, что пока только представляет ответственность. По-настоящему поймёт её тогда, когда первый его приказ заставит этих людей чем-то заплатить. До этого утверждать, что он уже всё понимает, было бы слишком самоуверенно.

Легат задержал на нём взгляд.

— Неожиданно разумный ответ.

— Я тоже немного удивлён.

В нескольких рядах едва слышно усмехнулись. Даже легат позволил уголку губ дрогнуть.

Писарь открыл деревянный футляр. На тёмной ткани лежал знак Примуса II когорты — тяжёлая серебряная застёжка с выгравированным обозначением подразделения и маленьким символом Пепельного Клинка. В бою этот кусок металла был совершенно бесполезен, но иногда маленькая серебряная пластина весила больше меча.

Легат закрепил знак на плаще Хаузера.

— С этого момента II когорта ваша, Примус Эйдриан.

Хаузер положил кулак на грудь.

— Благодарю, легат.

Трубачи подняли инструменты. Короткий сигнал прокатился над плацем, барабаны ответили. Знаменосцы II когорты одновременно наклонили штандарты перед новым командиром и снова подняли их вертикально.

Хаузер повернулся. Перед ним стояли почти пять сотен человек — теперь уже его людей.

Именно в этот момент изменилось выражение его лица. Не исчезла привычная насмешливость и не появилось показное величие. Просто Хаузер перестал выглядеть человеком, которому сегодня вручили новую должность. Он стал командиром.

Несколько секунд он молча шёл вдоль первых рядов, осматривая центурионов, знамёна, доспехи и оружие. Потом остановился перед центром строя.

— Мне сообщили, что II когорта считается одной из лучших в XII Легионе. По словам штаба, у вас превосходная дисциплина, прекрасная подготовка и практически нет серьёзных недостатков.

Несколько центурионов явно напряглись.

— За годы службы я научился двум вещам: не верить противнику и особенно не верить штабным отчётам. Поэтому всё перечисленное я собираюсь проверить лично.

По строю прошёл сдержанный смех. Хаузер продолжил спокойнее, не превращая речь в набор эффектных фраз. Если отчёты говорят правду — замечательно, его задача не позволить когорте стать хуже; если лгут — работы будет больше. Одну и ту же ошибку он исправлять дважды не любит: первый раз объяснит, второй спросит причину, третьего лучше не допускать.

Затем голос стал серьёзнее. Он не обещал лёгкой службы, хороших дорог, своевременного снабжения или врага, который будет вести себя как в учебниках. От людей он потребует дисциплины, выучки и способности оставаться солдатами, когда они устали, голодны или не согласны с приказом. От центурионов — ещё большего. Плохая подготовка солдата сначала станет вопросом к его командиру, пустой склад — к тому, кто обязан был его наполнить.

Хаузер выдержал паузу и сказал главное:

— Я никогда не отправлю II когорту туда, куда сам не готов идти вместе с ней. Это не значит, что все наши приказы будут умными и что все всегда вернутся домой. Но если однажды вам придётся войти в место, откуда могут выйти не все, вы будете знать: ваш Примус не останется ждать в безопасном лагере.

Над строем стало тихо. Название Драксильского болота не прозвучало. Оно и не требовалось.

Потом Хаузер снова вернул в голос привычную сухость и сообщил, что через два часа хочет видеть всех центурионов, начальника снабжения и заведующего оружейными мастерскими. Если последний скажет, что слишком занят, его следует принести вместе со стулом.

На этот раз засмеялась почти вся когорта.

Легат разрешил принять строй. Хаузер развернулся, и первый приказ своей когорте отдал уже без малейшей неуверенности:

— II когорта, к знамени — смирно!

Пять сотен сапог одновременно ударили по камню. Единый грохот прокатился между казармами, заглушив даже последние звуки барабанов.

Оберин почувствовал неожиданную гордость — не за королевский указ и не за серебряный знак на плаще, а за то, насколько естественно Хаузер оказался там, где, похоже, должен был оказаться много лет назад.

* * *

Официальная церемония завершилась далеко не сразу. После построения новый Примус должен был принять знамёна подразделения, ознакомиться с дежурными распоряжениями, подписать книги имущества, выслушать штабного писаря и подтвердить распределение караулов. Торжественная музыка смолкла, приглашённые командиры начали расходиться, а Хаузер всё ещё стоял возле штабного стола, постепенно обрастая свитками.

Оберин наблюдал за этим с гораздо большим удовольствием, чем следовало другу.

Когда последний писарь наконец отошёл, Хаузер направился к нему, прижимая к боку стопку документов. Парадный шлем теперь находился под мышкой, плюмаж несколько растрепался, а выражение лица нового Примуса ясно показывало, что первая иллюзия о командовании уже была уничтожена.

— Двадцать три, — сообщил он.

— Что двадцать три?

— Документа. Я подписал двадцать три документа ради права командовать людьми, которые десять лет слушали мои приказы и без этой бумаги. Здесь оружие, имущество, лошади, фураж, жалование, больные, караулы и почему-то три страницы о крыше третьего склада. Я начинаю подозревать, что именно крыша на самом деле командует II когортой.

Оберин посмотрел на бумаги и заметил, что если крыша рухнет на людей, ответственность будет Хаузера, поэтому формально штаб прав.

Эйдриан долго изучал его лицо.

— Ты знал.

— Конечно.

— И ничего не сказал.

— Некоторые знания человек должен получать сам. Иначе они не формируют характер.

Хаузер тяжело вздохнул и признал, что в Драксильском болоте временами было проще. Оберин напомнил, как вчера тот превозносил цивилизацию, на что новый Примус ответил, что ещё не знал: цивилизация состоит из бумаг. Возможно, болотные твари просто уничтожили свои архивы и поэтому выглядели такими свободными.

Несколько минут они шли вдоль плаца, обсуждая церемонию. Хаузер привычно жаловался на чрезмерную пышность собственного плюмажа, хотя Оберин подозревал, что втайне тот им чрезвычайно доволен. Сам же новый Примус уверял, что мастер оружейной специально сделал его выше, чтобы компенсировать недостаток уважения со стороны друзей.

Когда шутки закончились, Оберин всё-таки сказал то, ради чего ждал его после церемонии:

— Хорошо выступил.

Хаузер остановился так резко, будто услышал сигнал тревоги, и потребовал повторить. Оберин отказался. Эйдриан заявил, что намерен сохранить исторический момент, когда Оберин Эвергарден добровольно признал, что другой человек сделал что-то хорошо. Примус III уточнил, что похвалил только речь, а не качество будущего командования, и Хаузер облегчённо сообщил, что теперь узнаёт старого друга.

Они снова двинулись. Через несколько шагов Оберин как бы между прочим напомнил, что правая рука Хаузера перед началом церемонии дрожала. Новый Примус немедленно сослался на старую рану, потом на тяжёлый шлем и в конце концов попытался доказать, что

движение пальцев вообще является обязательной частью церемониального устава. Аргументы закончились только тогда, когда Оберин напомнил: Орен официально признал руку здоровой.

— Предатель, — заключил Хаузер. — Никогда больше не позволю врачу осматривать себя в присутствии друзей.

— Я не присутствовал при осмотре.

— Тем хуже. Значит, вы обсуждали меня за спиной.

— Всей когортой.

Хаузер рассмеялся и наконец признался, что действительно волновался. Перед боем, объяснил он, проще: впереди противник, который хочет тебя убить, и задача понятна. А здесь на тебя смотрят пять сотен человек и пытаются решить, не назначили ли им идиота; если ошиблись, жить с последствиями придётся долго.

Оберин посмотрел вслед одной из уходивших центурий.

— Они тебе понравились.

Хаузер не стал отвечать шуткой. Его взгляд снова ушёл к собственным людям. За два часа он успел заметить слишком многое: пятая центурия плохо держала интервалы, в третьей ему не понравилось, насколько часто центурион оглядывался на нового командира вместо своих солдат, почти пятьдесят щитов находились в ремонте больше месяца.

— Ты командуешь ими несколько часов, — заметил Оберин, — а уже составил список того, что собираешься переделать.

Хаузер пожал плечами.

— Они теперь мои. Лучше узнать проблемы раньше, чем они узнают нас в бою.

Фраза прозвучала совершенно буднично. Наверное, поэтому Оберин её и запомнил.

Ещё вчера Хаузер ехал рядом с ним во главе поредевшей III когорты и спорил о том, где в столице подают лучшее мясо. Сегодня у него было почти пять сотен собственных солдат, собственные знамёна, собственные центурионы и тысячи мелочей, за которые отныне отвечал именно он.

Впервые с момента выхода из Драксильского болота будущее выглядело не только как перечень проблем, которые необходимо пережить.

Оберин задержал взгляд на друге и попросил хотя бы не убить людей в первую неделю. Хаузер оскорблённо напомнил, что только что публично пообещал им обратное. Оберин уточнил, что обещание идти рядом формально не исключает катастрофы.

— Тогда погибнем организованно, — постановил Хаузер. — Уже преимущество.

Оберин покачал головой, но спорить дальше не стал. Хаузер действительно был счастлив. Он просто пока ещё не умел стоять на месте достаточно долго, чтобы это признать.

* * *

На третий день после назначения Хаузер успел поссориться с начальником снабжения, двумя оружейными мастерами и одним из собственных центурионов.

Оберин узнал об этом ещё до завтрака.

Весть принёс Галан Меррел, появившийся у дверей штаба III когорты с выражением человека, который искренне старался не получать удовольствия от чужих неприятностей и пока проигрывал.

— Наш новый Примус начал осваиваться. Утром потребовал показать сорок семь щитов, которые числятся в ремонте. Выяснилось, что двадцать один давно готов, одиннадцать вообще никто не может найти, а остальные существуют преимущественно в отчётах.

Оберин медленно отложил перо.

— И что сделал Хаузер?

— Пока ничего страшного. Заставил начальника снабжения лично искать каждый щит и сообщил, что до окончания поисков тот будет обедать в оружейной. Потом выяснил, что у

пятой центурии не хватает ремней для походных ранцев, хотя по ведомости их выдали ещё два месяца назад.

— Тогда странно, что начальник снабжения всё ещё жив.

Галан усмехнулся и предложил посмотреть, сколько это продлится. Оберин задумался лишь на мгновение. Последние двое суток он почти не покидал помещения III когорты: списки погибших, распределение пополнения, повторные осмотры у Орена, донесения в штаб и десятки мелких вопросов, которые ждали командира после долгого отсутствия. Возможность ненадолго посмотреть на чужие проблемы неожиданно показалась привлекательной.

II когорта занимала несколько казарменных корпусов на северной стороне расположения XII Легиона. Когда Оберин вышел на её внутренний плац, первые признаки перемен уже бросались в глаза. У оружейной лежали разобранные щиты, рядом стояли три длинных стола с разложенными ремнями, застёжками и металлическими накладками. Десяток легионеров таскал ящики из склада, а возле стены какой-то крайне несчастный писарь сверял содержимое каждого с огромной книгой.

Хаузер стоял посреди всего этого в обычной служебной броне и разговаривал с широкоплечим мужчиной лет пятидесяти. Судя по дорогому поясу и лицу, приобретшему оттенок человека, которого уже час заставляют объяснять очевидное, это и был начальник снабжения.

— Я не спрашиваю, почему щиты не были выданы, — спокойно говорил Хаузер. — Эту часть мы уже выяснили. Теперь меня интересует другое: как двадцать один исправный щит в течение месяца числился в ремонте.

Начальник снабжения объяснил, что мастерская вернула их без отметки в журнале, необходимость отпала, запись осталась. Хаузер терпеливо выслушал и поинтересовался, почему тогда одиннадцати щитов вообще нет. Тот ответил, что разбираются.

— Они большие, круглые и весят столько, что случайно унести один домой довольно трудно, — заметил Хаузер. — Одиннадцать — ещё труднее.

Когда мужчина попытался сослаться на старый порядок и годовую инвентаризацию, новый Примус перестал улыбаться. С сегодняшнего дня его не интересовало, как было раньше: если в книге написано тысяча копий — он хочет иметь тысячу, а не девятьсот восемьдесят и двадцать убедительных объяснений. Если щит сломан — он в мастерской, если исправен — у солдата, если исчез — командир узнаёт об этом до того, как начинает искать сам.

Начальник снабжения понял, что спор закончен, и ушёл выяснять судьбу оставшихся щитов.

Хаузер только тогда заметил Оберина и Галана.

— Давно стоите?

— Достаточно, — ответил Оберин.

— И, конечно, пришли помочь.

— Разумеется. Поддерживаем морально.

Хаузер посмотрел на Галана.

— А ты?

Центурион ответил совершенно серьёзно:

— Я привёл Примуса Эвергардена поддержать вас морально.

— Великолепно. Вокруг одни профессионалы.

Оберин осмотрел разобранный склад и заметил, что не прошло и трёх дней, а Хаузер уже уничтожил привычный уклад II когорты. Новый Примус показал ему треснувший ремень: по документам пятьсот таких выдали весной, половина солдат пользовалась старыми, потому что новые оказались хуже. Никто не пожаловался, центурионы решили заменять их постепенно из запасов.

— Решение работает, — сказал Оберин.

— До первого длительного марша, когда у сотни людей одновременно начнут рваться ранцы. Я предпочитаю, чтобы неприятности случались здесь, а не в тридцати милях от обоза.

Оберин посмотрел на него внимательнее. За привычным раздражением Хаузера действительно скрывалось удовольствие. Он не терпел беспорядок, но ещё сильнее любил возможность этот беспорядок исправлять.

— Тебе нравится.

Хаузер усмехнулся.

— Дай им неделю. Пока ненавидит только снабжение.

— Очень скромное начало.

— Я не тороплюсь.

К полудню выяснилось, что Хаузер действительно не торопился. Он просто двигался последовательно.

На первом совещании центурионов потребовал от каждого назвать три сильнейшие стороны своей центурии и три слабейшие. Двое подготовились. Один заявил, что серьёзных недостатков не имеет. После двадцати минут вопросов об обучении, дисциплине и результатах последних учений «отсутствие недостатков» превратилось в довольно длинный список.

Особенно Хаузеру не понравился центурион третьей центурии — тот самый, который ещё на церемонии слишком часто смотрел на нового командира вместо собственного строя.

За ужином Эйдриан рассказал Оберину, что за полгода третья центурия сменила четырёх десятников. Один был переведён, двое сами попросились в другие подразделения, четвёртого сняли за драку с собственным центурионом. Сам командир называл это «требовательным стилем руководства».

Оберин спросил, собирается ли Хаузер его снимать.

— Пока нет. Он хороший полевой командир. В прошлой кампании вывел центурию из окружения почти без потерь, и люди в бою ему доверяют. Но в казармах давит их так, будто каждый день ждёт мятежа. Сначала поговорю. Потом посмотрю.

Оберин едва заметно улыбнулся.

Хаузер насторожился.

— Что?

— Ничего. Просто три дня назад ты собирался перетряхнуть половину когорты.

— Я и собираюсь. Но перетряхнуть и выбросить — разные вещи.

— Разумно.

— Не начинай. Ты уже второй раз за три дня называешь меня разумным. Мне становится тревожно.

Оберин вернулся к еде.

— Не привыкай. Это временно.

Некоторое время они ели молча. За соседними столами шумели другие командиры, спорили о приграничных донесениях и последних слухах из дворца. Впервые после возвращения разговор вокруг них не касался Драксильского болота, и это было приятно.

Когда ужин подходил к концу, Хаузер спросил о III когорте. Оберин ответил, что физически люди восстанавливаются: Орен отпустил ещё пятнадцать человек от ежедневного осмотра. Хаузер уточнил, что спрашивал не о ранах.

Здесь ответ был сложнее.

После возвращения в расположение легиона III когорта постепенно показывала то, что невозможно было увидеть в походном строю. Ролло оказался не единственным, кто плохо спал. Несколько человек просыпались от любого резкого звука. Один легионер второй центурии отказался спускаться в подвальный склад, потому что там пахло сыростью. Другой едва не ударил товарища, который ночью коснулся его плеча.

Орен называл это последствиями пережитого и старательно делал вид, что знает, как с ними обращаться. На самом деле сам признался Оберину: лечить тело он умеет значительно лучше, чем память.

Примус рассказал Хаузеру, что центурионам запрещено давить на людей. Тех, кто не спит, пока снимают с ночных караулов; тех, кто реагирует на шум, не ставят на склады и в тесные помещения. Орен разговаривает с теми, кто совсем плохо держится.

— Они не должны думать, что их считают слабыми, — заметил Хаузер.

— Именно поэтому я запретил любые взыскания за подобные вещи.

— Хорошо.

Оберин посмотрел на него.

— Это была похвала?

— Нет. Просто фиксирую редкий случай, когда ты самостоятельно пришёл к правильному решению.

— Теперь всё нормально.

— Я знал, что тебя отпустит.

* * *

На четвёртый день Хаузер вывел II когорту на учебный плац.

Пятая центурия как раз перестраивалась из походной колонны в плотный оборонительный порядок и делала это плохо. Не катастрофически — для обычной части, возможно, даже приемлемо. Но XII Легион не был обычной частью, а Хаузер, судя по лицу, тоже не собирался ничего принимать.

Он стоял на небольшом возвышении рядом с центурионом пятой и молча наблюдал. Передние ряды начали перестроение правильно, затем один из задних замешкался, образовался разрыв, и строй пришлось выравнивать уже на ходу.

Хаузер поднял руку и остановил манёвр. Спустившись к людям, он объяснил, что проблема не в скорости: первые начинают движение раньше, чем задние получают команду. В настоящем бою, добавил он, три потерянных шага превращаются в место, куда противник очень вежливо вставляет копьё. Команду следует передавать через десятников, а не пытаться заменить управление громкостью.

Следующая попытка прошла лучше. Третья — ещё лучше. На четвёртой Хаузер заставил соседнюю центурию изображать противника, а потом сам встал в один из центральных рядов и начал давать указания изнутри строя.

Оберин наблюдал почти час. Хаузер не кричал без необходимости, не унижал тех, кто ошибался, но и не позволял закончить упражнение только потому, что солнце поднялось выше и люди устали. Если манёвр не получался, разбирал причину, менял порядок команд и заставлял повторить.

Когда пятая центурия наконец выполнила перестроение чисто, Хаузер сообщил, что на сегодня достаточно, а завтра они проверят, насколько хорошо память переживает ночь.

Лишь после роспуска он заметил Оберина у края плаца.

— Шпионишь?

— Проверяю, не угробил ли ты их в первую неделю.

— Разочарован?

— Пока да.

Хаузер сделал несколько глотков из фляги и признал, что пятая хорошая, просто избалована спокойной службой. Раньше они привыкли, что есть время услышать команду дважды; в бою второго раза может не быть.

Некоторое время он смотрел на людей, собиравших учебные щиты, и признался, что ощущение странное. Раньше, увидев плохой манёвр чужой центурии, можно было подумать

«идиоты» и заниматься своими делами. Теперь смотришь и понимаешь: если они сделают то же в настоящем бою, хоронить придётся тебе.

Оберин посоветовал привыкать.

— Очень поддержал.

— Ты жаловался на отсутствие ответственности?

Хаузер усмехнулся, но почти сразу снова стал серьёзным.

— Нет. Наоборот. Пожалуй, именно этого мне и не хватало.

В следующие дни новая должность начала съедать его целиком. Хаузер вставал раньше обычного, обходил караулы, появлялся в мастерских без предупреждения, проверял рацион, изучал старые журналы учений и постепенно запоминал имена людей, которых раньше знал только по центуриям. В столовой его стали видеть реже; если появлялся, приносил с собой бумаги, которые ещё неделю назад высмеял бы вместе с Оберином.

Однажды вечером Оберин нашёл его в кабинете II когорты за столом, заваленным схемами построений и ведомостями. Парадный знак Примуса лежал сбоку рядом с недоеденным куском хлеба.

— Ты очень быстро превратился в штабиста, — заметил Оберин, входя без стука.

Хаузер даже не поднял головы.

— Уходи. Если пришёл смеяться над бумагами, делай это молча. Я пытаюсь понять, почему у второй центурии лучшие результаты на учебных боях и худшие на маршах.

Оберин взглянул на записи и предположил возраст. Почти половина состава — ветераны: хорошо работают в строю, но хуже переносят быстрый темп на длинной дистанции. Хаузер проверил средний возраст и раздражённо обнаружил, что друг прав.

— Ненавижу тебя.

— За опыт?

— За лицо, с которым ты сейчас сидишь.

— Какое?

— «Я ничего не говорил, но был прав».

— Потому что я ничего не говорил и был прав.

Хаузер рассмеялся и наконец отложил бумаги.

Только теперь Оберин заметил, насколько тот устал. Под глазами появились тени, волосы были растрёпаны. Но в нём не было той усталости, с которой они вышли из Драксильского болота. Та опустошала. Эта, наоборот, словно наполняла смыслом каждый прожитый день.

Оберин спросил, видел ли его кто-нибудь вне служебных помещений за последние двое суток. Хаузер задумался и признал, что нет.

— Ты три недели рассказывал, что мечтаешь вернуться в столицу.

— Я вернулся.

— И сидишь в казарме.

— Потому что у меня теперь когорта.

— Я заметил.

Хаузер посмотрел через окно на тёмный плац, где ещё двигались фигуры дежурной смены.

— Знаешь, что хуже всего? Мне действительно нравится. Я думал, командование будет больше похоже на то, что мы делали в походах: карта, приказ, строй, бой. А оказывается, половина работы — следить, чтобы у какого-нибудь легионера были целые сапоги, а десятник не назначал своего племянника на лучший караул.

— И это тоже командование.

— Теперь знаю.

Оберин спросил, жалеет ли он о назначении.

Хаузер ответил не сразу.

— Нет. Даже близко.

За окном прозвучала команда караула. Эйдриан машинально повернул голову, убедился, что смена прошла правильно, и только после этого снова посмотрел на друга.

— Они уже мои. Если завтра легат прикажет II когорте идти на границу, мне придётся знать, кто выдержит марш, у кого разваливается щит, какой центурион хорошо действует под давлением и кто теряется, когда план меняется. Поэтому сейчас я могу либо сидеть в таверне и праздновать повышение, либо заниматься людьми, которых мне доверили.

Оберин несколько секунд молчал, затем заметил, что Хаузер стареет. Тот ответил, что предупреждал. Когда Оберин сказал, что скоро новый Примус начнёт говорить о долге, Эйдриан машинально отшутился: тогда его можно будет убить.

Шутка была совершенно обычной. Ещё месяц назад Оберин ничего бы в ней не услышал.

Теперь перед глазами на мгновение возник другой строй: шестьдесят один человек, Хаузер рядом, мечи, костёр. Улыбка исчезла сама собой.

Эйдриан заметил это почти сразу и тоже понял, куда ушла мысль.

— Неудачно сказал.

— Да. Просто не шути об этом какое-то время.

Хаузер кивнул.

На этом разговор закончился сам.

У III когорты всё происходило иначе. Здесь не было новых знамён, новой должности или пяти сотен людей, которых требовалось изучить с нуля. Оберин возвращал к жизни то, что уже знал слишком хорошо.

Орен постепенно снимал медицинское наблюдение с тех, у кого раны заживали нормально. Центурионы перераспределяли людей между поредевшими десятками. Начались лёгкие тренировки — сначала без тяжёлых доспехов, затем с оружием, но Оберин категорически запретил пытаться за несколько дней вернуть прежние нагрузки.

Некоторым ветеранам это не понравилось. Галан однажды привёл к нему троих, требовавших вернуть их в полный строй. У одного ещё плохо сгибалась левая рука, второй заметно хромал, а третий считал, что если способен поднять щит, значит полностью здоров. Оберин выслушал всех троих и предложил сначала победить Орена. Когда один осторожно уточнил, в споре ли, Примус ответил, что его устроит любой способ получить письменное подтверждение врача.

Через час все трое снова лежали в лазарете, а Орен пришёл выразить командиру благодарность словами, которые в приличном обществе благодарностью не считались.

Но физические раны оставались самой простой частью. С остальными Оберин учился работать почти на ходу. Он перестал требовать от людей немедленного возвращения к прежнему распорядку. Ночные караулы формировали из тех, кто сам соглашался. Легионеров, тяжело переносивших тесные или сырые помещения, временно освобождали от складских работ. Орен разговаривал с каждым, у кого начинались приступы паники или бессонницы, хотя сам врач ворчал, что половина лечения заключается в том, чтобы сидеть рядом и позволять здоровому взрослому мужчине наконец сказать, что ему страшно.

Оберин впервые понял, насколько трудно солдату произнести подобное перед другим солдатом. Поэтому на очередном собрании центурионов запретил любые насмешки над теми, кто обращается к Орену, и добавил, что первым нарушившим правило займётся лично. Галан позже заметил, что подобная формулировка несколько противоречит идее восстановления. Оберин ответил, что воспитательные методы Пепельного Клинка пока совершенствуются.

Через неделю после возвращения III когорта снова начала выглядеть как военная часть не только на построении. На утренних тренировках появился смех. Ролло уже не вздрагивал от каждого удара металла, хотя всё ещё плохо переносил неожиданный шум за спиной. Лиан

Верн несколько раз опоздал на вечернюю перекличку на такие ничтожные минуты, что Оберин предпочёл не выяснять, какое отношение к этому имеет встречавшая его девушка.

Жизнь возвращалась. Медленно, не всем одинаково, но возвращалась.

И именно в эти дни Оберин впервые позволил себе подумать, что худшее, возможно, действительно осталось за стенами Драксильского болота.

* * *

Вытащить Хаузера из расположения II когорты оказалось значительно труднее, чем Оберин ожидал.

На шестой день после назначения новый Примус всё ещё сидел в своём кабинете далеко после вечерней переклички. Перед ним лежали схемы караулов, результаты учебных построений и несколько ведомостей, в которые Хаузер смотрел с такой ненавистью, словно именно они много лет удерживали Аэр'Вар от капитуляции.

Оберин остановился в дверях и некоторое время наблюдал за другом.

— Собирайся. Мы идём в город.

Хаузер продолжил читать, но через несколько секунд всё-таки поднял голову.

— Повтори.

— Ты прекрасно слышал.

— Я хочу убедиться. Оберин Эвергарден добровольно пришёл ко мне и предложил провести вечер в столице вместо того, чтобы сидеть над списками, строить людей или подозревать мебель в государственной измене?

— Если не встанешь сейчас, предложение будет отозвано.

Хаузер немедленно закрыл ведомость.

— Вот теперь верю.

Оберин усмехнулся и сообщил, что Кассиан Рейд будет в «Золотом грифоне», как и Кейр с несколькими старыми знакомыми. Прежде чем их снова отправят куда-нибудь умирать, можно хотя бы один вечер потратить разумно.

— Пить? — уточнил Хаузер.

— Именно.

Эйдриан поднялся и с неожиданной подозрительностью напомнил, что завтра у Оберина аудиенция у Эдрика.

— Завтра, — подтвердил тот. — А сегодня я не у короля.

Хаузер несколько мгновений смотрел ему вслед, затем быстро схватил плащ.

— Начинает нравиться новый Оберин.

* * *

«Золотой грифон» находился в старом аристократическом квартале, достаточно близко к дворцовому холму, чтобы здесь появлялись служащие Королевской канцелярии, но достаточно далеко, чтобы они могли делать вид, будто дворец ничего не знает об их вечерних занятиях.

Обычной таверной заведение не было. Три этажа старого каменного дома занимали большой зал с музыкантами, игорные комнаты, закрытые кабинеты и несколько помещений наверху, о назначении которых приличное столичное общество предпочитало говорить исключительно после третьего бокала. Вино здесь стоило столько, сколько легионер получал за несколько недель службы, а хозяин мог позволить себе отказать гостю с деньгами, если у того не было имени или связей.

Оружие при входе не сдавали. Считалось неприличным просить командира Короны или представителя древнего дома расстаться с мечом. За последние сто лет это правило неоднократно доказывало свою сомнительность. Менять его всё равно не собирались.

Когда Оберин с Хаузером появились в главном зале, за дальними столами уже играли в кости, музыканты исполняли что-то быстрое и совершенно неподходящее для серьёзных разговоров, а воздух пах вином, жареным мясом, дымом и дорогими духами.

Политика присутствовала здесь так же естественно, как алкоголь. За соседним столом двое дворян спорили о стянутых к столице войсках. Один утверждал, что Эдрик сделал ровно то, что обязан был сделать король: поставил рядом верные части прежде, чем несколько домов решились проверить угрозы на деле. Второй отвечал, что если спокойствие приходится поддерживать легионными мечами, называть его согласием слишком удобно. Чуть дальше кто-то заметил, что открытого выступления всё-таки не случилось. Собеседник сухо возразил: пока.

Оберин не задержался на разговоре. После того что он уже увидел у ворот и услышал от легата, ничего нового там не было. Сегодня он пришёл сюда не ради политики.

Хаузер остановился почти у самого входа и глубоко вдохнул.

— Вот теперь я окончательно понимаю, ради чего мы пережили Драксильское болото.

— Ради вина?

— Ради цивилизации. Вино — одно из её величайших достижений.

— Ещё неделю назад величайшим достижением цивилизации была горячая вода.

— Человек развивается, Оберин. Тебе стоит попробовать.

Их заметили почти сразу.

Рейд, Примус IV когорты XII Легиона, поднялся из-за большого стола. Высокий, темноволосый, с узким старым шрамом через левую бровь, он командовал своей когортой уже шестой год и потому относился к новому назначению Хаузера с той снисходительностью, которую могут позволить себе только хорошие друзья.

Он обнял Хаузера, потом пожал руку Оберину.

— Я хотел посмотреть собственными глазами. Говорят, Эйдриана действительно сделали Примусом.

— Завидуешь, — заявил Хаузер.

— Нет. Сочувствую II когорте.

— Они уже счастливы.

— Они ещё не поняли, что произошло.

Рейд перевёл взгляд на Оберина и стал серьёзнее.

— А тебе без шуток рад. Хорошо, что вернулся.

— Я тоже рад вернуться.

— Тогда сегодня про Драксильское болото не говорим. Ты здесь отдыхаешь. Это приказ старшего по возрасту.

— Ты старше меня на десять лет, а не на сорок.

— Мне достаточно.

Хаузер положил ладонь Оберину на плечо.

— Не спорь. Нас двое.

За столом их ждали ещё несколько знакомых. Лоран Кейр из Королевской канцелярии приветствовал обоих поднятым бокалом. Рядом сидела леди Элиана Морвейн — молодая представительница одного из старых домов Арделона, известная способностью одинаково невозмутимо разговаривать с легатами, министрами и теми, кого через неделю собирались обвинить в государственной измене.

Элиана окинула Оберина внимательным взглядом и сообщила, что слухи, похоже, преувеличивают: ей говорили, будто после возвращения он стал ещё мрачнее, но она считала это физически невозможным.

Хаузер немедленно заявил, что наконец встретил человека, который его понимает.

Оберин подозвал слугу.

— Принесите мне то же, что пьёт она.

Элиана посмотрела на свой бокал.

— Вы даже не спросите, что это?

— Сегодня нет.

Хаузер повернулся к Рейду с выражением искренней тревоги.

— Ты тоже это слышал?

— Да.

— Нужно было всё-таки привести Орена.

Оберин спокойно снял перчатки и предупредил, что если они продолжат обсуждать его так, будто его здесь нет, первым развлечением вечера станет убийство Примуса IV когорты.

Рейд улыбнулся.

— Вот теперь всё нормально. Я уже переживал.

Первый бокал почти ничего не изменил. После второго Оберин перестал автоматически замечать каждого входящего. После третьего решил, что это хорошее достижение.

Хаузер заметил раньше него.

— Ты пьёшь быстрее меня.

Оберин откинулся на спинку кресла.

— И?

— Ничего. Просто хочу запомнить этот день. Возможно, завтра ты будешь отрицать, что он существовал.

— Завтра — проблема завтрашнего Оберина.

За столом неожиданно стало тихо. Рейд первым повернулся к Хаузеру и спросил, действительно ли они только что это услышали. Эйдриан медленно кивнул, а Элиана скрыла улыбку за бокалом.

К четвёртому бокалу Оберин смеялся над историей о том, как Хаузер много лет назад пытался доказать гарнизонной страже, что упавшая в городской фонтан статуя никакого отношения к нему не имеет. Рейд утверждал, что видел всё собственными глазами. Хаузер обвинял его во лжи, Элиана требовала подробностей, а Кейр запоминал их с профессиональной тщательностью человека, который однажды мог превратить чужой позор в полезный дипломатический инструмент.

Оберин уже ощутимо опьянел, когда заметил мужчину за соседним столом. Фамилию подсказала Элиана — Кайрен Вестар, старший сын лорда Вестара.

Память вытащила другую строку почти сразу.

Эллар Вестар. Четвёртая центурия. Второй десяток.

Один из шестидесяти одного.

Хаузер, услышав имя, перестал улыбаться. Рейд предложил сменить заведение, потому что Вестар последний час смотрел в их сторону. Оберин искренне удивился: пусть смотрит, глаза ему никто не запрещал.

— Ты точно уже пьян, — заметил Хаузер.

— Ты говорил это час назад.

— Тогда я подозревал. Теперь уверен.

Проблема началась через несколько минут.

Кайрен Вестар поднялся со своего места с наполненным бокалом и достаточно громко предложил выпить за нового Примуса II когорты — пусть Хаузеру Эйдриану удастся возвращать домой больше солдат, чем некоторым другим командирам Пепельного Клинка.

Разговоры возле двух ближайших столов стихли.

Хаузер медленно поставил бокал. Оберин же, напротив, улыбнулся.

Эйдриан узнал эту улыбку и тихо попросил друга даже не думать. Оберин ответил, что ничего не делает. Хаузер возразил: именно так тот улыбался перед дракой с шестью моряками в Норрене.

Рейд удивился количеству. Хаузер пообещал рассказать потом.

Оберин посмотрел на Кайрена и повысил голос:

— Хороший тост. Только из-за соседнего стола плохо слышно. Подойди ближе, Вестар. После болота у меня со слухом не очень.

Элиана медленно поставила бокал.

— Всё. Теперь поздно.

Кайрен подошёл. Вблизи стало видно, что он тоже пил, хотя значительно меньше Оберина.

— Не думал, что вам захочется разговаривать со мной.

Оберин лениво посмотрел на него снизу вверх.

— Ты последний час прожигаешь мне затылок. Мне стало интересно, хватит ли тебе смелости открыть рот или собираешься и дальше воевать глазами.

Кайрен побледнел.

— Я хотел поговорить о брате.

— Вот видишь. Можешь, когда стараешься.

Хаузер тихо произнёс имя Оберина, но тот даже не повернулся.

— Я слышу тебя, мама.

Рейд закрыл глаза.

Кайрен поставил бокал на стол.

— Эллар служил под вашим командованием.

Пьяное веселье в лице Оберина немного отступило.

— Я знаю. Эллар Вестар. Двадцать семь лет. Четвёртая центурия, второй десяток.

Кайрен явно не ожидал услышать это настолько быстро.

— Значит, запомнили.

— Я помню всех.

— Всех, кого приказали убить?

За столом окончательно стало тихо.

Оберин медленно поднял бокал, сделал глоток и поставил его обратно.

— Если собираешься говорить со мной, говори прямо. Я слишком пьян для красивых намёков.

Кайрен выдержал его взгляд и сказал прямо: его брат вышел из Драксильского болота живым, мог идти и разговаривать, был в двух днях от Денерима. Потом Оберин решил, что Эллар опасен, и приказал его убить.

— Да, — ответил Эвергарден.

Прямота выбила Кайрена сильнее отрицания.

— И всё?

Оберин нахмурился.

— А чего ты ждёшь? Что я начну отрицать собственный приказ?

Кайрен хотел знать почему. Оберин ответил: потому что Эллар был заражён. Когда Вестар возразил, что брат всё ещё оставался жив и потому мог выжить, улыбка Оберина исчезла.

Он отставил бокал и поднялся. Алкоголь сделал движение чуть медленнее привычного, но стоял он твёрдо.

— Нет. Вот это как раз та ложь, которую ты рассказываешь себе, потому что она приятнее правды.

Кайрен шагнул ближе, заявляя, что Эвергарден не может знать этого. Оберин зло усмехнулся. Он видел Эллара после заражения, видел, как перестала двигаться левая рука, слышал рассказы о голосах в лесу и наблюдал других с теми же симптомами. Не нужно приходить к нему с удобной сказкой о том, что Эллар мог вернуться домой и ещё через неделю пить с братом за одним столом. Оберин хотел бы, чтобы это было правдой не меньше Кайрена, но это не было правдой.

— И поэтому вы его убили.

— Да.

— Шестьдесят одного своего солдата.

— Да.

— И после этого спокойно сидите здесь и пьёте.

Оберин посмотрел на бокал, затем на Кайрена, взял его и демонстративно отпил.

— Как видишь.

Элиана тихо предложила остановиться. Оберин поставил бокал и раздражённо ответил, что ему уже несколько недель говорят, когда хватит.

Кайрен спросил, считает ли он себя героем.

Оберин рассмеялся.

— Герои обычно вовремя умирают и избавляют остальных от необходимости разбираться в их решениях. Мне так не повезло.

— Вы высокомерный ублюдок.

— Сегодня говорили и хуже.

— Думаете, фамилия Эвергарден позволяет вам всё?

Оберин улыбнулся уже откровенно высокомерно.

— Нет. Обычно мне хватает звания.

Хаузер прикрыл лицо рукой и сообщил Рейду, что официально перестаёт пытаться остановить друга. Когда Кайрен спросил, смотрел ли Оберин Эллару в глаза, алкоголь словно на мгновение отступил.

— Да.

— Когда убивали?

— Да.

— Что он сказал?

Перед глазами Оберина всплыло лицо. Не заражённый, не номер в списке — легионер с тёмными волосами, серым от лихорадки лицом и рукой, которую уже почти не чувствовал.

— Попросил не говорить матери, как умер. А отцу велел вернуть легионный знак. Он у меня. Я собирался отправить его вместе с официальным письмом.

Кайрен замер. Несколько мгновений казалось, что всё закончится именно здесь.

Но Оберин был слишком пьян, слишком зол и слишком устал от чужих попыток объяснить ему, что следовало сделать в месте, где никто из этих людей не был.

— Так что если ты пришёл проверить, помню ли я брата, которого убил, — помню. Если пришёл заставить меня извиниться за то, что я не привёл заражённого Эллара к воротам Денерима, а потом дальше в Арделон, — зря потратил вечер.

Кайрен ударил его.

Кулак пришёлся в губу. Оберин немного качнулся, упёрся ладонью в стол и медленно выпрямился. Зал словно замер.

Он провёл большим пальцем по губе, посмотрел на кровь и рассмеялся.

Хаузер тихо выругался.

— О нет.

Рейд не понял.

— Что?

— Теперь он счастлив.

Кайрен явно ожидал чего угодно, кроме этого. Оберин снял перстень с правой руки, аккуратно положил возле бокала и посмотрел на Вестара.

— Вот теперь разговор мне нравится значительно больше.

Он ударил.

Следующие несколько минут «Золотой грифон» перестал быть заведением для уважаемых представителей столичного общества.

Кайрен отлетел на соседний стол, но поднялся почти сразу. Один из его друзей бросился вперёд, Хаузер перехватил его и, судя по довольному выражению лица, окончательно решил, что моральная поддержка Оберину больше не требуется. Рейд ещё несколько секунд пытался призвать всех к разуму, пока чей-то кулак не попал ему в скулу. После этого разум закончился и у Примуса IV когорты.

Оберин дрался с удовольствием — не красиво, не как на тренировке, не как командир элитного подразделения. Просто бил людей. Получил кулаком в живот, рассмеялся, ответил. Кто-то попытался схватить его сзади — Оберин перекинул человека через бедро прямо на стол, и дерево жалобно треснуло.

Хаузер, сцепившийся с двумя людьми одновременно, успел крикнуть, что вообще-то они собирались провести спокойный вечер. Оберин увернулся от очередного удара и сообщил, что передумал. Эйдриан возмутился, что можно было предупредить. Оберин резонно ответил: тогда Хаузер бы не пошёл.

Рейд швырнул кого-то на диван и заорал, что они оба идиоты. Эйдриан напомнил, что сам Рейд тоже дерётся. Тот заявил, что его ударили первым.

Леди Элиана Морвейн оставалась за столом настолько долго, насколько это было физически возможно. Когда мимо неё пролетел стул, она спокойно перенесла бокал на соседний стол. Лоран Кейр последовал за бокалом и поинтересовался, не следует ли вмешаться. Элиана посмотрела на троих Примусов XII Легиона и спросила, каким именно образом он себе это представляет. Чиновник признал замечание справедливым.

Всё ещё могло закончиться синяками, разбитыми губами и дорогим счётом за мебель.

Пока из ножен не вышел меч.

Стальной звон прорезал шум зала. Оберин услышал его даже пьяным и остановился мгновенно.

У дальней стороны перевёрнутого стола стоял один из молодых дворян из компании Кайрена. Из носа шла кровь, в правой руке — обнажённый клинок. Напротив него уже поднимались двое военных XII Легиона, и один потянулся за собственным мечом.

Оберин развернулся.

— СТОЯТЬ!

Голос ударил по залу сильнее барабана. Даже Хаузер замер.

Оберин оттолкнул от себя человека, с которым секунду назад дрался, и шагнул к молодому дворянину.

— МЕЧ В НОЖНЫ! ЖИВО!

Тот тяжело дышал и попытался оправдаться тем, что на них напали первыми.

— Мне плевать, кто на кого напал! — рявкнул Оберин.

Алкоголь, злость и кровь на губах совершенно уничтожили остатки придворной выдержки.

— Кулаками захотели помахать — прекрасно! Разнесли кабак, набили друг другу морды, завтра заплатим хозяину и будем выглядеть идиотами! Это драка!

Он ткнул пальцем в клинок.

— А ЭТО, СУКИН ТЫ СЫН, УЖЕ НЕ ДРАКА!

В зале наступила такая тишина, что стало слышно тяжёлое дыхание людей.

Оберин пошёл прямо на лезвие. Хаузер произнёс его имя, но тот даже не услышал.

— Ты сейчас достал меч перед тремя Примусами XII Легиона, перед командирами Короны и направил его на моих людей.

Дворянин машинально отступил. Оберин шагнул следом, и его собственная рука опустилась на рукоять меча.

— Хочешь подраться — бей меня кулаком. Вон Вестар смог. Я даже отвечу. Но поднимешь на меня сталь — это уже не пьяная шалость. Сделаешь ещё один шаг с этим мечом — и я тебя убью.

Никакой шутки. Никакого сомнения.

Клинок всё ещё не опустился. Оберин медленно вытянул собственный меч из ножен на несколько пальцев.

— УБРАЛ МЕЧ! СЕЙЧАС ЖЕ, ПРОКЛЯТЬЕ, ПОКА Я НЕ РЕШИЛ, ЧТО ТЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОЧЕШЬ ПОПРОБОВАТЬ МЕНЯ УБИТЬ!

Хаузер встал рядом. У нового Примуса был разбит глаз, рубашка разорвана у воротника, но голос прозвучал совершенно трезво:

— Я бы послушал. Он сейчас значительно пьянее, чем выглядит, и в таком состоянии переговоры у него особенно короткие.

Рейд подошёл с другой стороны. Теперь перед молодым дворянином стояли три Примуса XII Легиона.

Он посмотрел на них, на собственный меч и наконец убрал клинок. Те, кто успел потянуться к оружию, последовали его примеру.

Оберин ещё несколько секунд не двигался, затем потребовал убрать всё остальное оружие и зло предупредил: хотите продолжать бить друг другу морды — продолжайте; ещё один меч он увидит — закончится трупом. Когда никто не ответил, Примус рявкнул ещё раз, понятно ли. Несколько голосов ответили практически одновременно.

Хаузер тихо заметил, что получилось очень дипломатично. Оберин велел ему заткнуться. Эйдриан удовлетворённо заключил, что теперь друг точно пьян.

И почему-то именно это окончательно разрушило напряжение.

* * *

Городская стража обнаружила трёх Примусов Пепельного Клинка, старшего сына лорда Вестара, нескольких дворян и пару военных других частей среди перевёрнутых столов, битого стекла и такого количества повреждённой мебели, что хозяин «Золотого грифона» уже составлял список виновных с точностью военного квартирмейстера.

Оберин сидел на краю стола, прижимая к рассечённой губе холодную ткань. Алкоголь всё ещё приятно шумел в голове, но после появления меча веселье заметно отступило. У Хаузера наливался синяк под левым глазом, Рейд лишился половины рукава, а Лоран Кейр выглядел так, словно всё это время присутствовал на официальном приёме и лишь случайно оказался среди обломков.

Капитан городской стражи смотрел на собравшихся с таким выражением, будто всерьёз обдумывал возможность немедленно уйти в отставку. Он хотел понять только одно: кто начал.

Оберин сразу указал на Кайрена. Хаузер возразил, что друг полчаса его провоцировал. Оберин объяснил: он лишь помогал человеку честно сформулировать намерения. Эйдриан напомнил, что Эвергарден назвал Вестара трусом и практически предложил себя ударить. Оберин счёл разговор продуктивным, раз тот всё-таки ударил.

Капитан перевёл взгляд на Хаузера и спросил, не он ли первым начал физическое столкновение с остальными. Новый Примус задумался и назвал такую трактовку спорной: перед ударом была продолжительная дипломатическая подготовка.

— Очень продолжительная, — подтвердил Оберин.

Рейд сообщил, что ему стыдно их знать. Элиана напомнила, что сам он лично сломал два стула. Примус IV когорты предпочёл замолчать.

На улицу Оберин и Хаузер вышли далеко за полночь. Дождь недавно закончился, мостовая блестела в свете редких фонарей. Прохладный воздух постепенно вытягивал из головы алкоголь, оставляя вместо веселья усталость и неприятную пульсацию в разбитой губе.

Хаузер первым заявил, что Оберин был невыносим. Тот ответил, что ему понравилось. Эйдриан напомнил, что друг практически предложил сыну влиятельного дома Арделона ударить себя. Оберин спокойно заметил: Кайрен хотел этого, он лишь помог.

Через несколько шагов веселье окончательно исчезло. Оберин вспомнил лицо Кайрена, когда прозвучали последние слова Эллара.

— Он имеет право меня ненавидеть.

Хаузер посмотрел на него.

— Ты только сейчас это понял?

— Нет. Только сейчас достаточно протрезвел, чтобы признать вслух.

Для Кайрена, сказал Оберин, брат был жив, а потом появился приказ командира — и брата не стало. Он не видел того, что видел III когорта. Если бы кто-то сделал такое с Хаузером и потом объяснил Оберину, что выбора не было, Эвергарден, вероятно, тоже захотел бы сломать ему лицо.

Хаузер помолчал и всё равно повторил: приказ был правильным.

— Я знаю, почему его отдал, — ответил Оберин. — Не уверен, что это одно и то же.

Некоторое время они шли без разговоров. Затем Эйдриан неожиданно улыбнулся и заключил, что вечер всё равно был хороший. Оберин перечислил последствия: разрушенная половина дорогого заведения, драка с людьми Вестара, угроза убить дворянина, завтрашние слухи во всём дворе.

— Мясо было великолепным, — напомнил Хаузер.

Оберин рассмеялся. На пустой ночной улице смех прозвучал слишком громко, но впервые за долгое время ему было всё равно.

У развилки Эйдриан вдруг вспомнил про аудиенцию и спросил, во сколько она назначена.

— В десять.

Хаузер посмотрел на разбитую губу Оберина. Потом Эвергарден посмотрел на огромный синяк под глазом друга.

— Король уже будет знать, — заключил Хаузер.

— В зале сидел Кейр. Эдрик, вероятно, узнает раньше, чем проснусь я.

Эйдриан оживился и попросил передать, что пытался остановить друга. Оберин напомнил: Хаузер первым полез в общую драку, и пообещал рассказать королю всё подробно, особенно эту часть.

Хаузер выругался ему вслед.

Оберин только поднял руку, не оборачиваясь.

Впервые с момента возвращения в столицу он ложился спать не с мыслями о Драксильском болоте. Правда, теперь появилась совершенно новая проблема: утром следовало объяснить королю Арделона, откуда у Примуса III когорты разбита губа и почему половина столицы уже наверняка знала ответ.

* * *

К десяти утра Оберин успел возненавидеть солнечный свет, собственную голову и Лорана Кейра.

Последнего — исключительно из принципа.

Он не знал наверняка, когда именно чиновник Королевской канцелярии успел передать во дворец подробности ночи в «Золотом грифоне», но не сомневался, что успел. Люди вроде Кейра редко носили мечи не потому, что были безоружны. Просто их оружие обычно не висело на поясе и не оставляло крови на полу.

Орен встретил Оберина на рассвете без малейшего сочувствия. Врач осмотрел рассечённую губу, проверил зубы, заставил несколько раз открыть и закрыть челюсть, а затем долго изучал сбитые костяшки пальцев с таким выражением, будто пытался определить не тяжесть травмы, а разновидность идиотизма, которая к ней привела.

— Ничего серьёзного. К сожалению, жить будете, — сообщил он наконец. — Я только закончил приводить вас в порядок после одиннадцати дней в Драксильском болоте, а вы решили доказать, что способны получать ранения и в столице. Приятно видеть такую последовательность.

Оберин, сидевший на краю кушетки с холодной тканью у губы, поморщился и объяснил, что это была дипломатическая встреча, на которой возникли разногласия. Орен посмотрел на сбитые руки и поинтересовался, после исчерпания ли дипломатических средств Примус перешёл к кулакам.

— Не сразу.

Врач тяжело вздохнул и спросил, сколько он выпил. Оберин попытался вспомнить и понял, что после определённого момента бокалы начали существовать независимо друг от друга.

— Не помню.

— Значит, больше, чем следовало.

— Именно поэтому и не помню.

Орен потребовал хотя бы до вечера не вступать в бой. Оберин напомнил, что через час у короля. Врач задумался и снял просьбу.

* * *

Королевский дворец возвышался над старой частью столицы огромной массой светлого камня.

Издалека он казался единым сооружением: башни, высокие крыши, зубчатые стены и красно-чёрные знамёна Рейвенаров над центральным донжоном. Внутри же представлял собой почти отдельный город. Старые корпуса первых королей соединялись с поздними галереями, внутренними дворами, садами, казармами дворцовой стражи и новыми залами, которые каждое поколение Рейвенаров пристраивало к наследию предыдущего.

Оберин прошёл три поста охраны. На первом проверили приглашение, на втором — имя, а на третьем молодой гвардеец скользнул взглядом по рассечённой губе Примуса и слишком поспешно отвёл глаза.

Этого было достаточно. Знают.

Оберин ничего не сказал. На нём были парадные доспехи XII Легиона — тёмная сталь с серебряной гравировкой, знак III когорты на груди и глубокий красный плащ, скреплённый у плеча. Шлем сегодня остался у оруженосца. Светлые волосы были туго собраны на затылке, старые шрамы скрывать он не пытался, и на их фоне свежая рассечённая губа выглядела особенно нелепо.

Камергер провёл его через длинную портретную галерею. Короли, королевы, полководцы и основатели старых домов смотрели со стен с тем одинаковым выражением достоинства, которое художники, по мнению Оберина, специально придавали людям после смерти.

На одном из полотен он всё-таки задержал взгляд. Эдрик IV был изображён значительно моложе нынешнего — в боевом доспехе, без короны, среди командиров королевских легионов. Справа от него стоял отец Оберина.

Эвергарден не остановился, только замедлил шаг.

Высокие двери малой аудиенционной палаты распахнулись.

— Примус Оберин Эвергарден, Ваше Величество.

Король ждал его не на троне.

Малая палата вообще мало напоминала место, предназначенное для демонстрации монаршей власти. Здесь не было придворных, длинных рядов стражи или возвышения с троном — только высокие окна, несколько кресел, тяжёлый стол и огромная карта Арделона, занимавшая почти всю дальнюю стену.

Эдрик IV стоял возле окна и читал какой-то документ. Королю было около шестидесяти. Возраст уже выбелил виски и оставил глубокие линии у глаз, но не сделал его слабым. Он всё ещё оставался высоким, широким в плечах и двигался с уверенностью человека, который когда-то много времени проводил в седле. Вместо короны и церемониальной одежды на нём был простой тёмный камзол, а на поясе висел меч — не украшенный придворный клинок, а настоящий боевой.

Оберин отметил это прежде всего остального.

Эдрик закончил читать страницу, положил её на стол и только тогда посмотрел на вошедшего Примуса. Взгляд сразу остановился на рассечённой губе.

Король молчал настолько долго, что Оберин начал подозревать: делает он это намеренно.

— Примус Эвергарден, — наконец произнёс Эдрик.

Оберин положил кулак на грудь и склонил голову.

— Ваше Величество.

Король снова посмотрел на его лицо и, кажется, окончательно решил не делать вид, будто ничего не заметил.

— Помогите мне разобраться. Вы одиннадцать дней вели когорту через Драксильское болото, встречались с неизвестными тварями, пережили несколько боёв и добрались до Денерима, сохранив большую часть костей на положенных местах. После этого вам понадобился один вечер в столице, чтобы всё-таки получить по лицу. Я правильно понимаю последовательность событий?

Оберин выдержал серьёзное выражение.

— Столица оказалась опаснее, чем я помнил, Ваше Величество.

Уголок рта Эдрика дрогнул.

— Эту версию мне следует считать официальной?

— Она значительно лучше остальных.

— Боюсь, официальная версия уже существует. Причём не одна.

Оберин едва заметно вздохнул.

— Кейр.

— Разумеется, Кейр. Очень полезный человек, особенно когда окружающие забывают о его присутствии.

Эдрик перебрал несколько листов на столе и сообщил, что по одной версии первым начал Вестар, по другой — Эйдриан, а в третьей непосредственным зачинщиком являлся стол.

Оберин на мгновение прикрыл глаза.

— Стол проявлял агрессию.

Теперь король рассмеялся. Негромко, но совершенно искренне.

— Ваш отец сказал почти то же самое, когда в двадцать девять лет разбил нос наследнику дома Валор и опрокинул на него половину ужина. Правда, в его версии виноват был стул.

Оберин поднял глаза.

— Отец?

— Вы полагали, что он родился сорокалетним легатом с готовым уставом в руках?

Эдрик обошёл стол и остановился напротив. Насмешка постепенно ушла с лица короля, хотя голос ещё оставался лёгким. Он знал старшего Эвергардена задолго до того, как Оберин научился держать меч, поэтому младшему можно было перестать изображать раскаяние — получалось всё равно плохо. Никто не погиб, владелец «Грифона» получит деньги за мебель, а молодой идиот, первым обнаживший клинок, уже объясняет городской страже, зачем направил оружие на трёх Примусов XII Легиона. На этот раз Эдрик ограничивался предупреждением.

— И всё же один совет: если собираетесь драться за несколько часов до аудиенции с королём, научитесь лучше защищать лицо.

— Вестар неплохо бьёт.

— Это не оправдание.

— Хаузер выглядит хуже.

Эдрик смерил его взглядом.

— Я видел донесение.

— Кейр?

— Половина столицы, Эвергарден. Вы переоцениваете способность Королевской канцелярии создавать слухи. Вчера вы прекрасно справились без неё.

Король указал на кресло.

— Садитесь. Теперь поговорим о причине, по которой я действительно хотел вас видеть.

Тон изменился настолько быстро, что вместе с ним будто изменилась сама комната.

* * *

На столе уже была разложена карта восточных земель. Драксильское болото занимало на ней большое серо-зелёное пятно между фронтиром и Денеримом. Карта оказалась старой: некоторых дорог, которыми пользовалась III когорта, на ней не было, зато оставались деревни, давно покинутые или разрушенные войной.

Эдрик положил ладонь рядом с болотом.

— Гонец из Денерима добрался до столицы раньше вас. Его донесение я прочёл, как и полный доклад легата. Теперь хочу услышать всё от человека, который принимал решения. Не пытайтесь сделать рассказ красивее или разумнее, чем он был. Меня интересует то, что произошло.

Оберин начал с Лысой горы и решения сократить путь.

Эдрик остановил его прежде, чем рассказ дошёл до первых часов в болоте.

— Почему Драксил?

— Приказ требовал скорейшего возвращения. Обход добавлял к дороге почти две недели.

Король кивнул.

— Тогда разделим это сразу. Срочность была реальной.

Оберин поднял взгляд.

Эдрик провёл пальцем по карте к столице.

— Три дома уже отозвали своих людей из городского ополчения. Один из трибунов стены дважды проигнорировал распоряжения Совета. Я собирал сюда части, которым доверял, потому что не был уверен, сколько времени ещё останется до того, как угрозы перестанут быть словами.

Оберин всё это уже слышал в Денериме. Но одно дело — донесения и слова префекта. Другое — услышать подтверждение от человека, который отдавал приказ.

— К нашему приходу никто не выступил.

— Никто не решился выступить, — поправил Эдрик. — Это не совсем одно и то же.

Он на мгновение посмотрел в сторону окна, за которым далеко внизу жила своей обычной жизнью столица.

— Когда возле города оказывается достаточно верных Короне солдат, политическая убеждённость некоторых лордов становится заметно осторожнее.

Оберин почти улыбнулся.

— Значит, мы всё-таки спешили не зря.

— Не зря.

Ответ прозвучал без колебаний.

Затем Эдрик постучал пальцем по серо-зелёному пятну Драксила.

— Но не путайте два решения, Эвергарден. Я приказал вам вернуться как можно быстрее. Через болото когорту повели вы.

Оберин выдержал его взгляд.

— Я знаю.

— Хорошо. Я тоже их не путаю.

На этом король закрыл вопрос.

Оберин продолжил. Рассказал о первых часах марша и нападении неизвестных существ, о дротиках, раненых, странном почернении крови и том, как быстро распространялись симптомы. О руинах пока умолчал; до них разговор ещё должен был дойти.

Король перебивал редко. Когда всё-таки задавал вопрос, он касался конкретной детали: сколько времени прошло между ранением и первыми признаками болезни, заболевали ли солдаты без повреждений кожи, одинаково ли вели себя твари во время разных нападений. Эдрик явно умел читать военные донесения. Ему не требовалось объяснять, почему движение пятисот легионеров по болоту отличается от движения двадцати разведчиков или зачем раненых пришлось собирать в одной части колонны.

Когда рассказ дошёл до последнего дня перед Денеримом, король откинулся в кресле.

— Шестьдесят один человек оставались живы?

Оберин подтвердил: часть уже не могла идти самостоятельно, но большинство держались на ногах. Они говорили, узнавали товарищей, понимали, что происходит.

Эдрик уточнил, сохранялось ли сознание. Оберин несколько секунд подбирал формулировку. Не полностью: солдаты помнили имена, звания и семьи, но некоторые слышали голоса из болота, другие теряли чувствительность в конечностях, начинались провалы памяти и судороги; у нескольких болезнь меняла поведение. Орен наблюдал их почти весь путь и был уверен лишь в том, что состояние продолжало ухудшаться.

Король провёл пальцем вдоль старого тракта к Денериму. Лечения не было, но до города оставалось два дня. Можно было связать заражённых, выделить охрану и попытаться довести их до городских лекарей.

Оберин знал этот аргумент. Последние недели он формулировал его сам себе куда жёстче любого будущего обвинителя.

Теоретически — да. Практически пришлось бы держать несколько десятков здоровых легионеров возле шестидесяти одного заражённого, не зная, что произойдёт через час, не говоря уже о двух днях. Если бы хотя бы несколько одновременно потеряли контроль, болезнь оказалась бы внутри колонны. А после колонны были ворота Денерима.

Эдрик некоторое время смотрел на карту.

— И вы решили, что жизнь шестидесяти одного солдата стоит меньше риска для нескольких тысяч жителей города.

Формулировка была неприятной именно потому, что в ней почти не было лжи.

Оберин поднял глаза на короля.

— Нет. Я решил, что эти шестьдесят один уже были потеряны, а остальные ещё нет.

Эдрик задержал на нём взгляд.

— Хороший ответ для командира, Эвергарден. И чрезвычайно плохой для суда.

Несколько секунд Оберин молчал, осознавая смысл последних слов.

— Значит, будет разбирательство.

Король подтвердил. Было бы странно, если бы его не было. Примус отдал приказ лишить жизни шестьдесят одного военнослужащего Короны без суда и без диагноза, который способен подтвердить хоть один королевский лекарь. Эдрик понимал причины; легат, судя по докладу, тоже. Но если король объявит этого достаточным, завтра любой командир сможет сослаться на военную необходимость после любого приказа, который не пожелает объяснять.

Оберин почувствовал, как напряглась челюсть.

— И что мне следовало сделать?

Эдрик не ответил сразу. Если спрашивать короля — следует дождаться разбирательства. Если спрашивать того, кто сам командовал солдатами, ответа у него нет.

— Я хотел бы сказать, что нашёл бы другой выход, — продолжил Эдрик. — Велел бы довести заражённых до Денерима, вызвал лекарей, придумал способ изоляции и спас всех. Это была бы красивая ложь. Я не стоял там, не видел этих людей и не должен был решать за несколько минут, что опаснее: оставить их в живых или привести к городу. Поэтому я не знаю, что сделал бы на вашем месте.

— Но судить будут меня.

— Потому что на вашем месте были именно вы.

Оберину ответ не понравился. Однако спорить с ним было трудно.

Король посоветовал не принимать расследование за приговор и не совершать обратной ошибки — не считать, что пережитое освобождает от необходимости отвечать за свои решения. Если Оберин когда-нибудь намерен командовать легионом, ему придётся научиться жить с обоими утверждениями одновременно.

Последняя фраза заставила Примуса внимательнее посмотреть на Эдрика, но тот уже снова склонился над картой.

— Теперь расскажите о руинах.

* * *

Именно с этого момента разговор изменился.

Оберин описал чёрный камень, наполовину ушедшие под воду стены и архитектуру, не похожую ни на одну известную ему постройку Арделона. Рассказал о зале, алтаре и символах на колоннах. О видении говорил осторожнее — назвал его потерей сознания после прикосновения к камню и признал, что видел образы, происхождения которых объяснить не способен.

Он сознательно оставил при себе другое: то, как одна из тварей будто узнала его; слово «Эвергарден», прозвучавшее не ушами, а внутри головы; ощущение, что нечто находившееся там ждало именно его.

Эдрик слушал почти неподвижно. И чем дольше продолжался рассказ, тем яснее Оберин замечал: король не удивляется там, где должен был удивляться.

Когда Примус закончил описание внутреннего зала, Эдрик спросил, хорошо ли сохранились символы, и вдруг уточнил:

— Среди них был знак из трёх вытянутых линий, сходящихся книзу в одну точку?

Оберин замолчал.

Эдрик тоже.

Они посмотрели друг на друга. Ошибка уже была сделана.

— Этого не было в моём донесении, — медленно сказал Оберин. — Я не описывал легату отдельные символы. У картографа остались зарисовки, но в столицу их ещё не отправляли. Откуда вы знаете, как выглядит знак?

Эдрик отступил от стола и некоторое время молчал.

— Существуют старые отчёты о подобных местах.

— Насколько старые?

— Достаточно.

Ответ Оберину не понравился.

— Достаточно старые, чтобы командование XII Легиона о них не знало?

Король поднял на него глаза.

— Следите за тоном, Примус.

Оберин почувствовал предупреждение, но после одиннадцати дней в болоте, ста двадцати потерянных людей и вчерашнего разговора с братом Эллара Вестара желание вести себя осторожно оказалось особенно слабым.

— С уважением, Ваше Величество, моя когорта вошла в место, о котором Корона, похоже, знала значительно больше, чем было указано на военных картах. Я потерял там сто двадцать человек. Шестьдесят одного пришлось убить уже после выхода. Если существовали

сведения, способные хотя бы предупредить меня о том, что находится внутри, думаю, я имею право спросить, почему их не было у меня.

Эдрик смотрел на него долго, затем неожиданно кивнул.

— Имеете.

Оберин ожидал чего угодно, кроме согласия.

Король отошёл к окну. С высоты палаты столица лежала почти целиком перед ним — крыши, башни, дым мастерских, далеко внизу узкая серебристая полоса реки.

— В последний раз Эвергарден стоял передо мной с таким же выражением лица за три дня до смерти вашего отца, — сказал Эдрик, не оборачиваясь.

Оберин замер.

— Мой отец знал об этих руинах?

— Я не сказал этого.

— Но он тоже задавал вам вопросы. О чём он спрашивал перед смертью?

Король снова замолчал. Теперь Оберин видел в его лице не раздражение, а усталость — очень старую и совершенно не похожую на ту, которую оставляет бессонная ночь.

Эдрик сказал, что существуют вещи старше Арделона, старше дома Рейвенаров и, возможно, старше большей части государств нынешнего мира. Некоторые знания пережили войны, падение династий и уничтожение целых библиотек — и далеко не всегда потому, что кто-то хотел их сохранить.

Оберин нахмурился.

— Это звучит как ответ, предназначенный для того, чтобы ничего не объяснить.

— Потому что именно им и является.

— Тогда дайте другой.

Взгляд короля мгновенно стал жёстче.

— Нет.

Одно слово прозвучало достаточно весомо, чтобы напомнить, кто именно находился перед Оберином.

Примус сдержался и спросил почему.

— Потому что сейчас вы знаете недостаточно, чтобы понять полный ответ, а я — недостаточно, чтобы быть уверенным, что имею право его вам дать.

Это было уже интереснее.

— Когда наступит время?

Эдрик посмотрел на Драксильское болото, отмеченное на карте.

— Возможно, значительно раньше, чем мне хотелось бы.

Король вернулся к столу и приказал сохранить разговор о руинах между ними. Ни легату, ни Хаузеру, ни Орену. Если Оберин снова встретит подобные символы, сооружения или любое проявление того же рода, он должен сообщить непосредственно королю, минуя всех.

Теперь сомнений почти не осталось.

— Значит, вы всё-таки знаете, что я видел.

— Нет.

Ответ последовал слишком быстро.

Оберин молча посмотрел на короля.

Эдрик выдержал этот взгляд несколько секунд, затем раздражённо выдохнул.

— Не смотрите на меня так.

— Как именно?

— Ваш отец делал то же самое, когда понимал, что я лгу.

— Значит, вы лжёте?

— Сейчас не время, Примус.

Оберин едва удержал улыбку.

— Это уже второй неответ за несколько минут.

Эдрик заметил, что именно благодаря подобной привычке старший Эвергарден одновременно был одним из лучших его командиров и одним из самых невыносимых людей Арделона.

— Звучит почти как похвала.

— Не обольщайтесь.

На мгновение напряжение ослабло. Только на мгновение.

Эдрик собрал бумаги на столе, давая понять, что аудиенция заканчивается. Оберин поднялся, положил кулак на грудь и уже дошёл до двери, когда король окликнул его.

Эдрик всё ещё стоял возле старой карты.

— Ваш отец действительно был одним из лучших командиров, которых я знал. И одним из самых упрямых. Постарайтесь унаследовать первое чуть сильнее второго.

Оберин подумал о вчерашнем «Золотом грифоне», разбитой губе и дворянине, которому несколько часов назад кричал убрать меч, пока сам держался за рукоять собственного.

— Боюсь, с этим уже поздно.

Эдрик посмотрел на его лицо.

— Я тоже.

На обратном пути Оберин снова оказался в портретной галерее. На этот раз возле старого полотна остановился.

Молодой Эдрик IV стоял среди командиров своей армии. Рядом — отец Оберина, ещё живой, ещё уверенный, что впереди достаточно времени для любых вопросов и любых ответов.

Теперь сын знал немного больше. Корона имела сведения о руинах Драксильского болота. Эдрик узнал символ, которого не мог видеть в докладе. Отец Оберина незадолго до смерти тоже пытался получить от короля ответы на какие-то вопросы.

Пока этого было недостаточно, чтобы связать одно с другим. Но достаточно, чтобы не считать совпадением.

Оберин продолжил путь к выходу из дворца. Разбитая губа, с которой утром пришлось предстать перед королём Арделона, теперь казалась удивительно простой проблемой.

* * *

На следующий день Оберин снова оказался во дворце.

На этот раз без похмелья, без свежих повреждений и без надежды, что разговор будет коротким.

Приказ прибыть на военный совет пришёл ещё вечером. Формулировка была обычной: присутствие Примуса III когорты XII Легиона требовалось для доклада о положении на восточном направлении. Если бы не вчерашний разговор с Эдриком, Оберин не придал бы этому особого значения. Теперь же слишком многое казалось связанным.

Военный совет собирался в западном крыле дворца, в помещении, больше похожем на штабную палату, чем на часть королевской резиденции. Центральное место занимал огромный стол, почти полностью покрытый картой восточных земель Арделона. Деревянные фигурки обозначали легионы, гарнизоны и известные силы Аэр'Вар; вдоль северной границы лежали небольшие металлические пластины с номерами обозов и укреплённых лагерей.

За столом уже находилось около двадцати человек: легаты нескольких легионов, командующий столичным гарнизоном, представители королевского военного ведомства, несколько членов Совета Короны и двое аристократов, чьи владения непосредственно соприкасались с восточными землями. Легат XII Легиона коротко кивнул Оберину и указал на место рядом с собой.

— Надеюсь, сегодня без мебели.

Оберин сел.

— Не вижу здесь подходящей.

Легат посмотрел на него сбоку.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

На противоположной стороне стола один из пожилых военных услышал их и усмехнулся. Остальные сделали вид, что не заметили.

Хаузера здесь не было. II когорта не участвовала в последних операциях на востоке, и новое звание само по себе не давало ему места на совете. Утром он выразил своё недовольство длинной речью о несправедливости государственного устройства, а затем заявил, что в отсутствие Оберина наконец сможет спокойно командовать легионом. Оберин напомнил, что пока только одной когортой. Хаузер велел ему проваливать во дворец.

Эдрик вошёл без объявления. Разговоры прекратились. Король был в той же простой тёмной одежде, что и во время вчерашней аудиенции, только сегодня на плечах лежал короткий плащ цветов Рейвенаров. Вместе с ним вошли ещё трое членов Совета Короны и Лоран Кейр.

Увидев последнего, Оберин прищурился. Кейр заметил и совершенно невинно улыбнулся.

Эдрик занял место во главе стола и сразу перешёл к делу. За последние двенадцать дней разведка отмечала снижение активности Аэр'Вар на трёх участках восточной границы. Варганские отряды оставили два передовых лагеря, прекратились рейды севернее Элларской дороги, а часть сил была отведена от перевалов.

По залу прошёл негромкий гул. Оберин наклонился над картой. Почти год линия фронта жила в одном и том же ритме: разведка, набеги, локальные столкновения, попытки прощупать оборону. Аэр'Вар могли менять направление ударов, но добровольно освобождать удобные позиции не любили.

Один из легатов предположил перегруппировку. Эдрик ответил, что такой вариант рассматривается, однако наблюдатели пока не видят крупных колонн, уходящих на север или юг. Командующий столичным гарнизоном заметил, что Варганы не оставляют удобную землю из любви к природе, и несколько человек согласно закивали.

Король дождался, пока обсуждение стихнет, и положил ладонь на край карты.

— О намерении Аэр'Вар прислать посольство многие из вас уже знают. Запрос на безопасный проход Корона получила несколько дней назад; копия приказа была отправлена в Денерим, поэтому Примус Эвергарден ознакомился с ним ещё до выхода в столицу. Сегодня ситуация изменилась.

Лоран Кейр развернул лежавший перед ним документ.

— Ривейн подтвердил состав миссии и маршрут. Делегация уже выступила. Если график не изменится, границу Арделона она пересечёт в ближайшие дни.

После этих слов за столом стало значительно тише. Слухи о переговорах были одним. Посольство, уже двигавшееся к арделонской границе, — совсем другим.

Эдрик продолжил: в составе миссии будут Варганы, Лиараны и Сайраны, официальная охрана, представители двора и сопровождающие лица. Заявленные цели оставались прежними — временное прекращение боевых действий, обмен пленными и обсуждение спорных участков границы. Если дороги не задержат их, до столицы они доберутся примерно через две недели.

Оберин смотрел на белую отметку у восточной дороги и вспоминал письмо, прочитанное ночью в Денериме. Тогда дипломатическая миссия была несколькими строками под королевской печатью. Теперь где-то за восточной границей действительно двигалась колонна Аэр'Вар.

Хаузер в Денериме шутил о вине, которое они привезут. Оберину и тогда не нравилось время, выбранное для внезапного миролюбия. После разговора с Эдриком и обнаружения того, что Корона знает о Драксильском болоте больше, чем говорит, это чувство стало только сильнее. Связи он по-прежнему не видел — и именно поэтому не собирался её придумывать.

Первым заговорил один из членов Совета Короны. Он напомнил, что значительная часть домов уже несколько месяцев требует хотя бы попытки прекратить войну. Если посольство дошло до границы, отказ принять его будет трудно объяснить тем, кто считает, что Корона не желает даже обсуждать мир.

— А если мы примем их сейчас, — возразил пожилой землевладелец, — другая половина двора решит, что достаточно было пригрозить переговорами, чтобы король отступил.

— От чего именно? — спросил Кейр. — От войны, которую предлагают прекратить обе стороны?

— От позиции силы.

Командующий столичным гарнизоном раздражённо заметил, что позицию силы обычно удобнее обсуждать тем, кто сам не держит границу. Несколько легатов одобрительно зашевелились, но Эдрик поднял ладонь, прежде чем спор успел уйти в сторону.

— Дело не только в границе.

Теперь никто не перебивал.

Король обвёл стол взглядом.

— Несколько недель назад мы всерьёз обсуждали, какие части успеют подойти к столице, если спор между Короной и домами перестанет ограничиваться письмами и заседаниями. Они подошли. Открытого выступления не произошло.

— Потому что вокруг столицы стоят ваши легионы, — произнёс один из членов Совета.

— В том числе.

Эдрик не стал спорить.

— Но если бы одного присутствия войск было достаточно, я бы уже отправил их обратно на границу. Причины конфликта никуда не исчезли. Война продолжается, расходы растут, семьи получают списки погибших, а дома, требовавшие переговоров месяц назад, не перестали их требовать только потому, что возле столицы стало больше солдат.

Несколько секунд никто не говорил.

— Значит, посольство вам нужно для внутренней политики, — сказал землевладелец.

— Мне нужно понять, возможно ли прекратить войну, — ответил Эдрик. — А если сам факт переговоров одновременно даст Короне время и уберёт ещё один повод для внутреннего конфликта, я не вижу причины этим пренебрегать.

Оберин посмотрел на короля внимательнее. Вот оно. Не примирение, не внезапно исчезнувший кризис — время.

Один из легатов заметил, что время можно получить и ценой, которую потом придётся выплачивать. Если Аэр'Вар используют переговоры для перегруппировки, Арделон ослабит давление на границе собственными руками.

— Поэтому войска с позиций никто не снимает, — ответил Эдрик. — Переговоры не являются перемирием, пока перемирие не подписано.

Кейр добавил, что существовала и обратная опасность. Если посольство войдёт в столицу и с ним что-нибудь произойдёт, значение будет иметь уже не только внешняя политика. Одни обвинят Корону в неспособности обеспечить безопасность переговоров, другие — в том, что она вообще допустила представителей Аэр'Вар за стены.

— Особенно если погибнет кто-нибудь из послов, — произнёс кто-то у дальнего края стола.

— Именно, — сказал Кейр.

Эдрик посмотрел на карту.

— Поэтому мне не нужен ни восторженный приём, ни город на военном положении. Они должны увидеть столицу государства, которое готово разговаривать и не боится их присутствия. А мои подданные — увидеть, что переговоры не означают капитуляцию.

После этого спор стал практичнее. Обсуждали размещение посольства, численность охраны и правила допуска вооружённых сопровождающих. Командующий столичным гарнизоном требовал ограничить их перемещения дворцовым кварталом. Кейр возражал, что превращать гостей в пленников в первый же день переговоров будет не лучшим дипломатическим жестом. Один из землевладельцев всё ещё считал, что разумнее вообще не пускать миссию дальше восточных ворот.

Эдрик выслушал всех.

Оберину стало окончательно ясно одно: посольство ещё не приблизилось к столице, а вокруг него уже сходились война, двор, армия и тот самый внутренний раскол, ради которого Пепельный Клинок несколько недель назад торопили домой. Если переговоры действительно начнутся, проще не станет.

Король закрыл обсуждение несколькими короткими распоряжениями, затем перевёл взгляд на другую часть карты.

— Теперь к вопросу, который уже находится внутри наших стен.

Он повернул голову к Оберину.

— Примус Эвергарден, встаньте.

Оберин поднялся. Все взгляды переместились на него, а легат XII Легиона остался сидеть рядом, хотя выражение его лица стало жёстче.

Для тех, кто не видел полного донесения, Эдрик кратко изложил цифры: в Драксильское болото III когорта вошла численностью четыреста девяносто три человека; в столицу вернулись триста семьдесят три. Сто двадцать не вернулись вместе с когортой. Часть погибла в боях, пятеро пропали и считались погибшими, ещё шестьдесят один были убиты по приказу Примуса Эвергардена после появления неизвестного заражения.

Некоторые присутствующие уже знали цифры. Другие, судя по лицам, — нет. Особенно последние.

— Вчера я выслушал Примуса лично, — сказал король. — Сегодня вопросы можете задать вы.

Первым заговорил не политик, а легат IX Легиона — седой мужчина с тяжёлым, обветренным лицом. Он уточнил, проходили ли солдаты Оберина карантин после выхода из болота. Примус объяснил, что в Денерим их не пустили сразу: сначала осмотрели раненых и остальных легионеров, затем ограничили передвижение когорты. За два дня наблюдения новых случаев среди тех, кого считали здоровыми, не появилось.

— Два дня — мало, — заметил легат.

— Согласен.

Мужчина явно ожидал возражения и на мгновение замолчал, прежде чем спросить, почему когорта всё же продолжила путь. Оберин объяснил, что местные лекари не нашли оснований удерживать их дольше, а приказ требовал возвращения к легиону. К тому же у всех известных заражённых симптомы начинались значительно быстрее двух дней, хотя превращать это наблюдение в абсолютное правило он не собирался: людей было слишком мало, а сама болезнь оставалась неизвестной.

После легата IX вопросы задал командующий столичным гарнизоном. Были ли новые случаи по дороге из Денерима? Нет. Смерти с похожими признаками в населённых пунктах, через которые прошла когорта? Ни одной известной. Осмотрел ли Орен всех после возвращения? Да, медицинское наблюдение продолжалось.

Эти вопросы Оберин понимал. Командующий отвечал за безопасность столицы и хотел знать, не привёл ли один из Примусов неизвестную болезнь за городские стены. Разговор был неприятным, но правильным.

Следующим заговорил лорд Мерран, пожилой землевладелец, чьи владения тянулись вдоль части восточной дороги. Он сразу признал, что не военный, и спросил о простейшей вещи:

— Зачем вообще вести почти пятьсот человек через Драксильское болото?

— Чтобы сократить путь до Денерима примерно на две недели по сравнению с обходным маршрутом.

— Две недели оправдывали такой риск?

Оберин не стал искать удобную формулировку.

— Тогда — да.

Мерран слегка нахмурился.

— Тогда?

— До входа в болото у меня были старые военные карты, сведения проводников и данные разведки. Маршрут считался тяжёлым и опасным, но проходимым. Сведений о неизвестных существах, заражении или руинах у меня не было. При этом приказ требовал вернуться как можно быстрее.

— Если бы знали то, что знаете сейчас?

— Я бы туда не вошёл.

— Значит, всё-таки признаёте решение ошибкой?

Оберин на мгновение посмотрел на карту.

— Нет. Я признаю, что оно привело к катастрофическим последствиям. Это не одно и то же.

По столу прошёл едва заметный шум.

Мерран не отвёл взгляда.

— Сто двадцать погибших, но решение не было ошибочным?

— Решение принимают не после того, как узнают результат. — Оберин говорил спокойно. — В тот день я должен был выбрать между известным обходным маршрутом, который задерживал когорту почти на две недели, и более короткой дорогой, считавшейся проходимой. Я выбрал Драксил. Теперь я знаю, что сведения были неполными. Тогда я этого знать не мог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.